
ЛОГОС

АВТОРЫ:

Андрей Баллаев
Петр Кондрашов
Андрей Майданский
Сергей Мареев
Вадим Межуев
Марчелло Мусто
Весла Ойттинен

#2 (81) (2011) ЛОГОС

ЛОГОС

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

История Маркса

Открывая заново Карла Маркса

Идея всемирной истории у Карла Маркса

Об экономии времени и «царстве свободы»

Онтология историчности в философии Маркса

Социальная философия и материалистическое понимание

истории • Логика исторической теории Маркса

 ТЕРРИТОРИЯ
БУДУЩЕГО

ЛОГОС #2 (81) 2011
философско-литературный журнал
издается с 1991 г., выходит 6 раз в год

Номер подготовлен при участии Kone Foundation (Хельсинки)

Главный редактор *Валерий Анашвили*

Редактор-составитель номера *Андрей Майданский*

Редакционная коллегия

Виталий Куренной (научный редактор),
Александр Бикбов, Михаил Маяцкий, Александр Павлов,
Николай Плотников, Артем Смирнов, Руслан Хестанов, Игорь Чубаров

Научный совет

А. Л. Погорельский (Москва), председатель
С. Н. Зимовец (Москва), *Л. Г. Ионин* (Москва), †*В. В. Калининченко* (Вятка),
М. Маккинси (Детройт), *Х. Мёкель* (Берлин), *В. И. Молчанов* (Москва),
Фр. Роди (Бохум), *А. М. Руткевич* (Москва), *К. Хельд* (Вупперталь)

Центр современной философии и социальных наук
Философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Addresses abroad:

“Logos” Editorial Staff с/о Dr. Michail Maiatsky Section de Langues et Civilisations Slaves Université de Lausanne, Anthropole CH-1015 Lausanne Switzerland michail.maiatsky@unil.ch	“Logos” Editorial Staff Dr. Nikolaj Plotnikov Institut für Philosophie Ruhr-Universität Bochum D-44780 Bochum Germany nikolaj.plotnikov@rub.de
--	--

Выпускающий редактор *Елена Попова*
Художник *Валерий Коршунов*
Верстка *Мария Минина*

Е-mail редакции: logos@orc.ru
<http://www.prognosis.ru/logos>
<http://www.ruthenia.ru/logos>

Отпечатано в ООО Типография «Момент»
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 11
Тираж 1000 экз. Заказ №

Содержание

<i>Вадим Межуев. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса</i>	3
Дискуссия	
<i>Веса Ойттинен. Об экономии времени и «царстве свободы»</i>	37
<i>Андрей Майданский. Экономика и свобода в «науке истории» Маркса</i>	45
<i>Вадим Межуев. Ответ моим оппонентам</i>	54
Метод и доктрина	
<i>Андрей Баллаев. Философия истории Маркса: реконструкции и надежды</i>	62
<i>Петр Кондрашов. Онтология историчности в философии Маркса</i>	81
<i>Сергей Мареев. Методология исторического исследования: социальная философия и материалистическое понимание истории</i>	97
<i>Андрей Майданский. Логика исторической теории Маркса: реформация формаций</i>	112
Новое в марксведении	
<i>Марчелло Мусто. Открывая заново Карла Маркса</i>	151
<i>Иной Маркс: возвращение к истокам (интервью с Марчелло Мусто)</i>	160

Идея всемирной истории в учении Карла Маркса

Как бы ни оценивать время жизни и деятельности Маркса, оно, несомненно, осознавалось им и его современниками под знаком не вечности, а исторической конечности. XIX век, по словам Мишеля Фуко, был «веком Истории». В этот век историческое время с его текучестью и подвижностью окончательно вытеснило из теоретического сознания всякую отсылку к вечным сущностям и субстанциям в их религиозном и метафизическом истолковании. Все трансцендентное утратило свою силу. История стала мыслиться не как чисто внешняя — хронологическая — последовательность вещей и событий, а как способ их бытия, диктующий свои законы труду, жизни, языку. Если XVIII в. мыслил мир как «порядок тождеств и различий», то XIX в. уподобил его «порядку времени», позволяющему методом аналогий сравнивать и сопоставлять между собой по-разному организованные миры. «Для мысли XVIII в. временные последовательности были лишь внешним признаком, лишь нечетким проявлением порядка вещей. Начиная с XIX в. они выражают — с большей или меньшей прямоотой, вплоть до разрывов — собственный глубоко исторический способ бытия вещей и людей»¹.

История, согласно Фуко, есть всегда история конечного человека, живущего под постоянной угрозой смерти (от голода или других напастей) и пытающегося посредством истории избавиться от своей конечности, преодолеть ее, повысить до максимума степень своего жизнеобеспечения и личной безопасности. С этой целью он и превращает историю в способ существования производства, жизни, языка, заставляя их постоянно прогрессировать, изменяться в нужном для него направлении. Но историческое время, как и любое другое, имеет свое начало и конец. Преодолеть свою конечность или как-то ослабить ее человек может двумя путями: либо замедлить время, приостановив его, превратив в бесконечно длящееся настоящее, либо выскочив из него в какое-то другое время. То и другое означает «конец Истории». Первое — пессимистическое — решение принадлежит, по мнению Фуко,

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 362.

Рикардо, второе — революционное — Марксу. Хотя первый проповедовал бесконечное замедление, а второй — решительный перелом, оба они провозгласили приближение конца Истории. «Конецность во всей своей истине дается во времени — и вот времени наступает конец»². В итоге оба впали в утопию, в которой нет ни времени, ни пространства.

Обвинение Маркса в утопизме — наиболее распространенное у его многочисленных критиков. Вопреки тому, что он сам думал о себе, претендуя на научное объяснение истории, в нем часто видят не ученого, а утописта, предпочитающего знанию о том, что было и есть, пророчество о том, чего никогда не будет. Но может ли историческое познание быть не просто занимательным пересказом событий прошлого или утопической грезой о будущем, а знанием научным, претендующим на постижение истории в ее целостности? Может ли целостное постижение истории быть не метафизикой, а наукой? Вплоть до настоящего времени этот вопрос дебатруется среди историков и методологов науки. В XIX в. учение Маркса стало одной из наиболее грандиозных попыток создания научной теории истории. Можно спорить о том, создал он такую теорию или нет, но нельзя оставить без внимания, как он мыслил ее создание. Осуществить этот замысел, по его мнению, нельзя ни в качестве философа, ни в качестве экономиста или социолога (типа, например, О. Конта). Кем же в действительности был Маркс?

1. Маркс как историк: от философии истории к исторической науке

О Марксе как философе и экономисте написаны горы книг. Для философов он — преимущественно философ, занятый разработкой логики и теории познания, для экономистов — экономист, посвятивший себя изучению капиталистической системы отношений. Но все эти образы Маркса плохо вяжутся с тем, кем он считал себя на самом деле. В «Немецкой идеологии», подводя черту под своим и не только своим философским прошлым, Маркс и Энгельс писали: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей... История природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается; историей же людей нам придется заняться, так как почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее»³.

Хотя эти строки были вычеркнуты из последующей редакции «Немецкой идеологии» ее авторами, они свидетельствуют о том, что Маркс счи-

² Там же. С. 345.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 19–20.

тал себя прежде всего историком, но историком особого рода, претендующим на научное понимание истории, названное им материалистическим. Наука, которой он хотел заняться, порывала и с эмпирической историографией, занятой преимущественно сбором и описанием исторических фактов, и с идеалистическим пониманием истории, сводившим ее к «так называемой истории культуры, которая целиком является историей религий и государств»⁴. По отношению к исторической науке материалистическое понимание истории было призвано сыграть примерно ту же роль, что теория Дарвина по отношению к науке биологической.

С этого пункта и начинается недопонимание историко-материалистического учения Маркса даже его последователями и сторонниками. Его упорно числят по ведомству либо философии истории, либо социальной философии, либо философской антропологии. Почему-то в глазах даже симпатизирующих Марксу людей квалификация его учения как философского придает ему большую ценность, чем ее признание в качестве научной теории. С традицией считать философской любую теорию (особенно в гуманитарных и исторических науках) можно было бы примириться, если бы не настойчивое желание самого Маркса противопоставить свое материалистическое понимание истории именно философскому взгляду на исторический процесс, являющемуся, по его мнению, результатом чистейшей спекуляции и умозрения.

В то же время историческое знание, как это было ясно уже Марксу, нельзя уподобить и знанию естественнонаучному, ибо история людей в одном пункте существенно отличается от истории природы — в ней есть *субъект*, действующий в силу не природной необходимости, а сознательно избранной и поставленной перед собой цели. Наличие в ней такого субъекта порождало бесконечные философские спекуляции на тему о смысле и цели самой истории. Вместе с тем после Канта и Гегеля уже нельзя было судить об этом субъекте по аналогии с природным объектом, распространять на него методы познания математических и естественных наук. В качестве исторического субъекта могут выступать разные человеческие сообщества, но в любом случае историю делают люди, смысл деятельности которых нельзя постичь путем апелляции к законам, подобным природным.

Задолго до неокантианства Маркс осознал, что историческая истина достигается посредством не генерализации (обобщения) — подведения частного явления под общий закон развития, — но уяснения индивидуального своеобразия каждой отдельной исторической эпохи, ее особого места в общей цепи исторической эволюции. В отличие, однако, от неокантианцев Маркс полагал, что субъект исторического действия существует в своей исторической конкретности в силу не просто разделяемых им ценностей, а наследуемых и создаваемых им общественных отношений. То, во что верят люди, что считают ценностью, во многом

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 46.

определяется системой их общественных отношений. В качестве творца этих отношений человек и является историческим субъектом. История в конечном счете складывается в результате деятельности людей, преследующих свои цели, подчас далеко расходящиеся между собой. Степень реализуемости этих целей определяется наличием уже созданных ранее производительных сил и производственных отношений. По мере возрастания в истории роли человеческого фактора она все более обретает характер не природного, а естественноисторического процесса, не отрицающего природную необходимость, но включающую ее в более широкий — общественный и культурный — контекст.

Отсюда ясно, почему история для Маркса — не только прошлое. История, понимаемая только как прошлое, воспроизводит недостаток старого — созерцательного — материализма, для которого действительность существует лишь «в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»⁵. В качестве прошлого история — исключительно объект познания, к которому познающий ее субъект, живущий в настоящем, не имеет прямого отношения. Наше собственное отношение к истории ограничивается в этом случае исключительно ее познанием. Раньше была история, а теперь ее больше нет. Истории нет и тогда, когда настоящее мыслится по аналогии с прошлым. В равной мере она — и не пророчество о будущем. История, если она действительно существует, — это то, что происходит с нами сейчас, в настоящем. Прошлое и будущее существуют по отношению лишь к настоящему. Без настоящего нет ни прошлого, ни будущего. Понять настоящее — значит обрести ключ к пониманию как прошлого («анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»), так и будущего⁶.

Но может ли настоящее быть предметом науки? И чем является такая наука? Ведь большинство общественных наук (от экономической до правовой и социальной) вроде также имеют дело с настоящим, но их почему-то не считают историческими науками. Дело в том, что настоящее для них — всего лишь хронология, реальность, обозначенная определенной датой. Оно охватывает собой все, что существует на данный момент времени. Но все ли, что существует сегодня, можно считать историческим настоящим, или современным? А как быть, например, с так называемыми пережитками прошлого? И что считать такими пережитками? Настоящее — не просто хронология, но особое историческое состояние. И ответить на вопрос, чем оно отличается от прошло-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. С. 105.

⁶ Уже в одной из своих ранних статей Маркс писал: «Преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир... Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем». (Сочинения. Т. 1. С. 379.)

го, может только историческая наука. Живя в настоящем, люди не просто познают историю, но своей деятельностью прямо или косвенно творят ее, сообразуясь, конечно, с условиями и обстоятельствами своего времени. Задача исторической науки, как ее понимал Маркс, и состоит в доведении до сознания людей того, как они, живя в настоящем, делают историю, участвуют в историческом процессе.

В большинстве своем люди не осознают себя творцами истории, полагая, что история делается не ими, а другими — выдающимися личностями, царями, героями. Их сознание неадекватно их бытию, тому, кем они реально являются в истории. В этом пункте Маркс и расходится с Гегелем. Для Гегеля проблема неадекватности сознания бытию решается просто — посредством изменения сознания. Одно сознание надо заменить на другое — вот и вся проблема. Согласно Марксу, люди не могут изменить свое сознание, не изменяя своего бытия, которое в любом случае есть *их-бытие-в-обществе, или общественное бытие*. Предметом истории как науки и должно стать рассмотрение процесса созидания и изменения (производства) людьми своего общественного бытия, из чего следует выводить и изменение их общественного сознания. «Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающее свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»⁷. Сознание имеет собственную историю лишь по видимости, будучи следствием производства людьми своего общественного бытия. С переноса внимания историка с производства сознания на производство бытия «как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание. В результате история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов»⁸.

Сказанное хорошо известно каждому, кто хоть как-то знаком с учением Маркса, и не вызывает особых разногласий (за исключением разве того, куда относить это учение — к философии или науке). Расхождения начинаются с вопроса о том, что понимать под общественным бытием, что отличает его от любого другого вида бытия и чем может быть наука, делающая общественное бытие своим предметом. Должна ли она уподобить-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. С. 30.

⁸ Там же.

ся экономической, социологической, политической или какой-то другой науке или существует в своем собственном, отличном от них качестве.⁹

2. Общественное бытие как предмет исторической науки

Вопрос о бытии был поставлен, конечно, задолго до Маркса — философами Древней Греции. Однако в Новое время он как бы выпал из поля зрения философов, переключивших свое внимание с онтологической на гносеологическую проблематику, на теорию познания. На смену размышлениям о том, чем является мир в своем объективном существовании, пришли разного рода опыты о природе человеческого сознания и познания. Причину подобного переключения внимания с бытия на познание следует искать, по мнению Лукача, в практике буржуазного общества, пытающегося уйти от вопроса о своей собственной природе. «Попытка по-настоящему обратить мысль о мире опять к бытию может ныне иметь успех только на пути возрождения онтологии марксизма»¹⁰.

Что же отличает онтологию (учение о бытии) Маркса от всех прочих видов онтологии? Прежде всего трактовка бытия не как метафизической или естественнонаучной, а как научно-исторической категории. Бытие — не природа в ее оторванности от человека и не человек в его оторванности от природы, а единство человека с природой, как оно дано в процессе его трудовой деятельности. Такая деятельность, будучи не просто физической или психической, носит в равной мере предметно преобразующий (материальный) и сознательный характер. Разрыв между телом и душой, материальным и идеальным, так до конца и не преодоленный в философии, решается Марксом посредством обращения к общественно-преобразующей деятельности человека, заключающей в себе причину существования того и другого. Даже телесность человека — не естественный дар природы, а следствие его общественно-деятельного образа жизни, накладывающего на природный материал специфически человеческую форму. В любом случае сущность человека следует искать в совокупности («ансамбле») создаваемых им общественных отношений, которые складываются из его *отношения к природе, другим людям и самому себе*. «Быть» для индивида значит определенным образом относиться к природе, другим людям и самому себе. Общественное бытие можно определить, тем самым, как деятельное единство человека с природой, другими людьми и самим собой, что, разумеется, раскрывается в полной мере не в начале, а в ходе всего исторического движения.

⁹ При обсуждении этого вопроса нельзя оставить без внимания книгу Д. Лукача «К онтологии общественного бытия. Прологомены» (М., 1991) — хотя до конца не завершенное, но наиболее основательное в марксистской литературе исследование на данную тему.

¹⁰ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. С. 66.

Казалось бы, судить об общественном бытии можно на основании непосредственного наблюдения над повседневной жизнью людей. Какими люди предстают в своей действительной жизни, таково и их общественное бытие. Но это верно лишь отчасти. Даже на относительно высоких ступенях общественной эволюции люди часто ведут себя подобно животным, но еще не как общественно развитые и разумные существа. Общественное бытие постигается, скорее, в процессе критики наличного бытия, из чего следует, что оно никогда не предстает в окончательно сложившейся форме. Онтология Маркса – это онтология незавершенного, не сложившегося до конца общественного бытия. В ней фиксируется не то, что уже существует в наличии, а что находится в процессе становления и развития. По словам Лукача, «истинное обращение к самому бытию может иметь успех только тогда, когда его существенные свойства будут пониматься как моменты определенного по своей сущности исторического процесса развития и будут положены в основу критического рассмотрения, соответственно специфическому характеру историчности и определенному в данном случае роду бытия»¹¹. Общественное бытие – не статическое, а динамическое состояние, находящееся постоянно в *процессе развития*, который, однако, не следует отождествлять с натуралистически трактуемым эволюционизмом. В отличие от эволюции природных тел и живых организмов развитие общественного бытия человека целиком определяется, направляется и контролируется его деятельностью.

Любое историческое развитие исходит не из пустоты, не из ничего, а из определенных предпосылок, которые в отличие от метафизических (умозрительных) предпосылок носят характер эмпирически очевидных констатаций. «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»¹². Первой такой предпосылкой является сам факт существования живых человеческих индивидов с их телесной организацией и отношением к окружающей природе. Природная обусловленность жизнедеятельности людей и те изменения, которые они вносят в окружающую среду, производя необходимые им средства жизни, – вот исходная основа человеческой истории. «Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они благодаря деятельности подвергаются в ходе истории»¹³. Труд как

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. С. 22.

¹³ Там же. С. 23.

процесс преобразования вещества природы в полезный для человека продукт, — такова первая и сама собой разумеющаяся предпосылка существования человеческой истории. Эта предпосылка ниоткуда не выводится Марксом, а предполагается как принадлежащая самой природе человека, лежащая в основании всей его последующей истории.

Было бы, однако, серьезной ошибкой, противоречащей замыслу Маркса, сводить всю историю к такому труду. Как обмен веществ между природой и человеком труд есть «вечное естественное условие человеческой жизни», от которого не может освободить никакое общество. В любом обществе человек вынужден создавать необходимые ему средства жизни, причем во все возрастающем объеме. В такой необходимости еще нет ничего, что отличало бы человека от животного, которое ведь тоже трудится (охотится, создает запасы пищи, роет норы, вьет гнезда и пр.). В отличие, однако, от животных человек создает не только то, в чем нуждается сам или его прямое потомство, но в чем нуждаются другие, с кем он не связан узами кровного родства или территориальной близости. Иными словами, он трудится в силу своей не только органической, но и общественной потребности, которая дана ему в виде не бессознательного влечения или инстинкта, а осознанной цели. Производя для других, он одновременно производит свои отношения с другими, хотя данное обстоятельство до определенного времени скрыто от его сознания. Общественная природа человека, его общественное бытие ни в чем не дает о себе знать с такой отчетливостью, как в его способности производить для других. Производство средств жизни тем самым «предполагает *общение* индивидов между собой»¹⁴, получающее на каждой ступени производства новую форму. Одновременно оно предполагает производство идей, представлений, сознания, которое «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹⁵. Следовательно, человек — существо *трудовое, общительное и сознательное*. Труд, общение, сознание — есть те исходные предпосылки, из которых складывается его общественное бытие на любом этапе исторического развития. Вопрос лишь в том, как они согласуются между собой на каждом из этих этапов.

Отсюда видна некорректность приписывания Марксу идеи сведения общественного бытия к одной лишь экономической деятельности, что дало повод его многочисленным критикам обвинять его в экономическом детерминизме, или, как назвал его учение Карл Поппер, экономическом историцизме. Казалось, подобное мнение подтверждается высказываниями самого Маркса относительно определяющей роли материального производства в общественной жизни, но материальное для Маркса отнюдь не во всех случаях является синонимом экономического. Их отождествление оправдано по отношению к буржуазному обществу, которое было

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 29.

для Маркса современным, но за его пределами не столь однозначно. Будучи базисом этого общества, экономика дает ключ к пониманию прошлого и будущего, из чего, однако, никак не следует, что прошлое и будущее могут быть истолкованы по прямой аналогии с ним, т. е. исключительно в экономическом ключе. «Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для всех других общественных форм, то это надо принимать лишь *cum grano salis*. Они могут содержать в себе эти последние в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д., во всяком случае, в существенно измененном виде»¹⁶.

С целью доказательства экономической природы всех существовавших до капитализма общественных форм обычно ссылаются на знаменитое предисловие Маркса к произведению «К критике политической экономии». Как всех учили в советские времена, в нем дано классическое изложение материалистического понимания истории. Нет смысла излагать его целиком, но положение о том, что способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще, что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание¹⁷, считалось сутью этого понимания. Такого же мнения придерживался и Энгельс, назвавший данное положение революционным открытием не только для политической экономии, но и для всех исторических наук¹⁸. Но является ли способ производства материальной жизни в любом случае экономической категорией?

Нельзя не обратить внимания на то, что данное положение сформулировано Марксом применительно к анализу прежде всего гражданского, или буржуазного, общества, анатомию которого действительно следует искать в политической экономии. Свой первоначальный интерес к гегелевской философии права, как пишет Маркс, он позже перенес в область политической экономии, полагая, что именно здесь лежит ключ к объяснению происхождения и эволюции данного общества. Общий результат своих размышлений на данную тему, давший ему руководящую нить для дальнейшего исследования, и был кратко сформулирован им в предисловии. В нем, по моему мнению, изложена программа исследования все же не всей истории в целом, а только той ее части, которая получила у Маркса название «общественно-экономической формации». Последняя, конечно, не исчерпывается капиталистическим способом производства, но и не охватывает собой, как ему станет ясно впоследствии, всей истории. Даже начальные этапы становления этой формации — античность и феодализм — не могут быть полностью выведены из экономического основания. Но об этом чуть позже.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 732.

¹⁷ Там же. Т. 13. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 490.

В равной мере это касается и общественного сознания. Его исключение из общественного бытия, будучи оправданным по отношению к буржуазному обществу, не столь очевидно за его пределами. Люди, разумеется, в любом случае начинают с производства необходимых средств жизни, но далеко не всегда делают это бессознательно. Считать, что пока люди трудятся, они не мыслят, а когда мыслят, то уже не трудятся, вряд ли правильно в отношении всех форм их общественной жизни. Даже в своих простейших определениях труд, согласно Марксу, носит целесообразный характер, регулируется, как законом, заранее поставленной целью, т. е. с необходимостью включает в себя элемент сознания. Человеческий труд тем и отличается от органической деятельности животных, что с самого начала носит сознательный, а не инстинктообразный характер. И только в результате общественного разделения труда сознание обретает относительно самостоятельную форму существования, отделяется от общественного бытия.

Общественное бытие — не абстрактная, от века данная сущность человека (наличие такой сущности Марксом категорически отвергается), а система («ансамбль») общественных отношений, создаваемая людьми в процессе их материальной и духовной (сознательной) деятельности. В буржуазном обществе эта система предстает в форме вещных (товарно-денежных) отношений, функционирующих независимо от сознания включенных в них индивидов. В таком виде она и изучается политической экономией. В отличие от нее задачей исторической науки является не просто анализ этой системы, но установление ее исторических границ, что в плане теоретическом означает «критику политической экономии» (подзаголовок «Капитала»). Можно, конечно, и эту критику числить по разряду экономической науки, но нельзя игнорировать ее отличие от того, чем обычно занимаются экономисты. Маркс действительно утверждал определяющую роль материального производства в обществе, но из этого никак не следует отождествление этого производства с экономической деятельностью в любых обстоятельствах.

Само по себе производство полезных вещей, или потребительных стоимостей (материальное производство), равно как и производство идей (духовное производство), не является, согласно Марксу, предметом исторической науки. Таким предметом является производство общественных отношений между людьми, или общественное производство, которое во всей предшествующей истории существовало не непосредственно, а опосредованно — в форме производства вещей и идей. В качестве творца этих отношений (субъекта общественного производства) человек постигается посредством не философского или экономического, а научно-исторического анализа. Если в философии он — только мыслящее существо (потому она и является синонимом идеалистического понимания истории), то в политической экономии он — рабочая сила, создающая товар. Его она и выдает за идеал человека. Поэтому «под видом признания человека политическая экономия, принципом

которой является труд, оказывается, скорее, лишь последовательным проведением отрицания человека»¹⁹. Философия истории и политическая экономия имеют дело, следовательно, с историей идей или вещей (в форме товара), но не с *историей людей*. Такой историей и занимался Маркс. «Капитал» с этой точки зрения — не столько экономическое, сколько историческое сочинение, в котором историко-материалистическая гипотеза Маркса, по замечанию В. И. Ленина, получила научное подтверждение. Только так можно понять содержание этой книги, равно как и метод, использованный при ее написании.

Сам Маркс достаточно точно описал особенности этого метода: «... Наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние формы исторических способов производства... Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого... С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений, и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему. Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т. е. уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как устраняющие самих себя, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя»²⁰.

Метод Маркса, использованный им в «Капитале», сочетал в себе теоретический анализ объекта с его историческим рассмотрением, т. е. логическое и историческое. Это позволило преодолеть абстрактную, внеисторическую форму изложения экономической теории, придать ее категориям исторически конкретный характер. В этом, собственно, и состоял метод восхождения от абстрактного к конкретному. Попытка в теоретическом познании объекта (в данном случае буржуазной экономики) абстрагироваться от его исторического рассмотрения приводит к увековечиванию (фетишизации) этого объекта, в чем Маркс, собственно, и обвинял экономическую науку. Там, где экономисты берутся изображать реальные отношения, история почему-то исчезает. Игнорировать исторический характер категорий политической экономии — значит, придавать выраженным в них отношениям характер естественных и вечных условий человеческой жизни. «Экономисты, — писали Маркс и Энгельс, — употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существуют только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодалные институты — искусственные, буржу-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 109.

²⁰ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 449.

азные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые также устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия есть выдумка людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога... Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет»²¹. Заметим, что это сказано задолго до Ф. Фукуямы с его идеей конца истории.

С другой стороны, историческое рассмотрение объекта вне логического анализа сводит его либо к эмпирической фиксации его разных состояний без какой-либо их внутренней связи и последовательности, либо к оценке и критике этого объекта с позиции некоторого отвлеченного идеала. В XIX в., как известно, не было недостатка в такой критике. В отличие от некритического позитивизма эмпирической науки эта критика носила, по выражению Маркса, морализирующий, а то и откровенно мистический характер, отталкивалась от метафизически истолкованной природы человека, от постулатов трансцендентального и абсолютного разума. Историю судили и рядили мерой, лежащей вне истории. Подобная критика действительно является разновидностью утопического сознания, противопоставляющего реальности то, что нельзя обнаружить ни в каком опыте.

Из этого часто делают вывод об утопичности любой критики, поскольку та апеллирует к несуществующей действительности. Задача науки не критиковать, а систематизировать то, что дано в опыте, что можно непосредственно наблюдать в самой действительности. Такова позиция социологического и исторического позитивизма. Между моральным критицизмом, впадающим в утопизм, и некритическим позитивизмом, казалось бы, нет никакого иного пространства, на которое может претендовать наука. Предложенный Марксом исторический метод позволил избежать обеих крайностей. Применительно к экономической науке он призван был доказать, что ее категории и понятия не являются истиной на все времена, не содержат в себе объяснения истории в ее целостности. Наука вполне совместима с критикой при условии совпадения в процессе познания логического и исторического.

Следует особо подчеркнуть, что предметом научной критики Маркса был не капитализм и не рыночная экономика, как их можно наблюдать в действительности, а их отражение в политической экономии. Эту критику можно назвать поэтому критикой экономической теории с позиции исторического разума (подобно кантовской критике математической и физической науки с позиции трансцендентального разума). Маркс, разумеется, не исключал возможности дальнейшего развития экономической науки, но предполагал, что оно пойдет, скорее, по пути ее вульгаризации, скрывающей действительный источник капиталистического накопления, саму тайну происхождения капитала. Но возможна ли экономическая наука, предметом которой являются не рыночные, а какие-то совсем другие общественные отношения? Ответить на этот

²¹ Там же. Т. 4. С. 142.

вопрос можно лишь после того, как станет ясно, что понимал Маркс под историей в целом.

Во всяком случае, анализ общественного бытия в его исторической всеобщности требует иного языка, чем тот, на котором говорит экономическая наука. Его и пытался выработать Маркс. Таким языком являлся для него язык не экономической, а исторической науки, язык *практики*, фиксирующий «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения»²². Практика есть изменение не только объекта, но и субъекта деятельности, т. е. самого человека. «В самом акте воспроизводства, — писал Маркс, — изменяются не только объективные условия... но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»²³. Общественное бытие есть поэтому не экономическая, а практическая деятельность. «Всякая общественная жизнь является по существу *практической*»²⁴. Исторический материализм Маркса является в этом смысле не экономическим, а *практическим материализмом*: он так и называл его, отличая от всех иных форм материализма. В отличие от экономики практика придает бытию характер деятельности, имеющей своим главным результатом изменение не просто вещей и идей, а самих людей. В таком качестве она и образует предмет исторической науки.

3. История и общество: единство или противоположность?

Но в каком смысле люди могут меняться, развиваться, становиться другими? Речь идет, очевидно, об изменении их не физической или психической (естественной), а какой-то совсем другой природы. Как природные существа мы мало чем отличаемся от людей прошлых эпох. Тем не менее без развития человека невозможна и его история. В чем же тогда состоит это развитие?

Люди, согласно Марксу, изменяются по мере того, как изменяются их отношения друг с другом, т. е. как прежде всего общественные существа. Животные по истечении многих лет остаются теми, кем были в самом начале (в худшем случае они вымирают), человек же, сохраняя свой физический и психический облик в более или менее неизменном виде, изменяет форму своего общения, само общество, в котором он живет. В процессе труда он создает не просто полезные для себя вещи — продукты питания, одежду, жилище, орудия труда и пр. (об этом знали задолго до Маркса, и здесь не было никакого открытия), но и свои

²² Там же. Т. 42. С. 262.

²³ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 483–484.

²⁴ Там же. Т. 42. С. 263.

отношения друг с другом, а следовательно, и себя как общественное существо. В письме к Анненкову от 1846 г., содержащем критику Прудона, Маркс писал: «Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения*, при которых они производят сукно и холст»²⁵. К этому Маркс добавляет: «Еще меньше понял г-н Прудон, что люди, производящие свои общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также *идеи и категории*, то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений»²⁶.

Маркс открыл тем самым *общественную природу труда* (или общественный труд), состоящую в способности человека создавать не просто полезные для себя вещи, но и свои общественные отношения. Хотя люди до определенного момента включены в них как бы помимо своего сознания и воли, создаются они, тем не менее, самими людьми в соответствии с достигнутым ими уровнем развития своих производительных сил. Производя для других, они одновременно производят свои отношения с другими, хотя данное обстоятельство в силу объективных причин и до определенного момента скрыто от их сознания.

Но почему человек, творя историю, оказывается в ней не властелином своей судьбы, а ничтожно малой величиной, полностью зависящей от господствующих над ним сил и отношений? Почему люди в большинстве своем не осознают себя хозяевами мира, который сами же и создали? «Потому, — отвечает Маркс, — что созданное ими принадлежит не им, а кому-то другому, следовательно, отчуждено от них». Здесь возникает важная для Маркса тема *отчуждения труда*, которая вместе с темой практики образует основу его понимания истории.

Если практика утверждает центральную роль человека в мире, ставит его в положение творца и господина, то отчуждение делает его существом во всех отношениях подневольным и угнетенным, усматривающим в мире постоянную угрозу своему существованию и свободе. Практика и отчуждение — это как жизнь и смерть: первая не имеет границ в своем самоосуществлении, вторая ограничивает человека вплоть до его полного выключения из общественной жизни. Общественная сущность человека предстает в последнем случае в мифологизированной, обожествленной или просто социально отчужденной форме государства, денег (капитала), идеологии и пр. В таком виде она и становится предметом изучения политической экономии с одной стороны, философии — с другой.

Чем же должна быть наука, пытающаяся раскрыть практический характер человеческого труда? Ответом на этот вопрос и стала историческая теория Маркса, которую в отличие от «Феноменологии духа»

²⁵ Там же. Т. 27. С. 410.

²⁶ Там же.

Гегеля, стоявшего, как и классическая политическая экономия, на точке зрения отчужденного труда, можно было бы назвать феноменологией труда. В любом случае мы имеем дело с каким-то совершенно новым типом исторического познания, не укладывающимся ни в одну из известных к тому времени его форм (перечисленных, например, в гегелевской «Философии истории»). Даже если преимущественным объектом этого познания стала капиталистическая экономика, его нельзя уподобить чисто экономическому знанию (равно как представления Маркса о природе, обществе и человеке не превращают его учение в естествознание, социологию или антропологию).

Точка зрения практики коренным образом меняет всю оптику исторического видения. Если практика — синоним того, чем человек является в истории, то отчуждение — синоним его существования в обществе. Оппозиция практики и отчуждения оказывается в этом смысле оппозицией *истории и общества*. В терминологии Маркса данная оппозиция обозначается как противоречие между производительными силами, находящимися в процессе непрерывного изменения и развития, и производственными отношениями, которые из формы, способствующей этому развитию, превращаются в форму, тормозящую и сковывающую его. В предельно острой форме эта оппозиция дает знать о себе на этапе капитализма.

В этом смысле Маркс — критик не только капиталистического, но любого общества, коль скоро оно стремится задержать на себе поток истории, становится преградой, своеобразной плотиной на ее пути, стремится прекратить бег времени. Во все предшествующие эпохи общество, условно говоря, было пожирателем времени: каждое из них пыталось остановить, задержать историю на себе, считало себя последним в истории. И нужны были огромные усилия, вплоть до революционных, чтобы из одного общества прорваться в другое.

Но может ли общество быть по отношению к истории не наглухо перегораживающей ее плотиной, а открытым шлюзом, позволяющим ей течь в нужном направлении? Как примирить общество с историей, сделать его открытым к социальным инновациям и переменам? Короче, возможно ли общество, в котором не только вещи, но и создающие их люди обретут способность жить исторической жизнью, т. е. постоянно меняться и совершенствоваться в соответствии с изменяющимися обстоятельствами?

Сознание невозможности для человека вообще освободиться от истории, свести ее к какой-то заключительной фазе отличает понимание истории Марксом от всех предшествовавших ему философско-исторических построений. Мы никогда не понимали этого центрального мотива его теории. Маркс не ставил перед собой задачу нарисовать картину будущего общества, которое когда-то будет построено на радость всем. Коммунизм для него — «не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна соотносываться действительность, а *действительное* движение, которое уничтожает тепе-

решнее состояние»²⁷. Любое общественное состояние есть не стояние на месте, а движение, направленное на расширение и обогащение человеческих сил и отношений. Коммунизм и есть синоним постоянно совершающегося движения, т. е. самой истории в ее бесконечности. С его приходом история людей не завершается, а только начинается, т. е. становится подлинной, или собственно человеческой, историей как по своему содержанию, так и по форме. Коммунизм с этой точки зрения — не какая-то рационально сконструированная социальная система, в которой все спланировано и выстроено раз и навсегда, а непрерывно совершающийся в истории процесс производства людьми своих сил и отношений, получающий лишь форму их сознательной и свободной деятельности. Ничего другого помимо свободного и сознательного участия людей в этом производстве коммунизм не предлагает.

Вопрос, решаемый Марксом, — это вопрос о том, как жить в истории, в историческом времени, а не просто в том или ином социально организованном пространстве. Способность к такой жизни в наибольшей степени отличает людей от животных, позволяет им общаться друг с другом не только в пространстве, но и во времени. Несовершенное общество с совершенными людьми должно прийти на смену истории, а история, наконец, должна покончить со всяким общественным застоєм, с любыми попытками придать жизни людей раз и навсегда установленный порядок. И как нет общественной формы, способной вместить в себя все содержание исторического процесса, так нет другой, помимо исторической, науки, которая могла бы выявить общую логику этого процесса.

4. Общественная формация в историческом измерении

Как же такое понимание истории согласуется с учением об общественно-экономической формации, излагавшемся в нашей литературе под видом знаменитой «пятичленки»? У многих историков именно оно вызывало наибольшее раздражение, служило поводом для обвинения Маркса в создании упрощенной, схематической, однолинейной концепции исторического развития. Примером может служить статья нашего выдающегося историка-медиевиста А. Я. Гуревича в журнале «Вопросы философии» (1990, № 11) «Теория формаций и реальность истории». Усматривая в теории формаций философскую теорию, долженствующую якобы служить для исторической науки руководящей инструкцией, А. Я. Гуревич приписывает Марксу нечто прямо противоположное тому, что тот считал своей задачей. По существу он критикует не Маркса, а то весьма искаженное изложение его взглядов, которое содержалось в советских учебных пособиях по историческому материализму.

Историю как науку Маркс и Энгельс пытаются, как уже говорилось, отделить прежде всего от всякой философии. Вот так они формулируют

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 34.

ют ее задачу: «Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заметить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Он могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но в отличие от философии эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала (относится ли он к минувшей эпохе или к современности), когда принимаются за его действительное изображение. Устранение этих трудностей обусловлено предпосылками, которые отнюдь не могут быть даны здесь, а проистекают лишь из изучения реального жизненного процесса и деятельности индивидов каждой отдельной эпохи»²⁸.

И что здесь противоречит пониманию исторической науки самим А. Я. Гуревичем? Где здесь утверждается необходимость «схемы, упрощающей красочную и многообразную историческую действительность»? Все необходимые компоненты исторической науки, на которые указывает А. Я. Гуревич, — теория, не отрывающаяся от исторической почвы, исследование, упорядочивание и осмысление эмпирического материала, учет особенности, индивидуальности, единичности и уникальности изучаемого объекта, самоценность и самодостаточность любого общественного состояния и пр. — присутствуют и в процитированном высказывании.

Но как быть с теорией формаций? Вот где, по мнению историка, во всей силе проявились присущий Марксу «формационный телеологизм», закамуфлированный под научную теорию хилиастического эсхатологизма, желание втиснуть все богатство исторической действительности в прокрустово ложе пятичленной формационной периодизации истории. Непримиримость к официальной идеологии, выдававшей себя за марксистскую, была перенесена А. Я. Гуревичем на учение, которое эта идеология до неузнаваемости исказила.

Во-первых, Маркс никогда не мыслил формационную теорию как философскую. Иное дело, что, как любой мыслящий историк, он не считал возможным ограничить историческую науку простым описанием эмпирических фактов без какого-либо их теоретического обобщения. Почему-то никому из историков не приходит в голову обвинять, например, Макса Вебера за его концепцию идеальных типов, равно как никто не обвиняет самих историков в использовании ими таких обобщенно-типологических понятий, как средневековая культура, европейская цивилизация и пр. Понятие общественно-экономической форма-

²⁸ Там же. Т. 3. С. 26.

ции для Маркса — такое же историческое обобщение, причем не самого высокого уровня абстракции. Оно относится, скорее, к обобщениям среднего уровня, за которые ратует и А. Я. Гуревич.

В данном понятии фиксируется определенный *результат* предшествующего исторического развития, который, как считает Маркс, имеет решающее значение для понимания настоящего. Оно содержит в себе то главное, что отличает настоящее от прошлого и будущего. Но тем самым им охватывается не вся, а только *часть истории*, причем не самая обширная. Стоит отбросить всю метафизику, которую наши философы нагородили вокруг этого понятия, как сразу станет очевидным его простой и ясный смысл.

Во-вторых, в текстах Маркса при всем желании нельзя обнаружить учения о *пяти* общественно-экономических формациях. Маркс претендовал на открытие (даже не на открытие, а на исследование) *одной* общественно-экономической формации, которая начинает складываться в античном обществе и, пройдя ряд ступеней, достигает полного развития на этапе капитализма. Никогда не относил он к общественно-экономической формации первобытное общество. Рабовладение, феодализм и даже капитализм, будучи разными способами (общественными формами) производства, — не самостоятельные общественно-экономические формации, а ступени складывания единой и целостной общественно-экономической формации, которая получает свое окончательное завершение на этапе капитализма.

Что касается азиатского способа производства, то в период написания первого тома «Капитала» Маркс действительно относил его к одной из ступеней становления общественно-экономической формации. Вот хрестоматийная цитата на эту тему из того же предисловия: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи общественной экономической формации»²⁹. Впоследствии — в результате знакомства с трудами Моргана, Баховена, Маурера, нашего М. Ковалевского и др. — Маркс откроет для себя еще одну общественную формацию, предшествующую общественно-экономической. В знаменитых конспектах своего письма к Вере Засулич он назовет ее «архаической или первичной общественной формацией» (в отличие от вторичной — экономической). К ней, по его мнению, следует отнести помимо первобытного общества все цивилизации Древнего Востока, образующие заключительный этап этой формации. В результате Маркс откажется от термина «азиатский способ производства» в качестве адекватного обозначения социальной природы и структуры этих цивилизаций³⁰. Вот тебе и «экономический историцизм» Маркса, за пределами которого оказывается большая часть человеческой истории.

²⁹ Там же. Т. 13. С. 8.

³⁰ См. на эту тему: *Виткин М. А.* Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.

Итак, не пять, а две общественные формации, из которых только вторая является экономической. К тому же античность и феодализм — лишь начальные формы складывания общественно-экономической формации, в которых экономические (рыночные) отношения не обрели еще самодовлеющей роли и существуют в тесном переплетении с внеэкономическими (непосредственно личными) связями и отношениями. Окончательная победа вещных (экономических) отношений над непосредственно личными отношениями произойдет лишь на заключительной — буржуазной — стадии становления общественно-экономической формации.

Отсюда ясна некорректность приписывания Марксу идеи сведения докапиталистических общественных отношений только к экономическим отношениям. Маркса, конечно, интересовало, как в этих обществах складывались экономические отношения, но он был далек от мысли выводить из них все их историческое своеобразие. Даже в капиталистическом — преимущественно экономическом — обществе не все, по его мнению, может быть раскрыто экономическим ключом, например, искусство и поэзия, что уж говорить о прошлом. Как критика капитализма Маркса, естественно, интересовал происходивший в прошлом процесс превращения продукта труда в товар и деньги, но он никогда не сводил к нему все прошлое.

Чем же конкретно была для Маркса общественно-экономическая формация, структура и механизмы трансформации которой как раз и описаны им в уже упоминавшемся предисловии? Да всего лишь тем, что на языке того времени называлось европейской цивилизацией. Как и всю историческую науку того времени, Маркса интересовал вопрос о том, что отличает европейскую цивилизацию от всех предшествовавших ей общественных состояний, в каком направлении она движется. В такой постановке вопроса нет никакого насилия над исторической наукой. И после Маркса она бьется над той же проблемой, лишь по-разному обозначая ее: как соотношение механической и органической солидарности (термины Дюркгейма), *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (термины Ф. Тенниса), материальной и формальной рациональности (термины М. Вебера), традиционного и современного общества, наконец, Востока и Запада. Все это — разные наименования того, что Маркс назвал первичной и вторичной общественными формациями. Отличительным признаком последней является, согласно Марксу, постепенное превращение экономических отношений в базис общества, что, однако, обнаруживается не на начальном, а на заключительном этапе ее становления. И этот тезис нельзя опровергнуть, поскольку только в европейской истории производство, основанное на частной собственности и товарном обмене, получает развитие, несопоставимое ни с каким другим периодом истории. Не потому ли и экономическая наука возникает лишь в Новое время, приходя на смену политической науке античных греков? Нет, решительно ничего опасного для исторической науки не вытекает из учения Маркса об общественно-экономической формации.

И, наконец, в-третьих, Маркс, вопреки утверждению А. Я. Гуревича, не апологет, а самый радикальный критик общественно-экономической формации, вплоть до утверждения о том, что пока такая формация существует, люди живут еще не в подлинной истории, а в предыстории. Определяющая роль экономики в обществе — не добродетель, не извечное свойство любого общества, а признак его исторической незрелости. Не переход к новой общественно-экономической формации, а выход из нее в общественное состояние, существующее по иным, чем экономические, параметрам и законам, — такова, по Марксу, единственно возможная перспектива развития.

Сказанному, казалось бы, противоречит тот факт, что в ряде случаев Маркс называл экономической и ту общественную формацию, которая придет на смену уже существующей — капиталистической. Отсюда некоторые комментаторы делают вывод, что термин «экономический» понимался им более широко, чем его трактует политическая экономия — как только систему товарно-денежных, вещных отношений. Экономика, по их мнению, включает в себя любую хозяйственную деятельность, где бы и кем она ни осуществлялась. С этой точки зрения собирательство, бортничество, охота, ремесло и все прочие виды труда также являются экономической деятельностью. Можно, конечно, и так трактовать этот термин, но мы исходим из другого широко известного высказывания Маркса, согласно которому «царство свободы» начинается «по ту сторону экономической необходимости», хотя и основывается на этой необходимости. Царство свободы означает не прекращение производства материальных благ и услуг, которое, согласно Марксу, есть «вечная естественная необходимость человеческого существования», но освобождает человека от власти этой необходимости, перемещает в пространство, существующее по иным законам, нежели экономические. Труд не ликвидируется, но перестает функционировать в той его отчужденной форме, в какой он был предметом экономической науки. И что эта наука может сказать о труде, имеющем своей целью производство общественных отношений в форме не вещей, а самих людей? Насколько она способна осмыслить факт существования человека как свободной индивидуальности? Для достижения состояния индивидуальной свободы также необходимы определенные материальные предпосылки, что, видимо, и заставило Маркса говорить о переходе к нему как о прежде всего экономическом деле, но сами по себе эти предпосылки ни в коей мере не содержат в себе объяснения природы будущей общественной формации.

Можно, конечно, сомневаться в том, что история движется в направлении индивидуальной свободы, что она, говоря словами Гегеля, есть «прогресс на пути сознания свободы». Но какова в таком случае альтернатива этому движению? Что еще движет людьми в их исторической жизни? Зачем им вообще нужна история? Видеть в истории лишь смену династий, военные победы и поражения, возвышение и падение империй, рождение и смерть цивилизаций — значит, не видеть того главного, что произошло с человеком с момента его появления на земле и вплоть до нашего

времени. Считать, что им движет только стремление к власти над другими людьми, к личному обогащению или просто к расширению рамок своего материального потребления, — значит, превращать историю в дурную бесконечность, в состояние непрерывной вражды и конфронтации. Последствием такой истории может быть только полное истощение природных и человеческих ресурсов, грозящее человечеству самоуничтожением.

Отказ от свободы как главной побудительной силы исторического движения является по существу отказом от самой истории (ибо свобода — единственное, что не укладывается полностью ни в одну общественную формацию). Если не стремлением человека к свободе движима мировая история, как еще объяснить факт ее существования? История обретения человеком индивидуальной свободы и есть, согласно Марксу, единственно разумное объяснение того, чем является мировая история по своей сути и смыслу.

5. Мировая история как процесс обретения человеком индивидуальной свободы

Свобода относится к числу фундаментальных человеческих ценностей, хотя *идея свободы* по-разному трактовалась в разные времена и разными авторами. В понимании Маркса свобода есть прежде всего *общественная категория*. Она возможна для человека только в обществе, посредством общества, из чего, однако, никак не следует, что любое общество делает его свободным. Наоборот, во всех существовавших до сих пор обществах он никогда не был до конца свободен, полностью или частично зависел от других. И можно ли, живя в обществе, быть свободным от общества, т. е. от других? Очевидный отрицательный ответ на этот вопрос ставит, казалось бы, под сомнение любую попытку искать в обществе источник и причину свободы. При первом рассмотрении общество — скорее враг свободы, заставляющий каждого считаться с другими, усмирять свои желания и порывы, быть таким, как все. Большинство современных философов (от экзистенциалистов до постмодернистов), рассуждающих о свободе, именно в обществе усматривают наиболее враждебную ей силу. Как писал Сартр, «ад — это другие». Свобода — первое, чем жертвует человек ради жизни в обществе. Поэтому и обретается она им посредством ухода из общества в некое пограничное состояние между жизнью и смертью, над которым уже никто не властен.

Получается, что человек обретает свободу не в обществе, а за его пределами. Общество либо ограничивает его свободу, либо делает ее привилегией для немногих. Так думали многие до Маркса, так часто думают и после него. Не отрицая правомерности такого взгляда по отношению к существующему обществу, Маркс, однако, исходит из того, что свобода присуща индивиду, неотделима от него в силу его *общественной природы*. Как же согласовать этот тезис с очевидным фактом отсутствия или ограничения свободы во всех существовавших до сих пор обществах?

Заметим, что речь идет в данном случае об обществах в их исторически конкретном существовании — о первобытном, восточном, западном, античном, средневековом, буржуазном и т. д. обществе. Все они, конечно, отличаются друг от друга по степени предоставляемой человеку свободы, но ни одно из них не является образцом, эталоном подлинно свободного общества — каждое по-своему ограничивает свободу. Отсюда следует, однако, иной вывод, чем тот, согласно которому общество и свобода — взаимоисключающие понятия. Являясь по природе общественным существом, человек пока еще не живет подлинно общественной жизнью, находится лишь в процессе «создания условий для такой жизни, в чем, собственно, и состоял смысл всей предшествующей истории. Такой вывод и сделал Маркс. Поэтому об общественной природе человека, совпадающей с его свободой, нельзя судить на основании того конкретного общества, в котором он непосредственно живет. Наличие множества таких обществ говорит лишь о том, что ни одно из них, ни даже все они вместе не выражают общественную природу человека в полной мере (иначе история действительно закончилась бы).

Свободу можно определять по-разному, но в любом случае она предполагает присвоение индивидом своей «родовой сущности» — общественно развитых сил и отношений, как они представлены во всем богатстве уже созданной материальной и духовной культуры. Чтобы присвоить эту сущность, ее надо предварительно создать, причем оба процесса — создание и присвоение — имеют в истории разные временные рубежи. Процесс создания человеком своей общественной сущности охватывает огромный исторический период, названный Марксом «предысторией человеческого общества». В этот период индивиды, хотя и создают всю совокупность своих общественных отношений, сами еще не живут подлинно общественной жизнью, находятся во власти либо совершенно еще первобытных (естественных), либо созданных ими, но существующих независимо от них отношений. В начальной фазе предыстории эти отношения носят характер *непосредственно личных* (кровнородственных) отношений, в ее заключительной фазе — характер *вещных* (товарно-денежных) отношений. В обоих случаях индивидуальная свобода каждого — практически недостижимый идеал.

При всем многообразии общественных форм в период предыстории все они — лишь последовательные звенья в процессе перехода человека от непосредственно личных (вначале, как говорит Маркс, еще совершенно естественных) к вещным отношениям. Сегодня тот же переход называют процессом модернизации — переходом от традиционного общества к обществу модернити. Заключительной фазой этого процесса является буржуазное общество, названное Марксом «эпохой наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) отношений»³¹. Оно-то и является главным результатом предыстории. Даже в своей вещ-

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 18.

ной, отчужденной от человека форме эти отношения — продукт все же не природы, а человеческой деятельности, их нельзя рассматривать как отношения, неотделимые от природы человека. «Нелепо понимать эту всего лишь *вещную связь* как естественную, неотделимую от природы индивидуальности (в противоположность рефлексированному знанию и воле) и имманентную ей. Эта связь — продукт индивидов. Она — исторический продукт. Она принадлежит определенной фазе развития индивидов. Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к индивидам, доказывает лишь то, что люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий»³².

Большинство исследований современного общества не выходят за рамки анализа эволюции социальных институтов внутри данной системы отношений, не ставят задачу перехода к какой-то другой системе, полагая, видимо, что ей нет никакой альтернативы. Если развитие и возможно, то только в пределах данной системы. С позиции Маркса это и есть отказ от исторического рассмотрения социальной действительности, ее некритическая фетишизация. Но что дает основание считать данную ступень мирового развития исторически преходящей фазой?

Эпохе вещных отношений, развившихся до всеобщности, соответствует точка зрения обособленного индивида, для которого эти отношения выступают как внешняя необходимость, как средство реализации им своих частных интересов. Параллельно развитию этих отношений шло высвобождение индивида от всех форм его личной зависимости и непосредственной сращенности с тем или иным первобытным коллективом. «Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как *родовое существо, племенное существо, стадное животное*»³³. Хотя для Маркса общественное развитие означает в первую очередь становление человеческой индивидуальности («общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают они это или нет»³⁴), на этапе предистории общественное и индивидуальное оказываются во взаимоисключающем отношении. Общественная жизнь, утрачивая характер непосредственно коллективной жизни, предстает вначале, однако, в форме не индивидуальной, а *частной жизни*.

Частное — отнюдь не синоним индивидуального. Частник — частичный рабочий или частный собственник — это человек, равный части, продукт общественного разделения труда и собственности. Такого человека Маркс называл «абстрактным индивидом». Как индивидуальность человек равен не части, а целому, как оно представлено во всем богатстве культуры. Творцов культуры — мыслителей, художников, поэ-

³² Там же. С. 105.

³³ Там же. С. 486.

³⁴ Там же. Т. 19. С. 38.

тов, людей науки и искусства — никак не назовешь частниками. Родившаяся в ходе предыстории цивилизация с ее общественным разделением труда делит человека на части, утверждает победу частного начала во всех сферах жизни, отодвигая индивидуальность, как она представлена в культуре, на периферию общественной жизни. Вот почему цивилизация и культура двигались до сих пор как бы по разным орбитам, не стыковались друг с другом. Буржуазное общество доводит этот разрыв до логического конца. «Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»³⁵, а вместе с ней и история существования общественно-экономической формации.

Итак, вся так называемая предыстория человеческого общества резюмируется Марксом в двух основных общественных состояниях, которые определяются им со всей возможной четкостью. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»³⁶. Именно эти два состояния впоследствии будут обозначены Марксом как первичная и вторичная общественные формации, из которых только вторая является общественно-экономической. На второй ступени человек обретает личную независимость, но в качестве не свободной индивидуальности, а частного лица, связанного с другими отношениями вещной зависимости.

Важнейшим результатом этой ступени является отождествление общества не с коллективным (как на первой ступени) и не с индивидуальным, а с частным образом жизни. Новое время коренным образом изменит отношение к частной сфере жизни, выдвинет ее на первое место, сделает основой общества³⁷. Частное, ставшее общественным, возвестило о рождении так называемого буржуазного индивидуализма, приравнявшего индивидуальность к частному лицу, т. е. к лицу, равному части. Подобный индивидуализм не следует смешивать с гуманистическим индивидуализмом Возрождения, для которого мерой индивидуального развития человека является его равенство с целым. Если гуманизм эпохи Возрождения послужил истоком коммунистической

³⁵ Там же. Т. 13. С. 8.

³⁶ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 100–101.

³⁷ С превращением частного в общественное один из наиболее глубоких знатоков и ценителей марксовой концепции труда Ханна Арендт связывает возникновение общества в современном смысле этого слова. Этому, как она считает, соответствует качественная трансформация общественного знания: на смену политической науке древних придет политическая экономия (древним и в голову не приходило отождествлять политику и общество с экономикой), делающая своим предметом «народное хозяйство» — новый тип социальной общности людей.

идеи (по выражению Маркса, «коммунизм — это практический гуманизм»), то родившаяся в эпоху Просвещения апология частного лица стала истоком либерализма. В отличие от либерального видения истории, абсолютизовавшего вторую ступень, позиция гуманизма никак не может удовлетвориться этой ступенью, усмотреть в ней заключительный итог всей человеческой истории.

Следующей ступенью, знаменующей начало подлинной истории, является состояние, в котором происходит присвоение уже созданной общественной сущности самим индивидом. Ему соответствует существование людей как свободных индивидуальностей, связанных друг с другом отношениями не личной или вещной зависимости, а их совместным и непосредственным участием в производстве своей общественной жизни. «Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей»³⁸.

Только как свободная индивидуальность человек является общественным существом, и только общество, позволяющее ему быть такой индивидуальностью, может считаться обществом в точном смысле этого слова. До этого об обществе можно говорить лишь в смысле некоторого приближения к нему как о его более или менее отдаленном подобии. Движение к такому обществу — категорический императив человеческой истории, если таковая действительно существует.

Переход от второй ступени к третьей — самая критикуемая и наиболее оспариваемая часть учения Маркса. Однако только такой переход способен придать мировой истории единство и целостность, оправдывает сам факт ее существования. Отрицание необходимости этого перехода означает либо «конец истории», либо ее сведение к механической сумме разнородных цивилизаций, каждая из которых живет своей самостоятельной жизнью и идет своим особым путем. И дело даже не в том, как Маркс конкретно мыслил такой переход (многое из того, что было им сказано по поводу его сроков и способов, действительно можно оспорить по нынешним временам), а насколько он убедителен в самом доказательстве его необходимости. Если Маркс ошибался в этом пункте, то и вся его концепция мировой истории также может быть поставлена под сомнение.

Пожалуй, наиболее серьезными оппонентами Маркса в этом пункте являются те, кто вслед за нашим Данилевским, а затем Шпенглером и Тойнби отрицают возможность возникновения универсальной цивилизации, способной охватить собой все человечество. По мысли Маркса, такая цивилизация складывается уже на второй ступени исторического развития, хотя свою человеческую форму (форму обобществившегося человечества) она обретает лишь с переходом к третьей. Подобный взгляд на историю вызывает сегодня у многих полное оттор-

³⁸ Там же. С. 101.

жение. Не только консерваторы и националисты, но даже люди с левыми убеждениями считают, что усматривать в буржуазном обществе хоть какое-то подобие всемирной цивилизации — значит идти на уступку капитализму (и, следовательно, Западу, где он впервые появился на свет). Противостоять буржуазному обществу можно, по их мнению, лишь путем ограничения его притязания на какую-либо всеобщность. Отсюда и их приверженность к концепциям и теориям, отрицающим наличие в истории какого-либо универсального начала. Отказ от идеи мировой истории, выдаваемый сегодня многими за эталон научного объяснения истории, хуже, однако, любой утопии и не более ее научен.

Критика Марксом капитализма отнюдь не означала отрицание им его всемирно-исторического значения, его цивилизующего влияния на все страны и регионы мира. Буржуазное общество для него, повторим еще раз, — это эпоха наиболее развитых (в этом смысле всеобщих) общественных отношений, причем в масштабе не только отдельной страны или народа, но и всего мира. Именно капитализм породил сознание всемирности и универсальности исторического процесса, формирующейся в нем цивилизации. Но, будучи универсальным в пространственном измерении, он далеко не универсален в плане своего исторического существования. В ходе его развития создаются материальные условия для объединения людей в общемировом масштабе, но само это объединение может стать реальностью лишь в результате присвоения этих условий самими индивидами. Наличие условий, развившихся до всеобщности, но существующих в отрыве от большинства людей, диктует с необходимостью их присвоение каждым индивидом, что и равносильно выходу человека в «царство свободы». Любая иная перспектива развития чревата угрозой превращения мировой системы пусть в глобальную, но обезличенную экономическую или политическую конструкцию, в которой человеческая жизнь утрачивает какой-либо общественный смысл и содержание.

Историческое мышление есть способность мыслить мир в категориях не только пространства, но и исторического времени, в котором настоящее, будучи отрицанием прошлого, содержит в себе и свое собственное отрицание в лице будущего. Такую способность и демонстрирует Маркс, оставаясь в этом смысле непревзойденным историческим мыслителем. Именно во времени (а не в его преодолении, как считал Фуко) он ищет решение «загадки истории», а значит, свободы как главного условия ее единства и целостности. Иное дело, что не всякое время, в котором до сих пор жил человек, гарантирует ему эту свободу. Если созидание человеком своей общественной сущности происходило, как правило, в рамках *рабочего времени*, то ее присвоение требует его перехода в *свободное время*, которое и должно стать основным временем его общественной жизни.

Проделанный Марксом анализ свободного времени позволил ему придать историческому движению четкую социальную направленность, представить как переход общества от рабочего к свободному времени.

Идеи Маркса о свободном времени, изложенные им в «Grundrisse», представляются мне наиболее важным, резюмирующим итогом всех его размышлений о мировой истории³⁹.

6. Свободное время как время подлинной истории

Общество, в котором рабочее время является для большинства людей основным временем их общественной жизни, нельзя считать полностью свободным. Отсюда резко критическое отношение Маркса к рабочему времени. Критерием общественного прогресса служит для него не расширение, а, наоборот, сокращение рабочего времени до минимума, что влечет за собой освобождение человека не от труда вообще, но только от того, чья ценность измеряется рабочим временем.

Существует ли труд вне рабочего времени? Примером такого труда для Маркса всегда служила *наука*. Как можно определить, сколько времени необходимо для получения научного результата? Ценность продукта научного труда (открытия, изобретения, новой идеи или теории) не может быть измерена количеством трудового времени, и научный труд не является в этом смысле трудом абстрактным. Общественно производительным трудом он становится в силу своей не количественной, а качественной определенности. Такой труд Маркс называл *всеобщим*. Именно с ним он связывал надежду на освобождение человека от функции рабочей силы и, следовательно, от власти рабочего времени. С внедрением науки (всеобщего труда) в производство происходит, во-первых, упрощение непосредственного труда рабочих, во-вторых, его замена умственным трудом, в-третьих, сокращение рабочего времени, следствием чего является рост свободного времени.

Тенденция к упрощению непосредственного труда дает знать о себе уже при переходе от мануфактуры к машинному производству — высшему техническому достижению во времена Маркса. Если мануфактура разделила труд рабочего на простейшие операции, превратив его в частич-

³⁹ Как отмечает Эрик Хобсбаум в интервью М. Мусто (см. журнал «Альтернативы», № 1, 2009, с. 138–141), «в этих рукописях Маркс поднимал важные проблемы, которые не рассматривались в „Капитале“». Высказанные в них идеи, неизвестные до 50-х гг. XX в., когда эти рукописи были впервые опубликованы, оказались вне поля зрения ортодоксального марксизма в мире советского социализма и были использованы лишь «теми марксистами, которые хотели критиковать ортодоксию или расширить рамки марксистского анализа». По словам Марчелло Мусто, в другой своей статье Эрик Хобсбаум утверждает, что «„Grundrisse“ содержит прозрения, например, в отношении технологии, которые выводят Марксов анализ капитализма далеко за рамки XIX в., в общество, в котором производство не требует уже масс труда, в общество автоматизации, высвобождения свободного времени и преобразования в этих условиях отчуждения. Это — единственный текст, который в определенном отношении выходит за пределы представлений Маркса о коммунистическом будущем, высказанных в „Немецкой идеологии“». Одним словом, «Grundrisse» было бы правильно определить как идеи Маркса во всем их богатстве.

ный труд, то машина вообще отобрала у рабочих функцию непосредственного изготовителя конкретной продукции, сведя его к придатку машины, следящему за исправностью ее работы. Труд становится предельно механическим, а с переходом к конвейерной системе производства доводится до состояния чуть ли не природного автоматизма с его отупляющей монотонностью и однообразием. Утрачивая качественную определенность, он реально перестает быть конкретным трудом, фактически, а не только теоретически сводится к труду абстрактному. Это означает не снижение, а, наоборот, повышение качества продукции (без чего ее вообще нельзя было бы реализовать на рынке), но теперь ответственность за это качество несут уже не рабочие, а представители умственного труда, число которых в производстве неуклонно возрастает.

В итоге фабрично-заводское производство постепенно превращается в научное производство⁴⁰, в котором решающая роль принадлежит умственному труду. Задолго до возникновения постиндустриального и информационного общества Маркс открыл реально происходящий процесс замены непосредственного труда рабочих научным трудом⁴¹, усмотрев в нем главную тенденцию развития капиталистического производства⁴². «В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы (т.е. науки. — В. М.), его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида»⁴³. Непосредственный труд не отменяется, а сокращается до минимума, превращается во второстепенный момент производства. «Непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качествен-

⁴⁰ «По мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводят в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находят ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники или от применения этой науки к производству». (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II. С. 213.)

⁴¹ «Превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей, выступает как свойство *основного капитала* в противовес живому труду...» (Там же. С. 208.)

⁴² «Поэтому тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства». (Там же. С. 206.)

⁴³ Там же. С. 213–214.

но он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания»⁴⁴.

При этом «одновременно происходит *отделение науки, примененной к производству, от непосредственного труда*»⁴⁵. Непосредственный труд предельно упрощается и интеллектуально обесмысливается. Если «на прежних ступенях производства ограниченный объем знаний и опыта был непосредственно связан с самим трудом, не развивался в качестве отделенной от нее самостоятельной силы»⁴⁶, то внедрение науки в производство основывается на отделении духовных потенций этого производства от знаний, сведений и умения отдельного рабочего⁴⁷, совпадает с подавлением всякого умственного развития в ходе этого процесса⁴⁸. «Правда, — добавляет Маркс, — при этом образуется небольшая группа работников более высокой квалификации, однако их число не идет ни в какое сравнение с массой „лишенных знаний“... рабочих»⁴⁹. Упрощение непосредственного труда уменьшает потребность в его количестве, что приводит к сокращению рабочего времени. Наука не отменяет непосредственный труд, но сокращает до минимума, а значит, сокращает время, в течение которого он осуществляется. Экономия рабочего времени — наиболее существенный показатель научно-технического прогресса.

Вопрос лишь в том, как распорядиться высвободившимся временем. Существуют, разумеется, разные способы его перераспределения — перекачка рабочей силы в слабо индустриализированные отрасли производства (например, в сферу услуг), в экономически малоосвоенные районы, ее переквалификация и пр. Но общая тенденция от этого не меняется. Нельзя считать экономически нормальным положение, когда общий объем рабочего времени остается неизменным.

В погоне за прибылью капитал «помимо своей воли выступает как орудие создания условия для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех членов общества для их собственного развития»⁵⁰. Данный тезис не требует особого доказательства: со времен Маркса прогресс в этой области очевиден. В наиболее развитых странах свободное время уже давно является общедоступным благом. Но может ли оно стать и основным временем человеческой жизни, базисом общества, заменив в этой функции рабочее время? Это и есть основной вопрос социально-исторической теории Маркса. У нас им никто всерьез не занимался, хотя он важен в пла-

⁴⁴ Там же. С. 207–208.

⁴⁵ Там же. Т. 47. С. 554.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 555.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II. С. 217.

не понимания не только текстов Маркса, которыми сегодня мало кто интересуется, но и современного общественного развития, в котором свободное время начинает играть все большую роль.

Хотя капитал и способствует росту свободного времени, оно значимо для него только как время прибавочного труда. Никакого иного смысла он в нем не видит. Поэтому *«постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени, а с другой стороны — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд»*⁵¹. И так будет до тех пор, пока мерой общественного богатства является рабочее время⁵². Человек интересен капиталу только как рабочий, а его свободное время — как время прибавочного труда или как время воспроизводства рабочей силы. Все сверх того выносится им за скобки.

Сам по себе рост свободного времени ничего не меняет в этом отношении. Он лишь расширяет рамки потребительской активности, усиливает страсть к приобретательству, дает простор настроениям гедонизма и консюмеризма. Для человека, чья общественная жизнь протекает в основном в режиме рабочего времени, свободное время сводится исключительно к домашним делам и заботам, к поиску развлечений и острых ощущений. На подобное времяпровождение работает вся современная индустрия досуга. Время летит здесь с ускоренной быстротой, ни на чем не задерживаясь, ничего не оставляя в памяти, ни к чему не устремляясь. Это время без прошлого и будущего, оно все в настоящем. Нормой для него является установка жить одним днем, наслаждаться мгновением, ни о чем не задумываться, ни о чем не беспокоиться, пользоваться тем, что есть.

Не только Маркс, но и многие после него осознавали пустоту, беспечность и бесплодность свободного времени, заполненного исключительно приобретением новых благ и услуг. Такое время не столь уж свободно и от рынка, навязывающего человеку с помощью рекламы нужные и не нужные ему товары. Но ведь свободное время может служить и другим целям — не просто воспроизводству рабочей силы или росту потребительской активности, но более возвышенной деятельности, как это бывает у людей свободных профессий. У них все время — свободное, и потому его им так не хватает. Свободное время — это время само-го интенсивного и творческого труда, но чтобы стать таким, оно должно принадлежать самому человеку.

В терминах Маркса это означает присвоение прибавочного труда самими рабочими, что равносильно превращению свободного времени в основное время их общественной жизни. По его словам, «рабочие

⁵¹ Там же.

⁵² «Рабочее время в качестве меры богатства предполагает, что само богатство основано на бедности и что свободное время существует в виде противоположности прибавочному рабочему времени и благодаря этой противоположности, или благодаря полаганию всего времени индивида в качестве рабочего времени и потому благодаря низведению этого индивида до положения только лишь рабочего, благодаря подчинению его игу труда». (Там же.)

массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд. Когда они начнут это делать и когда тем самым *свободное время* перестанет существовать в *антагонистической* форме (т. е. в форме прибавочного труда. — В. М.), тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой стороны, развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет»⁵³.

Превращение свободного времени в меру общественного богатства (в том смысле, что чем его больше в обществе, тем оно богаче) означает, что таким богатством становится сам человек. «Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время»⁵⁴. Сокращая рабочее время, капитал «помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного развития»⁵⁵. Ибо свободное время есть по своей сути время «развития всей полноты производительных сил отдельного человека, а потому также и всего общества»⁵⁶.

Что же служит гарантией именно такого использования свободного времени? И здесь в полемику с Марксом вступает Ханна Арендт. Через все этапы творчества Маркса, как утверждает Арендт, проходит мысль о необходимости освобождения человека от труда. Хотя для Маркса труд есть вечная природная необходимость, независимое ни от каких социальных форм условие существования, революция для него, тем не менее, «имеет задачу не эмансипации рабочего класса, а освобождения человечества от труда»⁵⁷. «От любого труда», — делает вывод Арендт. В доказательство она ссылается на знаменитое высказывание Маркса, согласно которому царство свободы начинается по сути дела впервые там, где прекращается труд, обусловленный нуждой и внешней целесообразностью», по ту сторону необходимости. Хотя Маркс в своем понимании труда «добрался до глубинного слоя, которого никогда не достигал ни один из его предшественников», кому по отдельности он обязан всеми своими взглядами, и ни один из его противников, его теория содержит в себе вопиющее противоречие, «состоящее в том, что Маркс на всех стадиях своей мысли исходит из определения человека как *animal laborans*, чтобы затем ввести это работающее живое существо в идеальный общественный порядок, где как раз его величайшая и человечнейшая способ-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. СПб., 2000. С. 134.

ность окажется ни к чему. При всем своем размахе Марксово творчество завершается в конце концов невыносимой альтернативой между производительным рабством и непроизводительной свободой»⁵⁸.

«Понимает ли Маркс, — спрашивает Арендт, — что отказ от труда равносителен отказу от жизни, ибо человеческая жизнь, согласно самому же Марксу, и есть производство человеком своей жизни, причем в двойном смысле этого слова — посредством труда и посредством полового размножения? Труд — не проклятие, а радость жизни: вознаграждением за него является не богатство и даже не собственность, а сама жизнь. В этом мире человек есть прежде всего рабочая сила, главное достоинство которой состоит в ее плодovitости. То, что Маркс понял это, говорит о его величайшей прозорливости, но то, что, несмотря на это, он хочет принести труд в жертву якобы свободе, свидетельствует о двусмысленности и фундаментальном противоречии его теории». Не правда ли, типичная аргументация для всех критиков Марксово теории свободного времени как основного времени будущего общества?

Если труд на себя с ее точки зрения, будучи сферой человеческой приватности и даже интимности (подобно всем другим функциям его тела), является необходимым условием человеческого существования, то труд на других является принудительным трудом, примером чему служит рабский и даже наемный труд. Заставить человека работать на других можно только посредством насилия (свобода греков и была куплена ценой такого насилия). Но освобождение труда от гнета и эксплуатации нельзя отождествлять с отменой необходимости труда на себя. Любая эмансипация труда, как показывает история, лишь увеличивает власть этой необходимости. «Уже Маркс осознал, что эмансипация труда в модерне вовсе не обязательно завершится эпохой всеобщей свободы и что с точно таким же успехом она может иметь противоположное последствие, впервые загнав теперь всех людей под ярмо необходимости»⁵⁹. Разве современное общество не является поголовно работающим обществом? Но отсюда Маркс, как считает Арендт, сделал неверный вывод о том, что задачей грядущей революции является не эмансипация рабочих, которая уже состоялась, а их полное освобождение от труда.

Свобода от любого труда, как утверждает Арендт, даст простор лишь прихотям и порокам, превратит все человеческие занятия в пустое времяпровождение типа хобби. «Она позволит каждому, — цитирует Арендт Маркса, — сегодня делать это, завтра то, с утра охотиться, после обеда критиковать, к чему у меня душа лежит, но не становясь (профессионально) охотником, рыбаком, пастухом или критиком». Общество, свободное от труда, превратится и уже превращается на наших глазах в общество потребителей. Единственной целью жизни людей в таком обществе станет удовлетворение ими своих постоянно растущих потребностей. Маркс

⁵⁸ Там же. С. 134–135.

⁵⁹ Там же. С. 167.

был прав в своем утверждении, что с развитием производства, особенно в результате автоматизации, будет происходить увеличение свободного времени, но он ошибался, считая, что следствием этого станет свободное общество. Вся история после Маркса указывает на прямо обратное, ибо «animal laborans никогда не тратит свое избыточное время ни на что кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит. Конечно, виды похоти изошряются, так что потребление уже не ограничивается необходимым, захватывая наоборот излишнее; но это не меняет характер нового общества, а хуже того, таит в себе ту тяжкую угрозу, что в итоге все предметы мира, так называемые предметы культуры, наравне с объектами потребления падут жертвами пожирания и потребления»⁶⁰. Возникновение массовой культуры, создаваемой ради развлечения масс, которым надо как-то заполнить свое избыточное время, указывает на такой ход событий.

В итоге общество оказывается перед дилеммой: с одной стороны, эмансипация труда, повышая его производительность, освобождает людей от чрезмерного давления экономической необходимости трудиться, с другой — не делает их жизнь более свободной (хотя и делает ее более зажиточной). Подлинная свобода, по мнению Ханны Арендт, доступна не animal laborans, работающим ради потребления, но homo faber, создающим материальную и духовную культуру, т. е. предметы, способные сохраняться в длительной исторической перспективе, а также тем, кто обращен к другим своими действиями, словами или поступками. Короче, свобода — привилегия немногих. В вопросе о свободе правы, как она считает, все же древние греки, а не современные социалистические теоретики с их идеей освобождения человечества от любого труда.

В такой постановке вопроса я, признаться, не вижу серьезного возражения Марксу. Под освобождением человека он понимал его свободу не от труда вообще, а только от труда в рабочее время. Не отрицая, что труд для себя свободен от насилия и принуждения, он утверждал, что такой труд вполне совместим с трудом для других. Примером может служить труд ученого и художника, в котором трудно провести границу между тем, что они делают для себя, и тем, что делают для других. Любой творческий труд, выражая потребность индивида в самореализации, воплощается в результате, имеющем всеобщее значение. Однако в отличие от Арендт Маркс полагал, что такой труд доступен не только ученым, художникам и политикам, но и остальным людям. Что это означает на практике?

Свободное время, по Марксу, если и есть время потребления, то такого, которое имеет своей целью *производство самого человека как «основного капитала»*. По его словам, «сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственно-

⁶⁰ Там же. С. 171.

го процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек»⁶¹. Главным результатом потребления в свободное время является сам человек, но не как рабочая сила, а как существо с более богатыми свойствами и связями. Важно лишь, чтобы это потребление распространялось на все богатство культуры, чтобы само это богатство принадлежало ему целиком и без остатка, чем и является по своей сути общественная собственность.

В свободное время, как считает Маркс, люди производят не вещи и даже не идеи, а *самих себя* во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми. Время по-настоящему свободно тогда, когда предоставляет человеку свободу выбора форм общения и видов деятельности, позволяет ему жить в меру его собственной индивидуальности, а не внешней по отношению к нему необходимости. Оно позволяет человеку быть самим собой, т. е. тем, кем он является по своей природе, наделившей его определенными способностями и дарованиями. Проблема не в том, чтобы превратить каждого в выдающуюся личность, а чтобы каждый, кто наделен хоть каким-то талантом, смог реализовать себя в полной мере. Труд по личной склонности и призванию и есть свободный труд, а время такого труда — свободное время.

Этим не устраняется сфера необходимости. Никакое общество не освободит человека от необходимости зарабатывать на жизнь. Но зарабатывать можно по-разному — посредством принудительного, бездумного и малопривлекательного труда, не требующего ничего, кроме физических усилий, и труда интеллектуально насыщенного, творчески одухотворенного, доставляющего моральное и эстетическое удовлетворение. Уже в современном обществе такой труд и выше ценится, и лучше оплачивается. Многим ли он доступен сегодня? Каждый знает, что нет, и по причинам, от человека часто не зависящим. А раз так, то рано говорить о свободе и равенстве. Сократить необходимый труд до минимума, дать каждому возможность не только хорошо зарабатывать (что, конечно, тоже немало), но и получать от работы творческое удовлетворение, короче, превратить человека из рабочей в общественно производительную силу, стоящую на уровне современного знания и культуры, — вот с чем связывал Маркс необходимость перехода к свободному времени. И никакая это не утопия, а констатация того, что уже поставлено на повестку дня развитием современного производства.

Разумеется, не все свободное время, которое доступно сегодня людям, подпадает под это определение. Но это говорит лишь о том, что общество во многом еще находится в плену рабочего времени, т. е. развивается под властью экономической необходимости. Поэтому и выдвинутая Марксом историческая перспектива общественного развития сохраняет свою актуальность и для нашего времени.

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II. С. 221.

Об экономии времени и «царстве свободы»

В настоящее время Вадим Межуев с его оригинальной историко-материалистической теорией культуры, несомненно, один из наиболее интересных и значительных постсоветских марксистов в России. Конечно, выражение «постсоветский марксизм» звучит несколько двусмысленно. Это термин, кажется, ввел в оборот Александр Бузгалин для обозначения «новой школы». Хотя данный феномен как таковой существует, лично я скептически расцениваю эту претензию на то, чтобы быть школой в обычном смысле слова, т. е. группой сходно мыслящих теоретиков с более или менее ясно очерченными программными целями. Вместо этого участники этой так называемой школы постсоветского марксизма, к которой следовало бы причислить даже Межуева, стоят на довольно далеко расходящихся позициях, насколько можно судить по сборнику под редакцией Бузгалина «Марксизм: альтернативы XX века»¹. В целом у меня складывается впечатление, что «новый» марксизм в России еще *in statu nascendi* и надо повременить с вынесением окончательных суждений на его счет².

Пока что попытки обновить марксизм в России образуют мозаичную картину, в которой не всегда просто обнаружить общие знаменатели, не считая, само собой, временного указателя, что все это *постсоветские* формы мысли. На самом деле новый российский марксизм не может возникнуть иначе, нежели через критический анализ советского наследия, то есть не просто импортируя идеи западного марксизма в Россию, но трудясь на своей собственной почве. Одной из наиболее важных работ в этом плане стала основательная и обстоятельная

¹ Марксизм: альтернативы XX века (дебаты постсоветской школы критического марксизма). М.: УРСС, 2009.

² См., например, критику нескольких тезисов А. В. Бузгалина и А. И. Колганова в статье Гюнтера Майера и Вольфганга Кюттлера: *Mayer G., Küttler W. Postsowjetische Marxisten in Russland // УТОПИЕ Kreativ, 201/202, Juli-August 2007. S. 740–763*. В журнале публикуются теоретические дискуссии немецкой левой партии (*Die Linke*), и критика Майера и Кюттлера задумывалась как вполне конструктивная. До сего дня, однако, никакой диалог так и не состоялся, что очень жаль.

книга Теодора Ойзермана «Марксизм и утопизм» (М., 2003), которая, что симптоматично, оставлена без всякого внимания на Западе, несмотря на то, что ее можно назвать, как правильно говорит Вадим Межуев, «первым в российском марксведении опытом *научной критики марксизма*»³.

Собственные исследования Межуева продолжают линию критической деконструкции советского марксизма, начатой Ойзерманом. Обзор притязавших на выражение аутентичных взглядов Маркса (и Энгельса) доктрин диамата и истмата показывает, что они во многих случаях не выдерживают более тщательной проверки. В статье «Идея мировой истории Карла Маркса» Межуев сосредотачивает особое внимание на традиционной истматовской схеме пяти общественно-экономических формаций (азиатская, античная, феодальная, капиталистическая и социалистическая) и стремится показать, что она не находит очень уж убедительного подкрепления в собственных трудах Маркса.

Я бы поддержал межуевскую критику «пятичленки» еще парой комментариев, касающихся использования самим Марксом термина «общественно-экономическая формация». Впервые в печатных работах Маркса это выражение появляется в 1859 г. в предисловии «Zur Kritik der politischen Ökonomie», и здесь Маркс пользуется им — *nota bene!* — в единственном числе, говоря о прогрессивных эпохах экономической общественной формации. И позже, в предисловии к первому изданию «Капитала» (1867), Маркс также употребляет данное выражение *in singularis*. Однако можно найти места у Маркса даже в «Капитале», где этот термин также используется *in pluralis*, во множественном числе⁴. Это колеблющееся употребление термина заставляет предположить, что Маркс не располагал сколько-нибудь завершенной теорией экономического развития в смысле прохождения через определенные, прогрессивные стадии, как то утверждает доктрина истмата, и что многие по сей день принимают за подлинную идею Маркса.

В этом отношении Межуев совершенно прав, констатируя, вопреки мнению А. Я. Гуревича, что у Маркса нет и следа «формационно-телеологизма», не говоря уже о «хилиастическом эсхатологизме». Как говорит Межуев, Маркс никогда не мыслил формационную теорию как философскую, т. е. он не конструировал метафизику истории типа той, что была представлена в советской идеологии. В действи-

³ Межуев В. М. Маркс *против* марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. С. 35.

⁴ См., например: Marx / Engels Werke. Bd. 23. S. 184 («Eine solche Entwicklungsstufe ist aber den geschichtlich verschiedensten ökonomischen Gesellschaftsformationen gemein»); s. 194 («Dieselbe Wichtigkeit, welche der Bau von Knochenreliquien für die Erkenntnis der Organisation untergegangener Tiergeschlechter, haben Reliquien von Arbeitsmitteln für die Beurteilung untergegangener ökonomischer Gesellschaftsformationen»)

тельности эта телеологическая интерпретация Марксовой теории общественного развития восходит еще к писателям Второго интернационала, привыкшим уравнивать Маркса с Дарвином и в духе позитивизма ставить знак равенства между процессами развития в природе и обществе.

Проблема модернити

Хотя «пятичленка», таким образом, оказывается лишь мнимостью, я бы не спешил объявлять, как Межуев, что у Маркса «не пять, а две общественные формации, из которых только вторая является экономической». Хотелось бы сделать два замечания по этому поводу. Первое, что хотя Маркс, как мне представляется, не имел завершенной теории формаций, ясно, что он, тем не менее, пытался осуществить разделение исторических эпох общественного развития. Называть ли это деление на исторически обусловленные способы производства теорией формаций, или же марксистской науке в будущем стоило бы придумать иное имя для данной теории — мнения на сей счет могут быть разными⁵. Но в любом случае ясно, что в истории человечества существовало много конкретных типов общественно-экономической организации, во всяком случае больше двух или пяти.

Во-вторых, и это еще важнее, Межуев доказывает положение о всего лишь двух формациях посредством указания на сходную дихотомию во многих других теориях, открыто ссылаясь на классические социологические концепции механической vs. органической солидарности у Дюркгейма, материальной vs. формальной рациональности у Вебера, *Gemeinschaft* vs. *Gesellschaft* у Тённиса.

Сравнение с Марксом здесь в самом деле весьма интересно, но, несмотря на это, мне кажется, что три отмеченных классика буржуазной социологии применяли свои дихотомии на ином уровне, чем Маркс. Для Вебера, Тённиса и Дюркгейма было важно найти и определить различия между типами обществ, именуемых «традиционными» с одной стороны и обществами «модерными» с другой. Вебер, например, расценивал возникновение современного общества на Западе как

⁵ Уже беглый взгляд на литературу по этой проблематике показывает, что, хотя «пятичленка» доминировала в советском истмате, марксистские ученые целые десятилетия вели дискуссии и предлагали расходящиеся интерпретации общественно-экономических формаций. В социалистических странах я мог бы отметить венгерского марксиста Ференца Тёкеи (F. Tökei), давшего весьма оригинальную гегельянскую интерпретацию Марксовой теории исторических форм производства в книге «Zur Theorie der Gesellschaftsformen» (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977; венгерский оригинал был опубликован уже в 1968 г.; рус. пер.: Тёкеи Ф. К теории общественных формаций. М., 1975). Хороший обзор этих дискуссий дан в статье Вольфганга Кюттлера: *Küttler W. Gesellschaftsformation // Historisch-kritisches Wörterbuch des Marxismus. Berlin: Argument Verlag. Bd. 5. Coll. 585–598.*

событие исторической важности, и немалая часть его наследия посвящена усилиям найти объяснение тому, как это вообще было возможным. Существование традиционных типов общества, где отношения между людьми имели личностный характер, для Вебера не было проблемой — такие общества были «естественными» и «нормальными». Эпоха модернити, когда личностные отношения заменяются абстрактными и формальная рациональность правит всем и вся, — вот большая проблема для Вебера. Но Вебер не был политэкономом, и его понятия о том, чем мог стать капитализм, были весьма расплывчатыми. Хотя он видел важную связь между возникновением протестантизма и капитализма, он допускал, например, по меньшей мере элементы капитализма уже в Древнем Риме.

Здесь особенно важно помнить, что Маркс пишет историю капитализма и описывает его экономические функции на основе критики политической экономии. Он не имел заветного желания сочинить теорию модернити в смысле Вебера, Дюркгейма и Тённиса. Например, исследование Вебера как (макро-) социолога диктовалось стремлением объяснить различные формы социальных действий, а не анализировать экономику. Хотя Маркс и подчеркивал (в уже упомянутом предисловии к «Zur Kritik der politischen Ökonomie», 1859), что «анатомию гражданского / буржуазного общества», то есть, как показал еще Гегель, именно современной формы общественной организации, должно искать в политической экономии, все же остается открытым вопрос, в какой степени Маркс считал капитализм и модернити идентичными. Составляют ли отношения капиталистического производства единственно возможную форму экономического базиса современного, рационального общества, или же общество, организованное на капиталистическом экономическом базисе, лишь частично рационально и с наступлением следующей, коммунистической, фазы осуществит наконец проект модерна — общества всецело рационального? Реальная история еще не дала никакого ответа на эти вопросы. Тот факт, что Советский Союз просуществовал 70 лет, как будто доказывает, что некапиталистическая форма модернити все-таки возможна; однако можно также сказать, что сама кончина СССР показала в итоге невозможность сохранения некапиталистического современного общества.

Так или иначе, на сегодняшний день среди советских, а затем российских ученых едва ли состоялась какая-то серьезная дискуссия по теории модернити и ее отношению к таким категориям, как «капитализм», «социализм», «коммунизм». Вместо этого в советские времена они оперировали категориями (якобы) марксистской формационной теории, а в постсоветские времена переключились на дискуссию о «цивилизациях». Со своей стороны я считаю, что попытки обновить марксистскую теорию истории не принесут успеха, пока не разрешена проблема отношения Марковского понятия капитализма к понятию модернити в классических социологических теориях.

Что для Маркса значит «экономика»?

От доказательства несостоятельности истматовского толкования механической последовательности общественно-экономических формаций Межуев, однако, переходит к сильному обобщению: «Маркс... не апологет, а самый радикальный критик общественно-экономической формации, вплоть до утверждения о том, что пока такая формация существует, люди живут еще не в подлинной истории, а в „предыстории“». Определяющая роль экономики в обществе — не добродетель, не извечное свойство любого общества, а признак его исторической незрелости. Не переход к новой общественно-экономической формации, а выход из нее в общественное состояние, существующее по иным, чем экономические, параметрам и законам, — такова, по Марксу, единственно возможная перспектива развития».

Может быть, Межуеву хотелось, чтобы его формулировки звучали слегка вызывающе. Но в процитированном выше отрывке содержится действительно важное и глубоко идущее наблюдение: несмотря на тот факт, что Маркс — приверженец материалистического взгляда на историю, подчеркивающий первичность материального производства, отсюда не следует, что определяющая роль экономики в обществе есть нечто ценное *per se*. В своей теории Маркс соединяет материалистическое понимание истории с перспективой человеческой свободы — факт, которым часто пренебрегали механические или экономические интерпретаторы марксизма из Второго интернационала или советского истмата.

Думаю, что Межуев совершенно верно схватывает стержень марксистского понятия истории, когда пишет, что «только как свободная индивидуальность человек является общественным существом, и только общество, позволяющее ему быть такой индивидуальностью, может считаться обществом в точном смысле этого слова. До этого об обществе можно говорить лишь в смысле некоторого приближения к нему». Отсюда с очевидностью следует, как пишет Межуев в другом месте, что ни одно конкретное общество, «ни даже все они вместе не выражают общественную природу человека в полной мере (иначе история действительно закончилась бы)».

Эти весьма важные выводы расчищают дорогу к новому и более адекватному пониманию Маркса.

Однако тот факт, что Маркс объединяет в своей теории материалистическое понимание истории и общества с перспективой, которую мы могли бы назвать эмансипаторской, не следует, на мой взгляд, толковать так, что нам дана детерминированная и отчужденная сфера «экономики» с одной стороны и перспектива свободной человеческой индивидуальности с другой. Скорее, *Марксово понятие экономики в самом себе двояко*, или, если угодно, диалектично: оно включает в себя момент как необходимости, так и свободы. Маркс говорит об экономи-

ке не только в негативном значении необходимости, с которой производители постоянно должны считаться, но и в смысле положительном. В «Grundrisse» есть знаменитое место, где Маркс делает методологически очень важное заявление, что всякая экономика сводится в конечном счете к «экономии времени» (*Ökonomie der Zeit, darin löst sich schliesslich alle Ökonomie auf*), уточняя: «Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т.д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени... Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому, как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени»⁶.

По Марксу, экономия времени, поскольку она означает не что иное, как прирост производительности труда, в принципе полезна для непосредственных производителей, ибо она дает возможность сократить необходимое рабочее время. Но при капитализме экономия времени используется не для сокращения рабочего времени, а наоборот: «При капиталистическом производстве экономия на труде, достигаемая благодаря развитию производительной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Она имеет целью лишь сокращение рабочего времени, необходимого для производства определенного количества товаров... При капиталистическом производстве развитие производительной силы труда имеет целью сократить ту часть рабочего дня, в течение которой рабочий должен работать на самого себя, и именно таким путем удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста»⁷.

Однако, если мы не сводим содержание «экономии» только к формам, которые она принимает в условиях капиталистического производства, мы видим, что она вопреки ожиданиям тех, чей опыт или воображение не простирается за пределы буржуазных форм богатства, становится предпосылкой истинной свободы. Экономика в этом смысле образует базис, на котором сможет расцвести свободная социальность. Назовем мы ее «коммунизмом» или нет — это, наверное, дело вкуса.

⁶ *Marx K.* Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Berlin: Dietz, 1974. S. 89. Рус. пер.: Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 117.

⁷ *Marx K.* Das Kapital/MEW. Bd. 23. S. 339 et seqq. Рус. пер.: Сочинения. Т. 23. С. 331–332.

Маркс весьма ясно говорит об этом в третьем томе «Капитала»: «Действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие»⁸.

Хотя этот пассаж часто цитируется в литературе, похоже, все его следствия и теоретические предпосылки все еще недостаточно осмыслены. Я укажу здесь только одно, относящееся к обсуждаемой теме. Маркс различает «внешнюю целесообразность» (*äussere Zweckmässigkeit*) и «самоцель» (*Selbstzweck*) субъектов производства в том плане, который позволяет нам искать точки соприкосновения между теорией Маркса и учением Вебера о двух основных видах человеческой рациональности: ценностной рациональности (*Wertrationalität*) и целерациональности (*Zweckrationalität*). Здесь может быть перекинут мостик от теории истории Маркса к понятиям классической социологии — связь, на которую Межуев лишь намекает несколько проблематичным образом.

Но это — задача будущего исследования. Здесь достаточно сказать, что, как констатирует Маркс в цитируемом месте из третьего тома «Капитала», сфера экономики, т. е. материального производства, навсегда останется «царством необходимости» и что невозможно для человека когда-либо выйти из этого царства полностью. Поскольку Маркс —

⁸ MEW. Bd. 25. S. 828. Рус. изд.: Сочинения. Т. 25. Ч. II. С. 386–387.

исторический материалист, вряд ли можно было ожидать от него другого суждения. Но в то же время царство необходимости, по Марксу, не образует «абсолютного иного» свободы; напротив, оно служит базисом последней и в конечном счете фактором, который обеспечивает возможность свободы.

По-моему, Межуев делает излишне жестким Марксов взгляд на свободу, настаивая, что, по Марксу, единственно возможная перспектива развития есть «не переход к новой общественно-экономической формации, а выход из нее в общественное состояние, существующее по иным, чем экономические, параметрам и законам». Такой чересчур острый контраст между царствами необходимости (сферой экономики) и свободы ведет, на мой взгляд, к разновидности кантианского дуализма, когда «царство свободы» соскальзывает в трансцендентность. Мы очутились бы в той же позиции, что и этические социалисты-неокантианцы, справедливо критиковавшие механистические интерпретации теоретиков Второго интернационала, но в свою очередь превратившие идею социалистического общества в постулат практического разума — то есть в нечто из области трансцендентного, нечто в принципе недостижимое с «обратной стороны», в нашем феноменальном мире.

Те знаменитые формулировки Маркса из третьего тома «Капитала» соотносятся (насколько сознательно — это вопрос, в который я не стану здесь вдаваться) с кантианским понятием царства свободы, но с важным дополнением: «истинное царство свободы» (*das wahre Reich der Freiheit*). Если для Канта свобода и необходимость образуют антиномию, которая может разрешаться лишь помещением их в два разных мира — эмпирический и интеллектуальный, то для Маркса они образуют диалектическую пару понятий, в которой одно другим предполагается.

Перевод Андрея Майданского

Экономика и свобода в «науке истории» Маркса

Свои критические замечания к статье В. М. Межуева мне хотелось бы предварить указанием на те положения исторической теории Маркса, относительно которых у нас нет никаких расхождений.

Трудно не согласиться с тем, что материализм Маркса является «практическим», и с определением практики как производства самого человека — общественных отношений между людьми (третий тезис о Фейербахе).

Принципиально верной и глубокой мне представляется данная Межуевым характеристика Марксовой исторической теории как «феноменологии труда». Все и вся в истории человечества должно быть понято как проявления — феномены, или лучше тут подошел бы спинозовский термин «модусы», — одной единственной субстанции. Для Маркса это — труд. Именно так обстоит дело с той частью всемирной истории, что была исследована в «Капитале». Труд абстрактный и конкретный, живой (рабочая сила) и овеществленный (капитал), необходимый и прибавочный, частный и общественный — вся эта книга, от первой до последней строки, представляет собой изображение великой метаморфозы труда в буржуазную эпоху.

Уместным и полезным надо признать напоминание Межуева о том, что именно капитализм, по Марксу, является творцом «всемирной цивилизации». Об этой великой исторической миссии капитала не следует забывать тем весьма революционно настроенным марксистам, которые осыпают проклятиями буржуазное общество с его глобальной системой эксплуатации трудящихся. Причем миссия эта выполнена все еще далеко не полностью — быть может, капиталу понадобится не одно столетие, чтобы закончить дело.

Проведенный в финале статьи Межуева анализ понятия свободного времени я нахожу превосходным. Это понятие — важная точка роста марксистской теории истории. Маркс лишь парой штрихов наметил решение проблемы, и оно, безусловно, нуждается в углублении.

Вообще, в творчестве В. М. Межуева подкупает стремление очистить идеи Маркса от позднейших наслоений, от шлака идеологической дог-

матики и схоластики, которую в советские времена именовали «истма-том». Тут я всецело на его стороне.

Не всегда приемлемыми кажутся мне, однако, те средства, кото-рые используются Межуевым в ходе, так сказать, дефлаграции¹ Маркса. При этом серьезно искажаются основоположения материалистиче-ского понимания истории. Чтобы доказать это, мне поневоле придет-ся много цитировать первоисточники, за что заранее прошу прощения у читателя. Во избежание экивоков по мере надобности приводятся ссылки на оригинал.

1. «Сущность человека следует искать в его общественном бытии», — пи-шет Межуев, и всякий марксист обязан с ним согласиться. Ниже, одна-ко, читаем иное: «Если практика — синоним того, чем человек является в истории, то отчуждение — синоним его существования в обществе. Оп-позиция практики и отчуждения оказывается в этом смысле оппозици-ей истории и общества».

Не настаиваю на аналогии, но мне при чтении этих строк вспомнил-ся старый экзистенциальный мотив: «общество» — чуждая и враждебная человеческой личности реальность, безличное *das Man*; а «история», наоборот, для личности — дом родной, моя «экзистенция» насквозь вся исторична...

У Маркса ни о какой оппозиции истории и общества ни слова, ни звука нет. Для него история не что иное, как «акт возникновения человеческого общества»², а гражданское общество — «истинный очаг и арена всей истории»³.

Общество, в том числе и гражданское (*bürgerliche* — буржуазное), не «плотина» в реке истории, а сама «вода». Препятствуют течению истории лишь отжившие *формы* общения (*Verkehrsformen*), к числу которых Маркс относил частную собственность. При этом нельзя забы-вать, что частная собственность в течение тысячелетий была не пре-градой, а, наоборот, величайшим стимулом исторического развития. Остается она таковым и поныне, вопреки расчетам и чаяниям Маркса. Возможно, он признал бы, что поторопился списать отношения част-ной собственности в утиль как «оковы» производительных сил, дове-дись ему взглянуть на стремительный, небывалый в истории рост этих самых сил, совершающийся на наших глазах *благодаря* углублению разде-ления труда, а стало быть — частной собственности⁴.

¹ Очищение спорами или нагреванием (*лат. deflagratio*).

² Сочинения. Т. 42. С. 124.

³ Там же. Т. 3. С. 35. «... Daß diese bürgerliche Gesellschaft der wahre Herd und Schauplatz aller Geschichte ist». (Marx/Engels Werke. Bd. 3. S. 36.)

⁴ «Разделение труда и частная собственность — это тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отно-шению к продукту деятельности». (Т. 3. С. 31.)

«Оппозиция практики и отчуждения» также хромает на обе ноги. Отчуждение — это особая историческая форма практики (труда). «Средство, при помощи которого совершается отчуждение, само есть *практическое* средство», — подчеркивал Маркс⁵. «Акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда»⁶ есть ее расщепление и отделение *от себя самой*: die Entäußerung in der Tätigkeit der Arbeit selbst. «Само производство должно быть деятельным самоотчуждением, самоотчуждением деятельности, деятельностью самоотчуждения»⁷.

Не к отчуждению практика находится в оппозиции, а *к себе самой* — исторически человеческий труд отчуждается от себя, «самоотчуждается» (скажем, расслаиваясь на духовный и материальный труд и образуя два враждующих класса общества). Это если понимать практику по Марксу. В. М. Межуев далеко уходит от Маркса, наполняя его термины иными, своими смыслами. Не возьмусь утверждать, что Межуев ошибается по существу дела. Уверен лишь, что он неверно передал мысль Маркса.

2. «Историческое знание... не может быть уподоблено и знанию естественно-научному, ибо „история людей“ в одном пункте существенно отличается от „истории природы“ — в ней есть *субъект*, действующий не в силу природной необходимости, а сознательно избранной им и поставленной перед собой цели», — комментирует Межуев вычеркнутые авторами слова из «Немецкой идеологии».

Если бы Маркс видел различие между историями человека и природы в наличии целесообразно действующего субъекта, то его взгляд на специфику исторического не отличался бы от взглядов всех прежних историков — идеалистов.

История людей пишется их собственным трудом — вот в чем ее действительно существенное отличие от истории природы. Таков первопринцип Марксова *материалистического* понимания истории. Преследуемые субъектами «сознательные цели» суть лишь идеальные «испарения» (Sublimate) процесса производства материальной жизни людей, включая цели моральные, религиозные, метафизические и прочие «туманности в мозгу» (die Nebelbildungen im Gehirn).

3. «Маркс видел себя прежде всего в роли историка», — настаивает В. М. Межуев. Да, но к этому следовало бы добавить, что никаких других наук Маркс вообще не признавал: «Мы знаем только одну единственную науку: науку истории... Ее можно разделить на историю природы и исто-

⁵ Там же. Т. 42. С. 568–569.

⁶ «Akt der Entfremdung der praktischen menschlichen Tätigkeit, die Arbeit». (Werke. Bd. 40. S. 515).

⁷ Сочинения. Т. 42. С. 90.

рию людей»⁸. Маркс не только себя, но и Дарвина с Коперником видел в роли историков. Всякий настоящий ученый — историк.

«История людей» имеет своим предметом все, что создается трудом, а потому должна включать в себя все науки о человеке. Роль историка не мешает Марксу быть экономистом⁹, как не мешала эта роль Дарвину быть биологом и Копернику астрономом.

Ну а «идеология вообще, немецкая в особенности», есть родной, исконный предмет философии — науки об идеях и идеальном. Это *сто-процентно философское* сочинение и при этом сочинение «историческое», т. е. научное. Нельзя отрывать науку истории от экономики, философии и других общественных наук, как это делает Межуев. Еще более грубой ошибкой было бы сужать предмет «науки истории» Маркса до области интересов «профессиональных» историков, от Геродота до Гуревича.

4. «...Историю делают люди, смысл деятельности которых нельзя постичь путем апелляции к законам, подобным природным», — постулирует Межуев, на этом основании пытаюсь противопоставить историю людей естествознанию — истории природы.

Меж тем Маркс предрекал, что наука о человеке и естествознание сольются: «это будет *одна наука*» (es wird *eine Wissenschaft sein*). Равняясь на этот идеал, он и свою теорию формаций замыслил как естественно-историческую. В отличие от неокантианцев для Маркса не было никакой китайской стены между историями людей и природы.

«История есть истинная природная история человека. (К этому надо еще вернуться)»¹⁰. Молодой Маркс развеял идеалистическую иллюзию внеприродности общественного бытия, т. е. истории. «*Общество* есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы»¹¹. А коммунизм, — продолжает Маркс, — есть не что иное, как «завершенный гуманизм или натурализм». Маркс ставит знак равенства: «Naturalismus = Humanismus».

Единство законов природы и смысла деятельности людей для Маркса не подлежит сомнению, здесь нет ничего непостижимого. Единая наука истории обязана постичь *единый* закон развития Вселенной — как говорится, от амебы до Эйнштейна (или нет, шире: от фотона до Ньютона и от кванта до Канта). Вот почему Маркс расценил книгу Дарвина о происхождении видов *растений и животных* как «естественно-историческую основу наших взглядов»¹² на *человеческое общество*.

⁸ Там же. Т. 3. С. 16.

⁹ Зрелый Маркс сам называл себя экономистом (т. 4, с. 69) и свои работы — экономическими. (Т. 29. С. 275, 317; Т. 30. С. 235.)

¹⁰ «Die Geschichte ist die wahre Naturgeschichte des Menschen». (Werke. Bd. 40. S. 579.)

¹¹ Сочинения. Т. 42. С. 118.

¹² Письмо к Энгельсу, 19 декабря 1860 г. // Там же. Т. 30. С. 102.

Конечно, глупо распространять на людей законы жизни амёб и мыслить общество «по аналогии с природным объектом» (В. М. Межуев). Не о том речь. Человеческая рабочая сила, по Марксу, есть сила природы (Naturmacht), средоточие всех природных энергий и потенциалов. «Трудящийся субъект есть индивид, данный природой, природное бытие (natürliches Dasein¹³), он есть эта неорганическая природа как субъект (Natur als Subjekt)»¹⁴. И нельзя считать человека хоть на йоту свободным от действия законов природы. Другое дело, что в общественном бытии эти всеобщие законы проявляются (Э. В. Ильенков сказал бы — представляются) совершенно особым образом — в своем чистом виде, или идеально.

5. В. М. Межуев предлагает различать «материальное производство» и «экономику», сводя последнюю к товарным отношениям. В таком случае, разумеется, лишь одна формация является «экономической», да и она становится таковой в полном смысле слова лишь на последней, буржуазной своей стадии. Остальные две — архаическая и коммунистическая формации — «экономическими» не являются вовсе¹⁵.

Маркс ни в коем случае не ограничивал экономику товарными отношениями. Слово «экономика» у него всюду означает сферу хозяйственной деятельности людей, общественное производство; в «Капитале» термины «производство» и «экономика» пишутся прямо через запятую¹⁶. Тексты Маркса не дают основания приписывать ему, мягко говоря, странное мнение, будто существует только один вид экономики — рыночная. В «Grundrisse» перечисляются, например, «феодальная, античная, восточная экономика»¹⁷, причем последняя имела своим основанием коллективную (общинную) собственность на условия труда.

В главе о формах общинной собственности «экономическое» — на каждом шагу. «Экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе, взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства... У германцев экономическим целым является отдельное жилище... Община в виде своих городских земель отличается от особого экономического существования отдельного члена общины... Она имеет особое экономическое существование в виде совместно

¹³ Термин «Dasein» точнее было бы перевести как «наличное бытие» — конкретное проявление бытия (Sein) природы. Так «Dasein» переводится в русских изданиях трудов Гегеля.

¹⁴ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 477.

¹⁵ Идею «формационной триады» в свое время отстаивали Ю. К. Плетников и «пост-экономист» В. Л. Иноземцев. (К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурус, 1995.)

¹⁶ «И у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира...» (Т. 23. С. 91.)

¹⁷ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 43.

используемых районов охоты, пастбищ и т. п.»¹⁸ Рыночная экономика, как видим, тут вообще ни при чем.

Межуев в точности повторил ошибку Прудона: «позабыл ту истину, что буржуазная история и каждая ее фаза тоже имеют свою *экономику* и *экономическую основу* своего движения (auch ihre *Ökonomie* hat und eine *ökonomische Grundlage* der Bewegung), эта истина в конце концов сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода *общественном* производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями»¹⁹. Курсивы принадлежат Марксу, заметьте. В этих словах — суть материалистического понимания истории.

Высшую общественную формацию Маркс по меньшей мере трижды именуется «экономической»²⁰, хотя совершенно ясно, что ни о каких товарных отношениях и об отношениях частной собственности вообще тут не может идти и речи. Наконец Маркс неоднократно говорит о «самых разных экономических формациях»²¹ и постоянно употребляет термин «экономические формации» *во множественном числе*, после чего гипотеза об *одной единственной* экономической формации теряет остатки правдоподобия.

6. В чем В. М. Межуев прав, так это в том, что Марксова «формация» — самая обыкновенная абстракция, каких немало в эмпирической историографии. На мой взгляд, это — *дефект*, в коем кроется причина аморфности формационной теории Маркса. Отсутствие логической строгости и, как следствие, историческая неполнота ее особенно бросаются в глаза при сравнении с теорией истории товарного обмена — диалектической дедукцией формы стоимости в первой главе «Капитала».

При этом Маркс все-таки достаточно определенно отличал буржуазную формацию от остальных. Например, в «Капитале» читаем: «Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества (die *ökonomischen Gesellschaftsformationen*), например, общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда»²².

¹⁸ Там же. С. 471–472.

¹⁹ Там же. С. 477.

²⁰ «С точки зрения более высокой экономической общественной формации (einer *höhern ökonomischen Gesellschaftsformation*) частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека». (Т. 25. Ч. II. С. 337. См. также: Т. 26. Ч. III. С. 446; Т. 19. С. 120.)

²¹ Вот три примера только из первого тома «Капитала»: «...Den verschiedenartigsten *ökonomischen Gesellschaftsformationen* angehört...» (s. 380); «in den verschiedensten *ökonomischen Gesellschaftsformationen* findet nicht...» (s. 624); «...die in den verschiedensten *ökonomischen Gesellschaftsformationen* reifen...» (s. 778). Ср. рус. изд.: Т. 23. С. 372, 611, 759.

²² Сочинения. Т. 23. С. 229.

Если В. М. Межуев и после этих слов продолжит настаивать, что для Маркса буржуазный и рабовладельческий строй принадлежат к одной и той же экономической формации, то я просто не знаю, какой аргумент вообще мог бы его переубедить.

Набросок письма к Засулич, на который ссылается Межуев, не дает ни малейшего повода для зачисления капитализма во вторичную формацию, которая «охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»²³. Общество, в основе которого лежит наемный труд, в данный ряд никоим образом не вписывается. А вот рабовладение и феодализм, в основе которых лежат отношения *личной* (а не *вещной*, как при капитализме) зависимости, Маркс действительно то объединяет, то разводит в разные формации. И об архаической формации он, похоже, составил более-менее твердое представление лишь к концу жизни.

7. «Мы исходим из другого широко известного высказывания Маркса, согласно которому „царство свободы“ начинается „по ту сторону экономической необходимости“, хотя и основывается на этой необходимости», — пишет В. М. Межуев, очевидно, имея в виду следующее место из третьего тома «Капитала» (выражение «Reich der Freiheit» у Маркса встречается лишь в одном этом месте): «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства (*jenseits der Sphäre der eigentlichen materiellen Produktion*)»²⁴.

Как видим, речь тут ведется не об экономической необходимости, а о *материальном производстве*. В. М. Межуева просто подвела память — из этой ошибки он и исходит в своей трактовке «экономического». Предложив различать «материальное производство» и «экономику», Межуев сам же затем и перепутал одно с другим.

8. Прямым следствием всех этих деформаций является положение о том, что за пределами «экономической» формации экономика отнюдь не образует основу общественной жизни, базис общества. Фактически это означает, что материалистическое понимание истории справедливо лишь для одной формации, да и то лишь «на заключительном этапе ее становления» (В. М. Межуев).

Меж тем Маркс в набросках письма к Засулич писал о совместном жилище как «экономическом базисе» архаических общин, причем самых примитивных — сложившихся «задолго до появления пастушества

²³ Там же. Т. 19. С. 419.

²⁴ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 386–387.

и земледелия»²⁵. Согласно «Grundrisse», коллективная собственность образует «экономическую основу (die ökonomische Grundlage) различных форм общины»²⁶. В азиатской, античной и германской формах собственности, по словам Маркса, «земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя (die Basis der ökonomischen Ordnung)»²⁷. Ну и патати э патата.

Все это писалось зрелым Марксом о той самой первичной, архаической формации, которая, по Межуеву, никакого экономического базиса не имеет и вообще не является формацией «экономической».

9. «В свободное время, считает Маркс, люди производят не вещи и даже не идеи, а *самих себя* во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми», — эту, в принципе верную, мысль В. М. Межуева мне хотелось бы уточнить.

Производя вещи и идеи, человек как раз и производит *самого себя*, свои связи и отношения с миром и другими людьми. Любая вещь (не говоря уже об идеях), сделанная человеком по-человечески, есть не что иное, как общественное отношение, выраженное в предметной форме: «сама эта вещь есть *предметное человеческое* отношение к самой себе и к человеку, и наоборот»²⁸.

Дело обстоит не так, что человек создает себя только в свободное от производства идей и вещей время, и личность его не есть некий экзистенциал, получаемый за вычетом идей и вещей. Человек есть то, что он делает.

10. Сверхзадача общественного развития, по Марксу, заключается в том, чтобы *снять противоположность* времени рабочего и свободного: «Само собой разумеется, что само непосредственное рабочее время не может оставаться в положении абстрактной противоположности к свободному времени»²⁹. Маркс предрекает превращение рабочего времени в свободное, когда процесс производства превратится в занятие «материально творческое» — в экспериментальную науку.

Проблема не только и не столько в *количественном* сокращении рабочего времени до минимума и его экономии (В. М. Межуев), сколько в его *качественном* освобождении. Надлежит не просто уменьшить и сберечь рабочее время, но *освободить* его целиком и полностью. Пока цела сама граница между рабочим и свободным временем, их абстрактная про-

²⁵ «Das gemeinsame Haus und die kollektive Wohnung waren dagegen eine ökonomische Basis der primitiveren Gemeinwesen, und das schon lange vor dem Aufkommen von Viehhaltung und Ackerbau». (Bd. 19. S. 403.)

²⁶ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 490.

²⁷ Там же. С. 472.

²⁸ Там же. Т. 42. С. 121.

²⁹ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 221.

тивоположность остается в силе: труд остается разделенным надвое — на царство необходимости и царство свободы.

Нет, труд должен весь, с головы до пят, превратиться в творчество — в самодеятельность, насквозь пропитавшись культурой. Разделение труда будет окончательно снято лишь тогда, когда само необходимое рабочее время делается временем свободным: *свободный* труд станет для человека *первой необходимостью* (высшей потребностью и целью жизни), а *необходимый* труд делается *свободным*, творческим приложением теоретических познаний.

* * *

В советское время одни философы мимикрировали, приспособляя свои взгляды к освященным истматом положениям Маркса, другие стремились «оживить» тексты классиков, нередко их ретушируя, как В. М. Межуев. Маркс превратился у него из экономиста в «историка», изрядно пропитанного культурологией. При этом действительно всплывают многие чрезвычайно важные идеи Маркса, ускользавшие от истмата, но и топится, как мы видели, многое, слишком многое.

Если бы Межуев высказывался от собственного имени, его концепция не стала бы менее ценной, и Маркс бы так не пострадал. Каждый ученый вправе переосмыслить и ревизовать взгляды своих предшественников — собственно говоря, так только и возникают новые теории. К счастью, в наши дни больше нет инстанций, способных покарать «ревизиониста и ренегата».

Мне самому Марксова теория формаций представляется логически ущербной, а все старания достроить ее и согласовать с новыми историческими данными — тщетными. А. Я. Гуревич совершенно справедливо оспаривал пригодность эмпирических абстракций, каковыми являются Марксовы «формации», к роли всеобщих и необходимых ступеней истории. В эмпирических обобщениях настоящей, строгой необходимости нет и быть не может. (Жаль только, сам Гуревич взамен не предложил ничего, кроме других, более мелких, эмпирических абстракций.)

Не подлежит сомнению, что Межуев многое, притом лучшее, взял у Маркса. Об актуальности учения Маркса свидетельствуют не столько кризисы и прочие эмпирические симптомы «разложения» капитализма, так радующие недалеких умом коммунистов, сколько появление из лона классического марксизма все новых теорий, глубоких и неординарных, одну из которых создал В. М. Межуев.

ОТВЕТ МОИМ ОППОНЕНТАМ

Свой ответ на замечания моих уважаемых оппонентов я хочу предварить некоторым общим рассуждением. Я никогда не считал себя марксоведом — человеком, посвятившим свою жизнь изучению творчества Маркса, стремящимся дословно воспроизвести его взгляды по всем интересовавшим его вопросам. Не знаю, могу ли я причислять себя и к советским или постсоветским марксистам, т. е. к тем, кто пытается следовать идеям Маркса, как они их понимают или хотят продолжить в новых условиях. Многие из них, на мой взгляд, оказались весьма далеки от Маркса, от духа и смысла его учения. Вообще, писать о Марксе — еще не значит быть марксистом. С другой стороны, к западному марксизму причисляют и тех, кто, подобно, например, представителям Франкфуртской школы социальных исследований или некоторым постмодернистам, никогда не позиционировал себя как марксистов. Западный марксизм сегодня — это широкое направление социально-исторической мысли, связанное с критикой капиталистических (и шире — товарно-денежных) отношений, с попыткой найти им альтернативу не в прошлой, а в будущей истории. Среди мыслителей прошлого Маркс оказался наиболее подходящим именем для обозначения именно этого направления, которое не обязательно во всем следует Марксу, но едино с ним в своем неприятии многих ценностей и институтов буржуазного общества. Смысл предложенной Марксом альтернативы, как она видится в перспективе нашего времени, и интересовал меня в первую очередь. Если капитализму как способу производства и общения ничего не противостоит в будущей истории, то о Марксе можно забыть. Но если капитализм, как и все предшествующие ему общественные состояния, достоин исторической критики, то разработанный Марксом метод этой критики сохраняет свое значение и для нашего времени, хотя не со всеми выводами из этой критики, сделанными самим Марксом, можно сегодня согласиться.

Во всяком случае, оставаться «верным марксистом», во всем следуя букве учения Маркса, без учета того, что произошло после него в теории и на практике, вряд ли возможно. Если дословное воспроизведение высказываний Маркса еще как-то оправдано в работах марксоведов, стремящихся к аутентичному изложению его учения, то оно еще

ничего не объясняет в судьбе современного марксизма. Что-то из наследия Маркса в нем вышло на первый план, стало более отчетливым, очевидным или иначе формулируемым, а что-то за давностью лет вообще утратило свое значение. Мое прочтение Маркса также, видимо, несвободно от определенной интерпретации его учения, но в огромной литературе о Марксе я не знаю исключения из этого правила. Так, например, неокантианство является не простым пересказом Канта, а определенным истолкованием его метода, распространенным на новые проблемы и сюжеты. Маркс, например, ни в коей мере не претендовал на роль теоретика культуры и вряд ли видел в культуре особый объект для своего теоретизирования, но кто мешает нам сегодня усмотреть в его теории метод объяснения не только экономической и политической истории, но и истории культуры? И не позволит ли такое расширение предмета его теории добавить что-то новое в ее понимание?

Иное дело, что XX век знает и такие разновидности «марксизма», которые полностью разошлись не только с буквой, но и духом учения Маркса. Когда якобы с марксистских позиций оправдывают попрание человеческих прав и свобод, всевластие государства, террор и насилие, когда именем Маркса освящают тоталитарные режимы и разные проявления «казарменного коммунизма», тогда столь очевидная фальсификация его теории невольно заставляет встать на ее защиту, вызывает желание отстоять заключенный в ней огромный гуманистический потенциал.

Я не настаиваю на том, что все сформулированные мной тезисы буквально принадлежат Марксу, могут быть подтверждены прямыми ссылками на его тексты (хотя большинство этих тезисов, как я думаю, не противоречит сказанному им), но предполагаю, что все они соответствуют общему духу его учения, могут быть вписаны в логику развития марксистской мысли. С учетом этого попытаюсь ответить теперь на замечания, во-первых, Андрея Майданского — наиболее придирчивого моего критика по части соответствия сказанного мной тому, что говорил сам Маркс, и, во-вторых, финского коллеги Весе Ойттинена, опубликовавшего в «Вопросах философии» вполне благожелательную рецензию на мою книгу «Маркс против марксизма»¹.

Свои замечания А. Майданский изложил в десяти пунктах. Первый из них касается некорректности по отношению к Марксу противопоставления («оппозиции», в моей терминологии) практики и отчуждения, истории и общества. Согласно Майданскому, отчуждение не отрицает практику, а представляет собой ее превращенную (самоотчужденную) форму существования, равно как история (во всяком случае человеческая) есть история общества и ничем другим быть не может. «Общество, — как пишет Майданский, — это не плотина на пути истории, а сама вода».

¹ Вопросы философии. 2009. № 3. С. 176–179.

В достаточно длительной исторической перспективе, включая и далекое будущее (т. е. в чисто умозрительном плане), это действительно так. Но ведь Маркс имел дело с реальной историей, происходившей на его глазах. Оппозиция истории и общества, как и зафиксированные самим Марксом противоречия между производительными силами и производственными отношениями, трудом и капиталом, абстрактным и всеобщим трудом, рабочим и свободным временем, имеет для него не абсолютный, а относительный характер, оправдана по отношению лишь к тем формам производства и общения, которые служат ему предметом анализа. Кто же будет спорить с тем, что любое общество является продуктом исторического развития, вне истории не существует, но очевидно и то, что каждое из них стремилось быть в истории последним, пыталось остановить историю на себе, как бы увековечить себя? Для этого использовались все средства — от политических до идеологических. Любая социальная система, и особенно буржуазная — наиболее всеобщая, стремится, подобно гегелевской системе, стать абсолютной, завершить собой историю, остановить ее. Антиисторизм буржуазной общественной системы, мыслящей себя как естественный и вечный закон жизни, дает о себе знать и в идее «конца истории», и в дифференциации социологического и исторического знания, и в торжестве позитивизма, и в концепции «нищеты историцизма», т. е. во всех попытках идеологов этой системы мыслить действительность вне истории. Как писал Маркс об экономистах, для них «раньше была история, а теперь ее более нет». Скажут, так думали экономисты, но не сам Маркс. Но и для Маркса фетишизация (увековечивание) товарных отношений, т. е. их вывод за рамки истории, есть не просто заблуждение ума, но неотъемлемое (объективное) свойство самой системы. Будучи включенным в эту систему, индивид оказывается выключенным из реального исторического процесса. История происходит как бы помимо него, является историей вещей, идей, институтов, чего угодно, но только не самих людей. Разумеется, капиталистическая система — наиболее динамичная из всех известных нам социальных систем, но и она имеет свои пределы, отнюдь не совпадающие с историей в целом. И пока еще не родилась такая социальная система, которая без внешнего принуждения и насилия была бы способна к постоянному самоизменению, вплоть до самоотрицания.

Сходным образом обстоит дело и с отчуждением. Ну кто же спорит с тем, что отчуждение труда есть особый вид практики? Но ведь оно не является практикой в том смысле этого слова, в каком под ней понимается процесс производства человеком себя во всей целостности своего общественного существования. Отчуждение — не просто особый, но именно отчужденный, превращенный вид практики, скрывающий, маскирующий, а то и искажающий ее подлинное содержание. Майданский с его знанием Спинозы должен понимать, что любая историческая оппозиция есть оппозиция не между разными субстанциями, а внутри

одной, между ее разными формами проявления. Если практика — это субстанция истории, то отчуждение — ее неадекватное, противоречащее ей, сковывающее ее и потому подлежащее устранению проявление. Частное также существует только в обществе, но мы почему-то противопоставляем его общественному. В равной мере и капитал есть овестьественная форма труда, но он одновременно находится в оппозиции к живому, непосредственному труду.

Следующее замечание основано на чистом недоразумении. Майданский полагает, что в основе человеческой истории в отличие от истории природы лежит не человеческая субъективность, а труд. Сам термин «субъект» представляется ему уступкой идеализму. Но разве ему неизвестно, что главным недостатком старого созерцательного материализма Маркс считал то, что «предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в *форме созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»? Исходить в понимании истории из труда — это и значит полагать человека в качестве субъекта, т. е. творца,демиурга истории. А труд даже в своих простейших определениях включает в себя цель, которая, «как закон», направляет весь процесс труда. Даже на ранних ступенях истории люди руководствовались в своем труде не инстинктом, а заранее поставленной целью. При чем тут идеализм и что здесь противоречит Марксу?

Согласно третьему замечанию, все ученые (например, Дарвин и Коперник) являются историками, и Маркс в этом отношении не является исключением. Но в отличие от других историков он был еще экономистом, в чем я ему якобы отказываю. Маркс, как я понимаю, был экономистом в том же смысле, в каком Дарвин и Коперник были историками. Его, несомненно, интересовала в первую очередь экономическая история, но это не дает еще основания причислять его к экономистам классического или современного образца. Отнюдь не только в экономике видел он содержание исторического процесса. В качестве еще одного примера историка, пишущего на экономические темы, могу назвать Фернана Броделя, которого почему-то никто не называет экономистом. Я никогда не отрывал историю от экономики и других областей общественной, политической и духовной жизни, но и никогда не отождествлял историческую теорию Маркса исключительно лишь с экономической, социологической, правовой или политической теорией (хотя многие понятия и категории всех этих теорий в ней присутствуют). Если материалистическое понимание истории — чисто экономическая теория, почему она не числится по ведомству только этой науки? В том-то и дело, что хотя Маркс и писал преимущественно об экономике (в этом смысле его сочинения действительно можно назвать экономическими), но мыслил не просто как экономист, а как историк. Его интересовала экономика не сама по себе, а как та сторона историческо-

го процесса, которая на современном ему этапе стала определяющей. «Капитал» — экономическое сочинение в том же смысле, в каком «Критика чистого разума» — сочинение математическое и физическое.

Дальше в том же порядке, что и у Майданского.

4. Никогда не отрицал значения природного фактора в человеческой истории. Единство человека с природой, другими людьми и самим собой, достигаемое в ходе исторического развития, я и называю культурой. Об этом моя первая книга «Культура и история» (М., 1977). Не хочу оспаривать сказанное по этому поводу Майданским (здесь я с ним полностью согласен), но не могу понять в данном случае, в чем состоит смысл его замечания в мой адрес.

5. О различии между «материальным производством» и «экономикой». Я действительно понимаю под материальным производством производство полезных для человека вещей (потребительных стоимостей), а под экономикой — производство товаров (меновых стоимостей). Экономическим является любое производство (не только материальное, но и духовное), создающее товары. Никогда я не отрицал существования добуржуазных форм экономики, в чем совершенно бездоказательно обвиняет меня мой критик. Даже на Древнем Востоке и в первобытных коллективах была своя экономика, но в той мере, в какой здесь осуществлялся обмен продуктами труда. Иное дело, что на ранних этапах истории не экономика (т. е. обмен) служила основой, базисом социальных связей и отношений. Майданский считает, что для Маркса любой вид хозяйственной деятельности, материального труда является экономическим (даже труд домашней хозяйки или выращивание огурцов для собственного потребления). Я не знаю экономической науки, которая интересовалась бы процессом изготовления, или производства, полезных вещей (это, скорее, предмет технологического знания), но она, несомненно, имеет своим предметом производство вещей как товаров, предназначенных для обмена на другие вещи или деньги. Человек, занимающийся огородничеством или садоводством, охотой или рыболовством для собственного удовольствия или пользы, не занимается экономической деятельностью. Равно и поэт: пока он руководствуется в своем творчестве вдохновением, он — вне экономики. Но стоит ему вынести плоды своего вдохновения на продажу, как он тут же оказывается вовлеченным в систему экономических отношений. Нерыночная (или безрыночная) экономика, экономика без отношений обмена — нонсенс. Цитаты цитатами, но есть еще и элементарная логика. В конце концов, любой труд — инженера, врача, учителя, ученого — можно объявить экономическим, но так мы дойдем до полной экономической бессмыслицы.

6. Слова «формация», «экономическая форма», «форма производства» Маркс действительно часто употреблял во множественном чис-

ле. Но вместе с тем он отчетливо различал во всей предшествующей истории два основных периода. Первый из них строится на базе непосредственно личных, или архаических, отношений (в конспектах письма к Вере Засулич он назвал его «первичной, или архаической, общественной формацией», отнеся сюда первобытность и все цивилизации Древнего Востока), а второй — на базе вещных (товарных, или экономических) отношений. Весь этот период, он обозначил как «вторичную формацию», которую в отличие от первой можно назвать и общественно-экономической (в силу определяющей здесь роли экономических отношений). Разумеется, рабский, крепостной и наемный труд — экономически особые формы, способы производства, но все они, как писал Маркс, суть «прогрессивные эпохи экономической общественной формации». Выражение «экономическая общественная формация» употреблено здесь в единственном числе, что означает, что она охватывает собой все эти формы. Подобное членение исторического процесса — не на пять экономических формаций, а на две, из которых только вторая является экономической в указанном выше смысле, — проходит через все периоды творчества Маркса, и я не вижу причины отказываться от него. Данное членение многое объясняет в понимании Марксом общей логики исторического движения, что я и попытался сделать в своей статье.

7. С поправкой «по ту сторону экономической необходимости» на «по ту сторону собственно материального производства» согласен, но не понимаю, что это меняет по существу дела. Если царство свободы — тоже «экономика» (и даже экономическая необходимость), то пусть мне объяснят, как она возможна «по ту сторону собственно материального производства». Вывод один: Майданский любую деятельность склонен приравнивать к экономической.

8. Материалистическое понимание истории для Майданского — это тезис об определяющей роли экономики в общественном развитии на всех без исключения этапах истории, т. е. трактовка всей истории в духе экономического детерминизма. Это и есть главное обвинение в адрес Маркса со стороны его многочисленных критиков. Но абсолютизация экономики в качестве базиса общества — идея не Маркса, а тех экономистов-неолибералов (типа Е. Гайдара), которые, отвергая Маркса, довели эту идею до абсурда. Исторический материализм Маркса состоит в признании определяющей роли в истории не товарного производства (оно же экономическое), а человеческой деятельности, направленной на создание общественных отношений индивида и, следовательно, его самого как общественного существа. Только такая деятельность (а не просто труд сам по себе) создает историю. Она и должна стать базисом будущего общества. Маркс называл ее не экономической, а практической деятельностью (и свой материализм — не экономическим, а практическим), а время ее осуществления — свободным временем.

9 и 10. Что человек создает себя, производя вещи и идеи, — бесспорная истина, но часто отношения в форме вещей или идей оказываются важнее человека, обретают власть над ним. Для Маркса равным образом неприемлем ни вещный (товарный), ни идейный (идеологический) фетишизм. Проблема, решаемая Марксом, и состоит в том, чтобы сделать производство отношений не производством вещей или идей самих по себе, а производством самого человека, когда посредником между людьми будут выступать не вещи и даже не идеи, а сами люди. Кто любит свою жену посредством «вещей или идей» — это его дело, но отношения между людьми (не только любовные), если они подлинно человеческие, строятся на основе их непосредственных контактов и личных связей, на основе прямого обмена деятельностью и ее плодами. Речь идет не о мире, в котором нет вещей (предметов) и идей (мыслей), а о мире, в котором вещи и идеи служат человеку, а не он им. Талант должен обмениваться на талант, мысль на мысль, чувство на чувство, а не на что-то другое, заменяющее их. «Всеобщим эквивалентом» в отношениях между людьми может быть только сам человек.

И последнее. У Маркса речь идет все же не о «превращении рабочего времени в свободное», как утверждает Майданский, а о замене рабочего времени, сводимого к «минимуму», свободным в качестве базиса общества. Про «качественное освобождение (?) рабочего времени» я у Маркса ничего не нашел.

Во всем остальном я благодарен Андрею Майданскому не только за высказанные им замечания, на которые он, как и любой другой, имеет полное право, но и за то, что он способен, как немногие, внимательно отнестись к предложенному ему тексту, разобраться в замысле его автора, понять его логику и систему аргументации. Короче, он понимает, что читает, что по нашим временам редкость. О таких оппонентах можно только мечтать.

Замечания Весы Ойттинена касаются в основном понимания мною общественной формации в трактовке Маркса. По его мнению, предложенная Марксом периодизация истории не сводится к двум формациям, носит более сложный и дробный характер, хотя терминологически эти периоды не получили у самого Маркса четкого и завершеного обозначения.

С этим я спорить не буду, но отмечу, что Марксово деление истории на первичную и вторичную (она же экономическая) общественные формации в конспектах его письма к Вере Засулич соответствует, на мой взгляд, пониманию им главного рубежа в предшествующей истории, отделяющего эпоху (или ступень, по другой терминологии) непосредственно личных общественных отношений от эпохи вещных (товарно-денежных) отношений в качестве базиса общества. Следующим таким рубежом станет, согласно Марксу, переход от общественно-экономической формации к «подлинной истории», базирующейся

на свободном развитии человеческой индивидуальности. Подобная — самая общая, конечно — периодизация исторического процесса позволяет Марксу представить этот процесс в его наиболее целостном виде, в единстве прошлого, настоящего и будущего.

Мой финский оппонент считает также, что я неправомерно сближаю экономическую теорию капитализма Маркса с теорией модернити в работах Макса Вебера, Дюркгейма, Тённиса и других более современных мыслителей. Я отнюдь не отождествляю эти теории, но думаю, что определенную аналогию между ними все же можно провести. В конце концов, генезис капитализма, интересующий Маркса, определил собой главное содержание эпохи модернити, стал для нее экономической опорой. Впрочем, проблема соотношения понятия модернити с Марксовыми понятиями капитализма и коммунизма, как и советует Ойттинен, заслуживает дальнейшей дискуссии.

И, наконец, столь же дискуссионной является для меня трактовка Ойттиным экономики как сферы не только экономической необходимости, но и свободы. Под свободной экономикой обычно понимают рыночную экономику. За пределами рыночных отношений речь, по моему разумению, может идти не о свободной экономике, а о свободе индивида от экономики, т. е. от труда, диктуемого внешней целесообразностью. Этим не исключается наличие экономической необходимости в будущем обществе (в качестве его естественной предпосылки), но она перестает здесь служить его базисом, конституирующим всю систему общественных отношений.

Тем не менее замечания моего финского коллеги действительно затрагивают важные и дискуссионные вопросы. В свою очередь мне хотелось бы поблагодарить его не только за проявленный им интерес к моей статье и высказанные в мой адрес благожелательные оценки, но и за указанные им спорные моменты в моей позиции, нуждающиеся в дальнейшем обдумывании и дополнительной аргументации.

Философия истории Маркса: реконструкции и надежды

Предметом обсуждения в моей статье станет главным образом вопрос об условиях возможности адекватной реконструкции философии истории Маркса. Ведь при всем разнообразии оценок должно быть какое-то минимальное согласие относительно самого объекта, об одном и том же мы судим или нет. Мне кажется, что именно в отношении понимания Марксу как автору не слишком везло в прошлом и настоящем.

1. Почему «философия истории»?

Сначала о второстепенном. Корректно ли называть Марксово понимание истории «философией истории»? Идет ли речь все-таки о философии или о чем-то еще?

Вопрос принадлежности материалистического понимания истории к какому-то определенному типу социального знания далеко не так прост. Действительно, Маркс в «Немецкой идеологии» активно выступал против философии истории в ее гегельянских вариантах, а собственную позицию определял как позицию науки истории, т. е. теоретического рассмотрения исторической реальности (как прошлого, так и современности) как таковой, без обращения к внеисторическим объяснительным принципам. Впоследствии свой подход Маркс и Энгельс назвали материалистическим пониманием истории, причем Маркс неоднократно протестовал против его оценки как философского (универсального, метафизического), а Энгельс отрицал приписываемый материалистическому пониманию истории доктринальный характер, определяя его как «метод». Возражения против идентификации разработанного ими понимания истории с философским не были единичными — они проходят через всю творческую жизнь Маркса и Энгельса, вплоть до так называемых писем об историческом материализме, в которых соавтор основоположника объяснял неопитам азы марксизма.

Но, с другой стороны, после написания «Немецкой идеологии» Маркс не называл себя историком, да и тема противопоставления истории и философии не получила продолжения в его творчестве. Вполне резон-

но предположить, что история как наука с ее высокими оценками появилась в тексте первой главы «Немецкой идеологии» по достаточно второстепенным причинам. Нужно было как-то обозначить отличие собственной, впервые формулируемой концепции («понимания истории») от специфически и сугубо философского гегелевского и гегельянского подходов. Порок такого философствования, как тогда понимали это Маркс и Энгельс, состоял в том, что с помощью общих категорий, обозначающих исторические этапы, создавалась некая общая конструкция мировой истории, несущая в себе явные следы идеологических предпочтений авторов и их неизбежного (перед бесконечностью содержания каждой обозначенной общей категорией эпохи) невежества. Результатом становится интерпретация истории, резко отличающаяся от конкретного исторического содержания, далекая от его понимания. В «Немецкой идеологии» примером и материалом для критического анализа послужила концепция мировой истории, предложенная Максом Штирнером в триаде негритянство — монгольство — кавказство, где автор, подражая Гегелю, по мнению Маркса, «не удосужился даже как следует просмотреть гегелевскую „Философию истории“»¹.

В целом философия истории, как и всякая философия, по Марксу, удовлетворяется созданием различных интерпретаций реальности и соответствующими им изменениями в сознании интерпретатора, его возможных читателей и слушателей. Интерпретации могут быть разного качества, вплоть до абсурдных и вполне бессмысленных. Чем дальше они от социальной реальности, тем ничтожнее их влияние на эту реальность, тем более они идеологичны. «Изменение сознания изолированно от отношений — чем философы занимаются как профессией, *ремеслом* — само есть продукт существующих условий и неотделимо от них. Это идеальное возвышение над миром есть идеологическое выражение бессилия философов по отношению к миру. Их идеологическое бахвальство ежедневно разоблачается практикой»². Иными словами, философия гегелевско-гегельянского типа далека от реальности как в научно-теоретическом, так и в практическом отношении. Научность истории, призванной заменить философию, как пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», следует прежде всего понимать как антиидеологичность, залогом чего являются объективность исторического знания и его критичность.

Впоследствии, когда Маркс начал усиленно работать в области экономической теории, он обнаружил и в этой области знания все те пороки, которые обличал в «Немецкой идеологии». Да и по отношению к истории, представленной трудами различных авторов, включая Т. Моммзена, Л. Ранке или цитируемого в «Капитале» Б. Нибура, у Маркса не было никаких иллюзий. При всем огромном интересе Маркса к истории, особенно в поздний период творчества, он вовсе не считал себя историком,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 157.

² Там же. С. 376–377.

и резкие антифилософские инвективы «Немецкой идеологии», как и хвалы «науке истории» там же, можно считать просто несущественными для творчества Маркса в целом, тем более что созданная Марксом концепция понимания истории содержит в себе неустранимые следы философского подхода как содержательно, так и по форме. В ее основание положена типичная для немецкой классики идея тождества бытия и мышления, которую Маркс вслед за Фейербахом переворачивает, рассматривая мышление (дух, идею, сознание) как производное и зависимое от своей противоположности. Это позволяет более реалистично вписать человека («ходячее» единство бытия и мышления, по Фейербаху) в историю человечества, причем Маркс здесь применяет вполне новаторское понимание практики, праксиса. Человек как существо практическое, созидающее и самосозидающееся в объективных исторических условиях есть конкретный индивид — это понятие Маркс использует в противовес абстрактным категориям «Человека» у Л. Фейербаха и «Единственного» у М. Штирнера. Также «наука истории» имеет и существенные философско-антропологические предпосылки, которые наиболее полно изложены в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», статьях и набросках того же периода. Особо важен здесь комплекс идей, связанных с понятием отчуждения. Все это вещи широко известные, но, к сожалению, приходится учитывать, что философские обоснования плюс (по сути гегелевский) понятийный аппарат, да и всю стилистику философствования молодого Маркса долгое время старательно изгоняли из популярных изложений его взглядов. Причем повод для этого давали резкие антифилософские высказывания самого «основоположника». Отсюда и иллюзия, что материалистическое понимание истории есть не вариант философии истории, а нечто иное.

Таким образом, по целому ряду параметров Марксово понимание «науки истории» имеет непосредственное отношение к философии истории, несмотря на то, что сами Маркс и Энгельс с этим были категорически не согласны. Беда в том, что над ними висел дамоклов меч необходимости быть понятным и доступным для аудитории особого рода — рабочего класса. Однако «угнетенной массе» философия, как она была представлена в XIX в., была не просто непонятна, она была ей чужда. Бертран Рассел с англосаксонской прямолинейностью где-то отметил, что вся философия Нового времени была философией «для средних классов», а Маркс создал философию «для бедных». Это замечание не лишено справедливости. Подражая К. М. Кантору, можно сказать, что присяга юного Маркса интересам «угнетенной массы» вела его по пути Нагорной проповеди, и потому новая философия была обязана как-то преодолеть традиционное дистанцирование от свирепой и неразумной реальности.

Однако весь исходный мыслительный материал того, что написано об истории в первой главе «Немецкой идеологии», всю ее стилистику никак не оторвать от философской, а точнее, гегелевской традиции. Поэтому стремление Маркса отрицать родство своей концепции истории с заветами немецкой философской классики вряд ли стоит считать прин-

ципальным. Да и так ли это важно? Намного более значим вопрос о том, имеет ли историзм марксовского типа право на существование вообще? Допустимо ли философам строить исторические обобщения? Полемика с Марксом по этому поводу начинается с логического позитивизма. В конце XX в. эти вопросы вошли в контекст обсуждения условий возможности «больших нарративов». Зачастую эти дискуссии выглядят немного смешными, поскольку основные категории предложенных Марксом историко-социальных обобщений давно превратились в то, что называется «формами мысли», т. е. без их употребления уже не могут обходиться сами «отрицатели». Наиболее известной попыткой полного критического опровержения историзма и Марксова подхода к истории стала книга К. Поппера «Нищета историцизма», а также его последующие сочинения. После значительных преобразований в нашем отечестве попперовская критика все еще используется для опровержения той версии марксизма, которая являлась частью официальной идеологии «старого режима». Поэтому нападки на Марксов историзм, на «истмат, за который стыдно», продолжаются.

2. Трудности реконструкции философии истории Маркса

В тени указанной проблемы остается другой важный вопрос: как возможны более-менее аутентичные реконструкции философско-исторических взглядов Маркса? Стоит ли вообще заикаться об аутентичности реконструкций, хотя бы историко-философских, если тексты Макса до сих остаются материалом для пропаганды, популяризации или негативной критики в духе Поппера? Мне кажется, что время постепенно снимет все наросты злободневности вокруг наследия классика, а пытаться понять его более глубоко есть прямая обязанность, и не только для его последователей.

Тексты Маркса, в которых в общем виде формулируются его философско-исторические взгляды, широко известны. Их не так уж и много, если отсечь Энгельса. Первой попыткой изложить еще только создаваемую концепцию следует считать первую главу «Немецкой идеологии». (Есть еще знаменитые «Тезисы о Фейербахе» — весьма переоцененный текст.) В теоретическом отношении важны некоторые фрагменты из третьей главы этой работы (анализ концепции М. Штирнера, тексты о Гегеле, формулировки по проблеме свободы, индивидуального развития, идеологии, коммунизма, ряд теоретических разъяснений и др.). Затем следуют «Нищета философии» и письмо П. В. Анненкову о Прудоне, работа «Наемный труд и капитал», в которых Маркс уже значительно больше заботится о доступном и понятном изложении своего толкования истории. Очень важен и «Манифест Коммунистической партии» (1848). Все 50-е гг. XIX в. Маркс работал преимущественно над проблемами политической экономии, что завершилось к середине 60-х гг. изданием первого тома «Капитала». На определенном этапе этой работы (в «Экономических рукописях 1857–1859 годов», первом варианте «Капитала») он

неоднократно возвращается к философско-исторической тематике, причем вносит в свои размышления много нового по сравнению с 40-ми гг., например, анализ докапиталистических форм производства. Также для философии истории Маркса непременно надо бы привлекать материалы второго черного варианта «Капитала», в особенности историко-теоретическую часть, известную под названием «Теории прибавочной стоимости». Ну, и для порядка упомянем о трех томах «Капитала», в которых также масса важного для раскрытия нашей темы материала, о работах по политической жизни Франции в XIX в., статьях об Индии.

Сделана ли работа по реконструкции Марксовой концепции истории, исходя хотя бы из указанных материалов? Лично я, поскольку самому приходилось этим заниматься, сомневаюсь. Чем неоднозначнее, многостороннее мысли автора, тем вероятнее, что комментаторы, оставив сложности реконструкции, сколь возможно упрощают содержание текстов и принимают за интерпретировать, оценивать еще недостаточно ими понятое. Относительность процедур реконструкции и всяческих истолкований общепризнана, а добросовестность немецких историков философии, вроде Куно Фишера, уже мало кому нужна. Поэтому и приходится прощать всем, начиная с себя, то, что я называю виной перед Марксом. Хвалы и хулы ему досталось немерено, а за недостаточность понимания он мог бы с того света погрозить пальцем любому, о нем писавшему. В том числе своим ученикам и последователям...

Нужно признать, что многочисленные популярные изложения материалистического понимания истории, особенно написанные Энгельсом, а вслед за ним первыми поколениями марксистов (К. Каутский, Г. В. Плеханов, А. Лабриола, П. Лафарг, затем Н. Бухарин и др.), во многом корректно излагают основы понимания истории Маркса, минус «эзотерический», недоступный читателям философский уровень его мысли. В этом отношении даже ленинская работа «Государство и революция» в историко-теоретических фрагментах демонстрирует вполне приемлемый вариант анализа. Не столько тексты Маркса, сколько эти изложения стали источниками учебно-популярной литературы, по которой осваивали истмат студенты учебных заведений нашей страны, да и многих других. В основном как-то доходили до сознания тезисы об общественно-экономических формациях, о примате экономики над политикой (базис и надстройка — удобное наглядное представление), о классовой борьбе с революциями в истории. Это было упрощением и «пропедевтикой», хотя источниками служили подлинные мысли Маркса. Многочисленные рукописи Маркса оставались неизвестными до 30-х гг. XX в., а русскому читателю в переводах сделались доступными лишь к 60-м гг. Однако, поскольку в них практически нет популяризаторства и упрощенного подхода, они и поныне остаются лишь материалом для исследований специалистов. Содержательно размышления Маркса в этих текстах выходят за пределы ныне полузабытых изложений истмата, и именно этим они крайне важны для философии истории Маркса, для ее понимания.

3. Свобода в истории

Для Гегеля сознание свободы служило критерием различия основных исторических этапов прогрессивного развития человечества, что позволило ему сконструировать свою знаменитую философско-историческую триаду. Нечто подобное имеется и у Маркса. Однако Гегель оставил, пусть и в виде студенческих конспектов, целый том лекций по философии истории; Марксова же триада уместилась на одной страничке. Отчего так скупо? Ясно, что это мысли «для себя», ориентиры в пространстве истории человечества.

Для существования человечества делится у Маркса на три фазы: 1) отношения личной зависимости; 2) личная независимость, основанная на *вещной* зависимости; 3) свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов³.

Отметим, что данная триада почти не имеет отношения к популярно-марксистской теории формаций, в создании которой есть и доля участия Маркса, хотя для него «формация» — лишь синоним классической философской категории «форма»⁴. Во всяком случае, тут нет никаких «измов» (феодализм, капитализм и т. п.).

Критерий различения стадий — этапов — шагов истории в триаде мировой истории значительно отличается от гегелевского, что бы там ни писали комментаторы. Как справедливо отмечал В. М. Межуев, у Маркса это — степень индивидуальной свободы, свободы развития и самореализации, практической свободы. А практическая свобода и сознание свободы — все же не одно и то же, несмотря на родство.

Там же, параллельно, Маркс пишет о росте производительности труда людей, универсализации их отношений, всесторонности потребностей и т. д. На заднем плане, в потенции остаются (и даже включены в эту триаду) иные варианты построения конструкций мировой истории, более близкие к традиционной для марксизма трактовке развития производительных сил как мотора исторического развития, способа производства как оформителя этого процесса и т. д. Но в любом случае критерием, позволяющим различать основные стадии этого процесса, остается индивидуальная практическая свобода.

Итак, в этом достаточно интимном, для себя написанном тексте основным ориентиром в развитии человеческого рода Маркс избира-

³ Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 100–101.

⁴ В некоторых текстах Маркса «форма» и «формация» употребляются через запятую. А категория «форма» обязывает ко многому, причем у Маркса она из числа любимых, ее применение крайне многообразно и достойно специального исследования — достаточно напомнить о категории превращенной формы, нигде и ни у кого ранее не встречавшейся. Насчет количества формаций следовало бы высказываться поосторожнее. И даже если бы теории формаций вовсе не было, все же у Маркса есть концепты, которые можно назвать теорией «экономического развития», причем вполне прогрессивного, — например, теория накопления капитала.

ет индивидуальную свободу. Данный подход имеет особый характер. Ведь Маркс как никто знает, что для привилегированного меньшинства и «униженных и оскорбленных» вопрос о свободе индивида означает нечто весьма различное. В формулировках Маркса это различие как бы уходит вглубь, в более конкретные характеристики этапов развития, что не мешает общему видению истории, однако сразу же проявляется при обращении к каждой особой форме общества. Симпатии Маркса явно принадлежат индивидуальной свободе большинства, а не той части общества, у которой она так или иначе присутствовала и на первой, и на второй стадии истории.

Маркс называет части своей триады «формами общества» и «ступенями», где вторая ступень создает условия для третьей, т. е. речь идет о развитии форм общества, основным критерием различия которых является свобода индивидуального развития. Конечно, это некий крайне обобщенный «мегавзгляд» на историю. Но нужно напомнить, что и понимание индивидуальной свободы у Маркса впервые устанавливается в «Немецкой идеологии», в ходе вполне философской (на уровне всеобщности) полемики с М. Штирнером. В первом разделе третьей главы, в части, названной «Новым заветом», в параграфе четвертом «Особенность» свобода понимается как власть, господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид⁵. Это соображение содержится в вычеркнутом авторами из рукописи абзаце, но именно так Маркс и понимает индивидуальную свободу, что легко подтверждается другими текстами: например, рассматривая моменты «действительного освобождения», Маркс пишет: «Второй момент заключается в том, что способность, существующая в освобождающих себя индивидах до сих пор лишь в качестве задатка, начинает функционировать как действительная сила или же что уже существующая сила возрастает благодаря устранению ограничения»⁶. Таким образом, свобода индивида, по Марксу, есть позитивное определение, а не просто «свобода от». Устранение ограничений индивидуального самосуществования Маркс называет лишь «следствием создания новой силы»⁷. Сила в данном случае имеет смысл, близкий к смыслу слов «способность», «потенциал», «удовлетворение потребностей», «расширение власти индивидов», «господство над обстоятельствами», — все эти определения конкретизируют и поясняют представление Маркса о свободе индивидов⁸.

Ограничиваясь сказанным о Марксовом понимании значения индивидуальной свободы в истории, попробуем провести анализ связи возможностей свободы индивидов в истории с фактором свободного времени. Эта связь несомненна, но, конечно, есть и определенные сложности. В движении по трем ступеням исторического развития человечества

⁵ Там же. Т. 3. С. 292.

⁶ Там же. С. 297.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Т. 3. С. 292–307.

фактор роста свободного времени не обозначен — по крайней мере, в том маленьком тексте Маркса. Если привлечь близкие по теме размышления Маркса, то становится ясно, что увеличение свободного времени есть важный момент в понимании перехода к третьей ступени истории человечества, т. е. к ожидаемому будущему. Свободное время противостоит рабочему времени, т. е. времени отчужденного, принудительного труда, которое должно уйти в прошлое. Доля труда, необходимого в общественных и общих интересах, должна уменьшиться и приобрести иной, далекий от отчуждения характер. Свободное же время превращается во время самореализации индивидов, которая трактуется Марксом в просвещенческих традициях эстетического развития, научного творчества и тому подобных областей деятельности, ранее доступных преимущественно привилегированным слоям общества.

Как проявляется это отношение или связь (свобода индивида — свободное время) в первых двух частях-членах Марксовой триады мировой истории, если рассматривать вопрос исторически? Или, иначе, растет ли свободное время индивидов в переходе от отношений личной зависимости к отношениям личной независимости, основанным на вещной зависимости? Как эта связь-отношение представлена в контексте той исторической динамики, которая являлась для Маркса современностью?

4. История свободного времени

История первой фазы в Марксовой триаде отсылает нас к текстам об общине, где можно ограничиться значительным фрагментом «Grundrisse» «Формы, предшествующие капиталистическому производству», известным письмом к Вере Засулич и работой Ф. Энгельса о происхождении семьи, частной собственности и государства, в содержании которой многое было взято из разработок тогда уже умершего Маркса. Как известно, историческое время крайне растяжимо, поэтому в первую фазу Марксовой триады попадает община на всем протяжении своего существования — от времени собирательства, пастушества, зарождения земледелия до тех ее форм, которые застал сам Маркс. (В одном из писем к Энгельсу он вспоминает, что о сельской общине, фактически существовавшей рядом с его родиной Триром, ему рассказывал отец, Генрих Маркс.) На большей части планеты, где преобладает земледелие, община сохранилась и в XX в., хотя и в каких-то модернизированных вариантах. Для России XIX — начала XX в. сельская община представляла собой социальный факт, и ее историческая судьба была проблемой, теоретически решить которую просила Маркса Вера Засулич (напомним, речь шла о перспективах социализма в отсталой земледельческой стране).

По Марксу, говорить о свободе индивида на этой стадии исторического развития рано, поскольку член общины, отдельный индивид неотъемлемо связан с землей и коллективом общины, без них его существование немыслимо: здесь «отдельный индивидуум еще столь же крепко при-

вязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью»⁹. Время существования и развития общины, как мы видели у Маркса, очень долгое. Ведь сельская община всегда локальна, ограничена как по ее участникам (население), так и по территории. Конечно, эта ограниченность не исключает расширения (за счет завоеваний и т. д.). Однако в целом община самодостаточна, и, как отмечает Маркс, даже отсутствие дорог или ущербность транспортных средств, препятствуя развитию общения и связей между общинами, являются значимыми факторами ее долговременного существования. Постепенно, в связи с развитием сельского хозяйства, расширением обмена, войнами, становлением разных типов государств, появляются и растут города, а в них — ремесло, зачатки науки, торговля и пр. Власть и сила на этой стадии истории концентрируется на той стороне общественного устройства, которая связана с изымаемой из результатов производства общин долей производимого продукта. Это осуществляется в виде дани, налогов, впоследствии барщины, оброка и т. д. На этом же полюсе социального организма концентрируется свободное время. Наиболее наглядно это время реализуется и манифестируется в странах с рабовладельческим устройством, например, в «божественном досуге» свободных граждан греческих полисов, высоко ценимом Марксом¹⁰. Свободный грек классических эпох считал себя выше всякой трудовой повинности, хотя и выполнял общественные обязанности, среди которых важнейшей была воинская служба, защита своего полиса. Европоцентристские предрассудки многих поколений читателей Платона и Плутарха стали причиной массы иллюзорных представлений о культуре греческих полисов, но именно отношение к труду совершенно точно выразил Аристотель, у которого труд есть занятие преимущественно рабское, недостойное свободных граждан. Чем менее утилитарно занятие, тем более оно соответствует статусу свободного гражданина. Возможно, что и более выразительные примеры реализации свободного времени для эпох, когда основой социума выступала земледельческая община, можно найти в истории Китая, Японии или Индии, хотя Маркс ограничивался преимущественно своей любимой Грецией.

Еще раз отметим, что общее время первой стадии исторического пути человечества, когда индивид находится в состоянии личной зависимости, у Маркса определено достаточно широко. Начало теряется в родовой и племенной организации людей, завершение маркируется возникновением личной независимости индивидов, сопровождающейся вещной зависимостью. Это означает, что в границы первой стадии Маркс помещает и рабовладение, и крепостную зависимость феодального строя, и кастовое устройство общества типа индийского (то есть это почти вся история человечества, за исключением последних веков). На этой стадии, конечно, имеет место развитие как общества в целом, так и индивидов,

⁹ Там же. Т. 23. С. 346.

¹⁰ См.: Кантор К. М. Двойная спираль истории. М., 2002. С. 520–529.

но это — развитие, ограниченное личной зависимостью индивида от той или иной формы коллективности. Вот как это кратко формулирует сам Маркс: «Здесь, в пределах определенного круга, может иметь место значительное развитие. Возможно появление крупных личностей. Но здесь немислимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением между индивидом и обществом»¹¹.

Однако свободное время как время саморазвития индивида, время его свободы отнюдь не торжествует с переходом человечества к стадии, когда личная независимость основывается на вещной зависимости. Собственно, эта стадия нам понятнее, поскольку мы все в ней находимся. Мы не рабы, не крепостные крестьяне, не принадлежим к низшим кастам или их паллиативам в современном обществе. Другие люди не в состоянии заставить нас работать на них посредством прямого личного принуждения, как не могут отнять и наше свободное от труда время. Но тем не менее для огромных масс лично независимых людей в мире потеря работы переживается как весьма драматическая ситуация. Экономическое принуждение к труду Маркс во многих текстах именуется экономическим рабством, рабством наемного труда — без всякого переносного смысла. Он как нечто закономерное отмечает у экономистов XVII — XIX вв. параллель между рабочей силой и тягловым животным («бык» Адама Смита) или, уже с возникновением фабрик, приравнивание работников к машинам. И если оставить в стороне рост праздных классов с развитием производительности, то чем с точки зрения индивидуальной свободы и свободного времени вещная зависимость и экономическое рабство отличаются от личной зависимости? Вернее, как смотрит на это Маркс?

Вещное отношение зависимости, даже не принимая во внимание рост общественного богатства (или, иначе говоря, развитие производительности человечества), представляет собой в сущности «не что иное, как общественные отношения, самостоятельно протистоящие по видимости независимым индивидам»¹². Или иначе: «Всеобщий обмен деятельностью и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляется им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь»¹³. Общей формой всеобщего обмена или общественной связи индивидов, их общей вещной формой Маркс называет деньги¹⁴. (Как справедливо отмечают многие специалисты, овеществление служит у Маркса конкретизацией более общей по смыслу категории отчуждения.) На индивидуальном уровне эта связь, или отношение, предполагает погоню за денежным богатством, фетишизм (отчего-то чаще всего называемый «товарным»,

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 475.

¹² Там же. С. 106–107.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 101.

хотя он денежный). Маркс говорит о всеобщей продажности, протекции и т. п. Однако индивиды включены в это отношение различными способами. Наемный работник, получающий денежную оплату, как участник обмена, купли и продажи вполне равен предпринимателю. Пусть это равенство есть только видимость и «фактически существует как иллюзия рабочего»¹⁵. Но это равенство означает, что сам работник как индивидуум не есть непосредственно чья-то собственность. Он не продается сам, а продает за оплату только свою способность к труду. Наемный труд предполагает свободу индивида, свободу продажи своей рабочей силы, свободный труд. Трудовая способность не может быть продана бессрочно, ибо это уже рабство. Тем более наемный работник остается собственником своего не-трудового, или свободного, времени.

Последнее обстоятельство Маркс считает исторически важным: «Отсутствие стоимости у рабочего, лишение его стоимости есть предпосылка капитала и условие *свободного* труда вообще. Ленге считает это регрессом; он забывает, что благодаря этому рабочий формально дан как личность, которая кое-что значит сама по себе *помимо своего* труда и которая отчуждает проявление своей жизнедеятельности только как средство для своей собственной жизни»¹⁶. А это означает, что работник наемного труда в отличие от раба или крепостного заинтересован в самосохранении, он старается бережно относиться к самому себе как к владельцу рабочей силы — единственного товара, который он может продать¹⁷. Это обстоятельство далее понуждает наемного работника всячески стремиться к уменьшению времени своего труда и увеличению свободного времени. Грубо говоря, это и есть для него борьба за индивидуальную свободу.

С появлением наемного труда почти сразу же возникает борьба наемных работников за сокращение рабочего дня. Маркс пишет, что «установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом»¹⁸.

В этой связи хотелось бы отметить, что сокращение рабочего дня как основное условие продвижения человечества к «истинному царству свободы» было подробно обосновано Марксом в третьем томе «Капитала». Так великая философская тема свободы в истории получает вполне конкретное и заземленное звучание, в которое оказались впоследствии вплетены голоса социологии и экономической теории, политологии и юриспруденции, праксиса борьбы профсоюзов и политических партий.

Пока же императив сокращения рабочего дня далек от своей реализации, борьба далека от победы. Восьмичасовой рабочий день, объявленный целью рабочего движения еще в 1866 г., есть цель промежуточная

¹⁵ Там же. С. 236.

¹⁶ Там же. С. 242.

¹⁷ Там же. Т. 48. С. 5–12.

¹⁸ Там же. Т. 23. С. 308.

и компромиссная, потому ее и удалось в значительной степени достичь на протяжении XX в. Короткий исторический срок данного достижения пока не дает импульса для дальнейшего продвижения на этом пути, но все-таки уменьшение времени принудительного труда, как бы тому ни противились сильные мира сего, постепенно реализуется. Третья стадия мировой истории, по Марксу, должна вырастать из второй, в которой мы все еще находимся.

5. Сегменты индивидуальной свободы.

Тенденции современности

Мы подошли теперь к тому этапу истории, который у Маркса фиксируется критерием «универсального развития индивидов». Для большинства критиков Маркса речь идет о социалистически-коммунистической утопии, конце истории и тому подобных ересьях. В самом деле, «развитие человеческих сил, которое является самоцелью», подразумевающее сокращение собственно материального производства до минимума, несмотря на возрастание потребностей людей, — все это звучит диковато для современников всемирных экономических кризисов и ожидания новых мировых войн. Однако, как и всегда, у Маркса не так все просто...

Увеличение свободного времени индивидов, если рассуждать более обобщенно, означает рост свободного времени общества, человечества, рода как такового. Сокращение рабочего времени наемных работников — лишь условие (хотя и необходимое, по мнению Маркса) перехода в «царство свободы». Но поскольку поляризация наемного труда и капитала — «антагонистическое устройство общества», как любит это называть Маркс, — сохраняется, то о прямом и непосредственном продвижении туда, «где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью»¹⁹, говорить пока не приходится. Но нет ли туда путей, так сказать, чем-то закамуфлированных, замаскированных и потому слабо заметных для современников?

Думается, что кое-что уже можно отметить. В общем количестве времени жизни индивидов от работы, от экономически принудительного труда уже удалось «отрезать» два значительных куска времени. Во-первых, это время подготовки к собственно наемному труду, предназначенное для социализации и образования, создавшее к концу XX в. сравнительно новый и заметный, весомый социальный слой — студенчество. Для многих стран мира это уже массовое явление. Этот новый слой обретает собственную социальную, политическую и культурную специфику, нуждающуюся в особом историческом исследовании. Масштабное увеличение времени на образование обладает значительной исторической новизной. Причем как элитарные учреждения университеты известны давно, но теперь эта элитарность во многом практически утрачена. Люди типа

¹⁹ Там же. Т. 23. Ч. II. С. 386.

Р. Коллинза, грустящие по поводу «инфляции образования» в Великобритании, не замечают, что речь идет не о новых неудавшихся Оксфордах и Кембриджах, а о бывших приходских и частных школах, заповедниках мистера Сквирса, воспетых Диккенсом, ибо до середины XX в. университетов для низших и средних слоев в мире почти не было²⁰. Только после Второй мировой войны, в «славное тридцатилетие» начинается бурный рост практически бесплатного (!) высшего образования, не всегда соответствующий былым элитарным критериям качества процесса и результата. Нечто похожее происходило в Европе и в мире в целом. С точки зрения свободного времени как времени для саморазвития или самораскрытия личности (при всей относительности такого подхода ко времени обучения в высшей школе) это был исторический сдвиг. Повторяем, учеба — не наемный труд: студент свободно выбирает специализацию, да еще часто и сам платит за обучение (что, кстати сказать, есть подлость и свинство, типичные для капитализма). Для учебного заведения студент — клиент, его права куда выше прав, зафиксированных в трудовых кодексах. От наемного труда отобрано четыре-шесть лет жизни.

Во-вторых, в мире получил статус общепринятой социальной практики институт пенсионного обеспечения по старости. Распространение пенсионной системы в тех масштабах, в каких мы ее знаем, есть, без сомнения, историческая инновация, отсутствовавшая в XIX в. Маркс писал, что «капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы»²¹. Благодаря многим факторам капиталу и представляющему его государству пришлось об этом подумать. Понятие старости в различных странах мира интерпретируется по-разному, но его смысл подразумевает освобождение людей по достижении определенного возраста от «смягченной каторги» (Ш. Фурье) наемного труда. Например, в России официальный «срок дожития», когда расходы по содержанию старого человека берет на себя государство, равняется 19 годам. Пенсионеры, как и студенты, превратились в довольно влиятельный социальный слой. Доступный им кусочек индивидуальной свободы, или времени без наемного труда, еще весьма невелик, но заметно раздражает «хозяев жизни», особенно во времена экономических кризисов. Трудно упрекнуть этих «хозяев» в том, что пенсионное обеспечение достаточно для потребностей стариков, скорее наоборот. И все же поднявшийся в последние годы в Европе крестовый поход за увеличение возраста выхода на пенсию (что представляет собой очередную попытку решить за счет стариков еще Марксом когда-то проанализированную проблему резервной армии труда) вряд ли приведет к полной отмене пенсионного обеспечения. Нет необходимости становиться марксистом, чтобы понимать, что 20-30-40 лет, в течение которых множество людей находится в системе наемного труда, в сочета-

²⁰ Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы // Прогнозис. 2009. № 2. С. 205–209.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 275.

нии с ростом продолжительности жизни — это не естественная необходимость, не закон природы, а уже ожидающий своего уменьшения социальный минимум экономического рабства.

Несмотря на то, что высшее образование и пенсионное обеспечение существовали в истории давно, в предшествующие эпохи вне сфер действия этих институтов оставалось большинство населения, прежде всего женщины и малоимущие. Поэтому новизна указанных двух элементов жизни общества состоит в омассовлении институтов довольно закрытых и привилегированных. Ближайшие во времени шаги развития этих институтов состоят, видимо, в придании им всеобщего статуса. Кроме того, исторический опыт показывает, что необходимые для государственных нужд виды профессиональной подготовки всегда получали полное государственное обеспечение — например, военное дело. Конечно, если бы интересы общества в целом и индивидуальный интерес могли прийти к большей гармонии, замена платы за образование или нищенских стипендий на полное государственное обеспечение была бы разумным, гуманным и существенным шагом вперед, хотя и без выхода за пределы компетенции социального государства. Одновременно здесь просматривается и закрепление возможностей индивидуальной свободы, поскольку воспитание у бедняков «трудолюбия» при помощи реальных угроз голода, множество рецептов которых собраны в «Капитале» из английской экономической публицистики, вряд ли возможно у выпускников университетов, знающих о гарантиях будущей пенсионной поры.

Имеется ли у работников наемного труда потенциал, чтобы увеличить или хотя бы защитить ту часть индивидуального свободного времени, которым они располагают уже теперь? До замены живого человеческого труда некоей автоматикой («автоматическая фабрика» у Маркса) еще далеко, несмотря на все рассуждения о постиндустриализме, компьютеризации и т. п. Пока же можно указать на движение к преодолению тягот наемного труда и присвоению людьми своего свободного времени в пределах или ограничениях современного господства системы наемного труда и капитала.

В текстах всех вариантов «Капитала», особенно во втором варианте, в его исторической части — «Теориях прибавочной стоимости», достаточное внимание уделено проблематике производительного и непроизводительного труда, теоретической полемике вокруг этого различия, введенного Адамом Смитом. Обсуждая различные позиции в этой полемике, Маркс доказывает неизбежность роста средних классов и работников сферы непроизводительного труда. Для Маркса эти две различные категории людей близки в том отношении, что оплата их труда не относится к издержкам производства, они не увеличивают своим трудом капитал для капиталиста, а помогают ему тратить свой доход. В современной форме средние классы и работники непроизводительного труда очень часто получают свои дивиденды не только из дохода частных лиц и корпораций, а как бы от всего общества, т. е. живут на доход обще-

ства. Во многом это прямое перераспределение промышленной прибыли и части заработной платы тех же наемных работников, осуществляемое государством. Чем производительнее промышленность и сельское хозяйство в целом, тем большая доля вещественного богатства в денежной форме может отойти в пользу средних классов и работников непродуцируемого труда.

Адам Смит, автор этой теории, когда-то включал в разряд непродуцируемых работников разнообразную публику, начиная с короля Англии и заканчивая цирковыми клоунами, проститутками и преступниками. Но как наиболее общепринятый пример непродуцируемого работника был употребляем слуга, оплачиваемый из доходов хозяина. Они вместе, хозяин и слуга (эталонные Берти и Дживс из романов Вудхауза), проживают на один и тот же доход, где хозяин делится со слугой, поскольку труд слуги явно не может приносить хозяину никакой прибыли. Слуга просто помогает хозяину тратить доход, получаемый из каких-то других источников. Если на место условного Дживса поставить бесконечную орду живущих на общественный доход, то современные представления о средних классах как гарантах общественной стабильности окажутся вполне оправданными. То же самое можно сказать и о непродуцируемых работниках. Тем не менее стоит присмотреться к этой конгломерации более пристально. Огромное их количество составляют государственные служащие: чиновники, военные, суды, полиция тайная и явная, или, как писали в учебниках истмата, аппарат управления и подавления. Это классические, на все времена, поедатели налогов в виде бюджетных ассигнований. Их услуги обществу Маркс часто квалифицировал как навязанные, результаты деятельности как разрушительные, а не созидательные. Соединение смыслов понятий «средний класс» и «непродуцируемый труд» применительно к государственному аппарату, как правило, справедливо, сколько бы нас ни уверяли в недостаточности содержания профессиональных военных или в бедности полиции. Однако и в гражданском обществе многие умело помогают проесть общественный доход. Чаще всего это люди сферы услуг, причем трудно различить при этом услуги необходимые и навязанные, например, в юридической области или в медицине.

Рост числа непродуцируемых работников, отчасти совпадающий с ростом средних классов, не связан напрямую с ростом свободного времени общества. И для государственных чиновников и военных, и для представителей сферы услуг наемный труд со всеми его временными характеристиками остается формально основным видом труда. Но это труд особенный. Подтверждается фундаментальная мысль Мальтуса о том, что для экономического развития необходимо, чтобы существовали классы (слои, совокупность социальных групп), обеспечивающие достаточный платежеспособный спрос. Недостаток или отсутствие такого спроса означает перепроизводство и наступление экономического кризиса. Обеспечение такого спроса есть прямая функция средних

классов и непроизводительных работников. Чем значительнее экономический рост, увеличение материального богатства общества, тем выше удельный вес непроизводительного труда. Поскольку непроизводительный труд, оплачиваемый доходом общества, концентрируется в сфере потребления, можно сказать, что усиленное потребление средних классов и работников непроизводительного труда обеспечивает повышение спроса, необходимое для расширения производства. Так «крутится» многое в капиталистической экономике, и уменьшение количества занятых в фундаментальных отраслях производства (промышленность, сельское хозяйство) не ведет к росту свободного времени у общества в целом, а как бы концентрирует это время в сфере непроизводительного труда, раздувает эту сферу максимально возможно. (То обстоятельство, что и в непроизводительном труде общая организация остается обычной для системы наемного труда, вовсе не делает работников этой сферы производительными работниками. Хотя они могут быть таковыми в том смысле, что приносят прибыль своему нанимателю, но в целом их труд оплачивается из общественного дохода. Как военные или полицейские — только последние просто получают жалование от государства, а работники шоу-бизнеса или рекреационной сферы вместе со своими работодателями заставляют делиться доходом свою клиентуру²².)

Маркс рассматривал тенденцию роста сферы непроизводительного труда, заменяющей собой рост свободного времени для всего общества, в контексте обсуждения теории Смита, анализируя предполагаемую ситуацию, когда рост производительности труда позволяет уменьшить время на непосредственное производство с прежних $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{3}$. Тогда «при равномерном распределении все имели бы больше времени — $\frac{2}{3}$ — для непроизводительного труда и отдыха. Но при капиталистическом производстве все представляется антагонистическим и на самом деле является таковым... Теперь $\frac{2}{3}$ населения состоят частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных работников (которые вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются), помогающих им проесть доход и дающих или, если речь идет, например, о политических непроизводительных работниках, навязывающих им взамен этого эквивалент в виде услуг. Можно предположить, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т. п., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные работники будут, в общем-то, стоять на более высокой ступени образования, чем прежде, и что увеличится в особенности число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т. д.»²³ Немного смешно видеть, как Маркс представляет реальный процесс роста богатства общества в его анта-

²² См. подробнее: Баллаев А. Б. Проблема «средних классов» в творчестве Маркса // Политико-философский ежегодник. М.: ИФ РАН, 2009. Вып. 2. С. 75–95.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 205–206.

гонистической форме (без общего роста свободного времени), исходя из современных ему социальных реалий. Но тенденцию увеличения количества непроемчивых работников он указывает абсолютно точно, чему подтверждением является весь опыт XX в.

Правда, Маркс не исключает возможность уничтожения социально-го антагонизма. При условии сохранения достигнутого капиталом уровня развития производительных сил и при отсутствии в обществе «бездельников» все будут иметь в достаточном количестве свободное время, «которое остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития»²⁴. Если рабочее время будет измеряться лишь тем уровнем потребностей, который требуется теперь рабочим для их воспроизводства, то материальное «богатство для всех было бы этим низведено до уровня рабочих. Но все имели бы свободное время, время для своего развития»²⁵. Маркс согласен с положением П. Рейвнстона, которое называет прекрасным тезисом: «Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше»²⁶. Согласен с этим тезисом и я.

Послесловие к сказанному. После всех реконструкций

Многие выкладки Маркса, особенно его иллюстративный материал, вполне оправдывают бесконечные указания на устарелость его идей и мнений, будто бы полностью привязанных к условиям XIX в., от коих нынче не осталось и следа. Ткачи, прядильщики, каменщики, портные, пекари, строительство дорог как пример сочетания частных и общественных интересов, железнодорожные концессии, чайные клипперы... Английские дискуссии о длительности рабочего дня для детей, концепция «последнего часа» Сениора... Отчуждение труда, эксплуатация, овеществление, прибавочная стоимость, денежный фетишизм, капитал... Ушедшая реальность, устарелые понятия, полузабытые идеи! Популярный социолог отряхивает марксистский прах со своих ног, утверждая, будто при наличии любви к своей профессии уже неверно говорить о возможности эксплуатировать такого работника, т.е. считает несущественной саму форму наемного труда. Решение простое и brutальное, ведь действительно видов труда, где люди вовсе не должны непременно чувствовать себя только «выючными животными для высших классов»²⁷, немало. И их количество растет, причудливо сочетаясь с массовым производством, конвейерами, работа на которых выглядит как неумелая замена еще не придуманных роботов.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Т. 26. Ч. III. С. 265.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Что часто меня вообще поражает, так это концепция потребительства, идеологема общества потребления. Казалось бы, один только факт развития автомобильной промышленности и появление в широком обиходе компьютерной техники подтверждают ее лучше, чем все обличения Бодрийера или Маркузе. (Сразу вспоминаются забавные уверения Шумпетера, будто современный пролетарий живет в более комфортных условиях, чем элита времен Людовика XIV, страдавшая до изобретения ванн и сортиров!) Оставив в стороне факт управления мировым спросом на товарных рынках, спросим себя о качестве этого потребления и, шире, о качестве жизни потребляющих. Вообще-то, ничего, кроме сочувствия, «массовое потребление» не должно вызывать. Прежде всего потому, что оно никак не выходит за пределы средней оплаты рабочей силы, в которую входит, как показал Маркс в раннем тексте о заработной плате, «культурный» компонент, отражающий традиционные для данной страны или цивилизации представления относительно средств и образа жизни. Поэтому-то одному и тому же виду труда (а значит, равной оплате рабочей силы) соответствует различный уровень заработной платы у женщин и мужчин, у работников разных стран и цивилизаций. При этом сохраняется единый срок экономически принудительного труда (рабочий день, рабочая неделя), реальная возможность быть уволенным и получить статус безработного, и главное — нет никакого приближения к стандартному для привилегированных классов отсутствию связи между потреблением и трудом. Или, другими словами, общество потребления есть общество бедняков, пролетариев по сути, для которых вещественно-товарные возможности, предоставляемые современным массовым производством, служат заменой той практической индивидуальной свободы, которая сопряжена с обретением свободного времени, времени вне рабочего, времени для индивидуального развития.

Высказывания типа вышеприведенных рискуют встретить, да и встречают возражения, указывающие на реально-фактический характер, или состояние, той публики, за свободное от принудительного труда время которой мы ратуем. Справедливо отмечают, что в действительности люди, занятые такого рода трудом, ни на что другое особенно и не способны, и желать для них свободы от принудительного труда означает плодить массы вырождающихся бездельников, чему немало и примеров. В. М. Межуев возражает Ханне Арендт, которая несколько резковато, в духе ницшеанского псевдоаристократизма разделила людей на призванных к творчеству и тех, кто должен работать на других, — без всяких иллюзий и претензий. Во многом суровость подобных представлений оправданна. С точки зрения истории они справедливы в той же мере, в какой правы были люди XIX в., считавшие излишней грамотность для мужика или образование для женщин. Да, есть люди более способные, а есть менее. Но творчество творчеством, а принудительный труд — сам по себе. Даже некоторые современники Маркса, привыкшие к социальному неравенству, считавшие его чем-то естественным, находили в себе достаточно гуманности

или милосердия, чтобы желать хотя бы сокращения того типа труда, который оправдывает Х.Арендт. В пример Маркс ставит едва ли не самых грубо-реалистически мыслящих экономистов того времени — Т. Мальтуса и Д. Рикардо. В их текстах он находит пожелание того, чтобы на рабство труда, на принудительный труд обрекалась возможно меньшая часть общества. И это, — добавляет Маркс, — «самое большое из того, до чего добираются те, кто стоит на капиталистической точке зрения»²⁸.

Если же покинуть эту точку зрения, то свободное время превращается во время для «свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью»²⁹. Подготовленность масс к такой степени индивидуальной свободы, снимающая опасения, что оные массы погрязнут в потребительстве, есть дело времени, т. е. она приходит постепенно, вместе с открытием тех возможностей, которые ныне остаются закрытыми. Я имею в виду те возможности развития индивидов, которые находятся за пределами «массовой культуры» — точнее, псевдокультуры, ныне столь старательно насаждаемой. Возвращаясь к Марксу, скажем, что человечество так или иначе неизбежно доползет до подлинного царства культуры и даже до реализации пророчеств или прогнозов о «перемене труда», «законе возвышения потребностей» и, страшно сказать, до реальной универсализации личности, появления «тотальных индивидов».

Предугадать сроки и формы реализации подобных предположений вряд ли в человеческих возможностях. Может быть, скоро, а вполне возможно, что и в очень далекой перспективе. Ясно, что в мировой истории должен назреть и реализоваться некий сдвиг, после которого отношение труда (принудительного, необходимого как естественная потребность или социальная обязанность) и досуга (свободное время) должны принципиально поменяться. Также ясно, что, пока целью всякого производства остается получение прибыли — а это означает, например, неустранимость столь выгодных сфер бизнеса, как наркоторговля или торговля оружием, — этот процесс будет идти с гигантскими затруднениями, без особой надежды на поддержку политических структур. Тем паче, что еще Мальтус указывал на такие эффективные и распространенные средства перераспределения дохода общества, как войны, эпидемии и государственные долги. Если все это вычесть, то до достижения господства свободного времени в человеческом общежитии еще далеко. Тем не менее будем надеяться.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 265–266.

Онтология историчности в философии Маркса

Введение

Фундаментальной частью материалистического понимания истории является открытие и научное объяснение (а не только дескрипция) радикальной *историчности* социального процесса во всех без исключения его элементах, уровнях и подсистемах. Именно Маркс первым представил социальное бытие как *тотальную, всепронизывающую историчность*, механизмы и закономерности которой *имманентны* самому этому бытию¹.

При всем многообразии интерпретаций материалистического понимания истории образовалась некоторая лакуна в экспликации его собственно *философских* (а именно *онтологических*) оснований. Диаматовский фундамент не соответствует теоретической позиции самого Маркса, ибо его вообще не интересовали проблемы традиционной онтологии. Как нам представляется, наиболее адекватно позиция Маркса в целом была схвачена А. Грамши (марксизм — это философия практики) и Э. Фроммом (марксизм — это антропологическая интерпретация истории), т. е. это не материализм в смысле метафизического учения об общих принципах бытия, а *онтология социальной практики*. В предлагаемой статье мы попытаемся в самых общих чертах выявить те деятельностно-онтологические послылки, на которых базируется Марксова концепция историчности.

Понятие праксиса

Всякое живое существо, имея потребности, стремится их удовлетворить. Если это стремление не реализуется, то живое существо испытывает страдания либо вообще погибает. Поэтому, как выражается Спиноза, всякая вещь стремится продолжать свое собственное существование,

¹ У Августина, Гегеля и др. в основе историчности социального процесса лежали закономерности, трансцендентные этому процессу. Более того, у них не все моменты социальности выступали в качестве исторически изменяющихся. В этом их радикальное отличие от Маркса.

и это стремление (conatus) представляет собой действительную сущность самой этой вещи². Данная потребность (appetitus) в самосохранении удовлетворяется посредством элементов окружающего мира природы. Тот способ, каким живое существо устанавливает свою связь с миром, то, каким образом оно потребляет и ассимилирует природные вещества для удовлетворения своих витальных потребностей, составляет *способ бытия* этого живого существа.

Человеческим способом удовлетворения потребностей является *сознательная деятельность* (Tätigkeit), *труд* (Arbeit) или *праксис* (Praxis). Сущностное отличие праксиса от жизнедеятельности животного состоит в том, что животное адаптируется к природе, в то время как человек, напротив, *адаптирует природу к самому себе*. Человек изменяет природный материал так, чтобы у него появились свойства, удовлетворяющие конкретную человеческую потребность.

Предметность

Таким образом, согласно Марксу, *праксис оказывается способом человеческого бытия-в-мире*, ибо только через него человек удовлетворяет свои жизненно необходимые потребности и тем самым существует. Какие же фундаментальные выводы следуют из этого, казалось бы, тривиального на первый взгляд утверждения?

Во-первых, коль скоро праксис есть своеобразное «наложение» человеческой преобразующей активности на природу, то он не может существовать без самого этого природного материала, а значит, органическая и неорганическая природа является неотъемлемым условием и моментом человеческой деятельности.

Во-вторых, в процессе практического преобразования природного мира в целях удовлетворения своих потребностей человек из природного материала (дерева, камня, металла и т. д.) создает *искусственный мир предметности* (Gegenständlichkeit), который обнаруживает себя в различных орудиях труда, одежде, жилище, транспортных средствах, бытовых приборах и т. п. Элементы этой «второй природы», встраиваясь в систему отношений «человек – мир», *сливаются* с чисто биологическими потребностями (пища, питье, тепло, секс) до такой степени, что человек уже не в состоянии обойтись без них, и выступают в качестве онтологически равноправных с элементами природы первой.

В-третьих, человек сначала создает некоторый *образ, проект* будущего предмета в своем сознании и только затем *преобразует* природный или уже ранее созданный искусственный материал в соответствии со своим сознательным проектом. Выражаясь языком Аристотеля, можно сказать, что человек оформляет материю или, наоборот, материализует форму³.

² Спиноза Б. Этика, III, теоремы 6 и 7.

³ Таким образом, мы видим, что в праксисе материальная и сознательная (идеаль-

Этот процесс создания предмета на основе заранее сконструированного идеального образа Маркс называет *Vergegenständlichung* (опредмечивание⁴) или *Äußerung* (выдавание вовне, отдавание другим, овнешнивание, экстериоризация), понимая под этим «переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета»⁵.

Например, столовая ложка представляет собой материализованную в металле форму (идею, образ). Откуда же в голове у создателя ложки возник этот образ и что послужило причиной его формирования? По всей видимости, причиной возникновения ложки стало введение в повседневный рацион горячих и жидких блюд.

Материал потребности обуславливает имманентную функциональность будущего предмета, посредством которого будет удовлетворяться данная потребность. Эта потребность-в-предмете сначала оформляется в виде некоего *образа*, детерминированного налично данными материальными прообразами, уже так или иначе втянутыми в человеческую деятельность, и свойствами употребляемой пищи. Такого рода прообразами ложки, безусловно, являются *ладони*, которыми черпают воду, а также естественно возникшие природные предметы, обладающие соответствующей формой⁶. Следовательно, образ ложки возникает у ее создателя не спонтанно, а детерминируется, обуславливается некоторыми объективными и значимыми для него *потребностями*, а именно потребностью *есть* (именно есть, а не пить) горячую жидкую пищу небольшими порциями.

Переход внутреннего психического образа во внешнюю вещественность предмета означает, что *потребность* конституирует идеальный образ будущего предмета в сознании создателя; далее этот *образ* через преобразующую *деятельность* воплощается в материале, который принимает соответствующую образу *форму*; и, наконец, созданный в процессе труда предмет удовлетворяет ту изначальную потребность, что и вызвала к жизни весь этот процесс.

Отсюда видно, что *предмет* включает в себя *материю*, *форму* и *функцию*, закрепленную создателем в форме материала. Последние два элемента представляют собой опредмеченное в материи сознание субъекта-создателя, т. е. объективированные в материале идеи, порожденные потребностями субъекта.

Таким образом, деятельность — не простая реакция на внешний раздражитель и не просто «делание» в смысле орудования субъекта над объектом; это сущностный переход субъекта в объект, процесс, в котором деятель-

ная) составляющие даны в *единстве*, вне которого немислима никакая человеческая деятельность.

⁴ *Vergegenständlichung* нельзя путать с *Verdinglichung*, означающим *овеществление* человеческих отношений в буржуазном обществе.

⁵ Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 154.

⁶ Раскопки стоянок первобытных людей, живших на берегу моря, показывают, что в качестве ложек и черпаков ими использовались ракушки плоского и трубчатого типа. Так было еще и в историческую эпоху у греков.

ность и предмет взаимно проникают друг в друга⁷. «Труд, — пишет Маркс, — переходит из формы деятельности в форму предмета, покоя, фиксируется в предмете, материализуется; совершая изменения в предмете, труд изменяет свой собственный вид и превращается из деятельности в бытие»⁸.

Итак, мы видим, что основной, конституирующей характеристикой человеческой деятельности является ее *предметность*, т. е. свойство праксиса всегда иметь свой материальный или идеальный объект, на который направлена деятельность⁹ и который создается человеком в целях удовлетворения потребностей путем опредмечивания своих представлений и вовлечения природных элементов в сферу своей деятельности.

Социальность

Идея, закрепленная в формальной структуре предмета, обнаруживает себя только тогда, когда «покоящееся свойство» предмета¹⁰ переходит обратно в форму деятельности. Этот переход идеального, воплощенного и застывшего в предмете снова к человеку осуществляется только в процессе непосредственного использования предмета *другим* в своей деятельности.

Что это означает? Другой (пользователь) орудует предметом. Алгоритм, т. е. порядок действий и способы оперирования предметом, определяется в первую очередь формой предмета, которая задает *функцию предмета*, то-каким-образом можно предмет использовать. Иначе это называется *орудийной логикой вещи*.

Когда этим предметом начинают пользоваться *другие люди*, даже через сотни лет, то в своих действиях они *воспроизводят* ту самую подручную логику функционирования предмета, которую вложил в него создатель в виде функционально значимой формы. Т. е. другие индивиды, используя предмет *в своей практике, распредмечивают* опредмеченный ранее в нем смысл (идею, проект).

В этом процессе *распредмечивания* возникает весьма интересное явление: в тот момент, когда *другой* пользуется предметом, подчиняясь функ-

⁷ См. более подробно: Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 11.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 252.

⁹ «Собственно, в самом понятии деятельности уже имплицитно содержится понятие ее предмета (*Gegenstand*). Выражение „беспредметная деятельность“ лишено всякого смысла». (Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. Гл. III, § 2.)

¹⁰ «То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности (*Unruhe*), теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства (*ruhende Eigenschaft*), в форме бытия». (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 191–192.) Немецкое слово *Unruhe* буквально переводится как *беспокойство, волнение, тревога*. Заслуживает внимания сам факт использования Марксом такого экзистенциально нагруженного понятия для описания процесса производства предмета. Думается, он хотел подчеркнуть момент *человечности* данного процесса: именно *человек* в качестве субъекта в процессе труда переходит в объект.

циональной логике предмета, он (*другой*) в собственном сознании *воспроизводит* содержание сознания создателя предмета — его проект, идею, которую создатель вложил в предмет в процессе его изготовления. Это значит, что в структуре предмета имеет место *идеальное*, не существующее вне этого субъект-объектного взаимодействия, т. е. предмет оказывается своеобразным переносчиком сознания от одного индивида к другому.

Действуя созданным мною предметом, *другой* воспроизводит в структурах своей физической и психической деятельности овеществленные мною в предмете целеполагания, проекты, потребности, тем самым формируя *интерсубъективность* нашего праксиса, т. е. идентичную значимость предметности в рамках нашей деятельности с нею. В феномене интерсубъективности схватывается то, что предметная деятельность оказывается деятельностью *совместной*, ибо она связывает между собой не только сознания, не только человека с внешним миром, но в первую очередь *человека с другим человеком*. Сущностно это означает, что в форме предмета человек имеет дело с другим человеком, ибо «предмет, являющийся непосредственным продуктом деятельности его [человека] индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого»¹¹. Только совместно пользуясь предметами, в рамках диалектики опредмечивания/распредмечивания, человек оказывается соотнесенным с другим человеком в *собственно человеческой связи*.

Наличие предметного мира означает, что человек вынесен во внешний мир природы и культуры, посредством которого он оказывается праксеологически связанным с другими индивидами. Не будь этого предметного мира, не было бы и никакого общества. Только во взаимодействии с предметами, воплощающими потребности, человек вступает в отношения, которых сущностно лишены животные, — отношения-с-другими, *общественные отношения*.

Только в *предметной* деятельности и возникает совместность, коллективность человеческого бытия. Именно поэтому Маркс постоянно подчеркивает, что *общество* представляет собой не механический конгломерат индивидов вида *Homo sapiens*, а *конкретные формы их совместной предметной деятельности по производству и воспроизводству их наличного бытия*. Это означает, что *предметность* (*Gegenständlichkeit*), созидаемая в процессе развертывания праксиса, является подлинным базисом *социальной связи* между индивидами, является основой, ибо только через совместную предметную деятельность индивиды вступают в отношения друг с другом. *Предмет оказывается посредником между людьми*: «обработанный человеком предмет есть, таким образом, узел отношений индивидуального и социального»¹².

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 117.

¹² Можеева А. К. Проблема человеческой субъективности в свете Марксовой теории исторического процесса // Человек и его бытие как проблема современной философии. М., 1978. С. 269.

Совместность человеческой деятельности, вырастающая на механизмах опредмечивания / распредемечивания, с необходимостью предполагает, что предметность оказывается для человеческих существ не просто внешней объективностью и объектностью, но выступает в качестве особой, специфически человеческой среды (*Umwelt*), в структурах которой особь вида *Homo sapiens* только и может стать *человеком par excellence*. Эта предметно-символическая, искусственная среда, именуемая *культурой* (в самом широком смысле этого слова), для человека становится, как выражается Маркс, *второй природой*. Причем ее *вторичность* не означает меньшую важность, напротив, в процессах формирования человека культура играет большую роль, чем все естественные условия природы первой (биологической и абиотической).

Только в предметно-практических отношениях с этим миром человек и обнаруживает свою собственную *субъективность*. «Человеческая субъективность не имеет самостоятельного существования в непредметной форме, так как созданные человеком предметы, человеческие произведения — это единственная реальная жизнь человеческой субъективности, ее объективированный момент, вне которого человеческая субъективность есть чистая возможность, негативность человеческого „Я“»¹³.

А коль скоро субъект-субъектные и субъект-объектные *предметные связи* конституируют человеческую субъективность, то это означает, что каждый конкретный человек представляет собой *тотальность своих предметно-практических взаимоотношений со всеми объектами окружающего мира*¹⁴, которые оказываются втянутыми в его деятельность. Или, как выражается Маркс, «сущность человека есть совокупность (*ensemble*) всех общественных отношений»¹⁵.

В этом диалектическом взаимодействии человека и мира состоит то, что Маркс называет *Verkehr* — *общение*. Собственно говоря, диалектика опредмечивания и распредемечивания, включенная в совместные структуры человеческого бытия, и есть *Verkehr*, в рамках которого деятельность выступает как *социальная*. Предметность, схватывающая в своих структурах моменты преобразования, созидания и последующего использования *другими*, своей непосредственной вещественно-символической формой *связывает индивидов в тотальность*.

Таким образом, люди, объективируя свои потребности во внешнем мире, устанавливают между собой сеть отношений, вырастающих из их совместной деятельности с предметами, и, тем самым, формируют *человеческое общество*. Человеческая деятельность обладает интерсубъективностью, фундированной в предметности праксиса и опредмечивающе-распреде-

¹³ Там же. С. 272.

¹⁴ «Человек существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно — в этих природных, неорганических условиях своего существования». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 480.)

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 3. Ср.: «*Человеческая сущность и есть истинная общность людей*». (Т. 1. С. 447).

чивающих механизмах его реализации, свойством, на основе которого конституируется небιологическая совместность человеческого бытия.

Свойство предметной деятельности людей порождать интересубъективную сцепленность индивидов в целостность живого общественно-го организма называется *социальностью* (*Gesellschaftlichkeit*). В этом смысле предметная деятельность не только конституирует социальность, но и сама *всегда* оказывается социальной.

Итак, мы видели, что социальность формируется в процессах развертывания совместной человеческой деятельности, т. е. в диалектическом взаимодействии *субъекта* (общества и отдельных индивидов) и *объекта* (природы и предметного мира). Поскольку же социальный праксис является *преобразующей* активностью *par excellence*, постольку те социальные отношения и структуры, которые сформировались в результате деятельности одного поколения, с необходимостью преобразуются в практической деятельности поколения последующего. Социальность оказывается *темпорально-преемственной*, т. е. *историчной*.

Историчность

Основным механизмом развертывания исторического процесса в марксистской литературе традиционно считались противоречия между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, выражающиеся в различных формах классовой борьбы. В целом, соглашаясь с этим (в текстах Маркса имеется немало примеров такого подхода к анализу исторического процесса), мы попытаемся показать, что у Маркса есть иная, более фундаментальная в онтологическом плане теория, объясняющая имманентную динамику исторического процесса.

Человек начинает свою деятельность не на пустом месте, а в каких-то налично-конкретных условиях, созданных природой и всеми предшествующими поколениями людей. Эти условия — природные, предметные, социальные, языковые, культурные, смысловые и т. д. — для каждого индивида, только вступающего в бытие, являются заранее, изначально *предзаданными*. Они суть нечто объективное, фактическое, априорно положенное, и никоим образом не зависят от воли моего «Я», равно как и факт, что мы родились именно в этих, а не каких-то иных условиях. Экзистенциалистская категория *заброшенности-в-мир* (*Geworfenheit*), собственно говоря, и выражает этот противоречивый факт: человеческое существо, фундаментально понятое как существо *выбирающее*, изначально *не выбирает* условий своего собственного наличного присутствия.

Совокупность гетерогенных априорных условий человеческого бытия мы в дальнейшем будем именовать *априорным* (или *первичным*) *универсумом*, *фактичностью*¹⁶. Этот наличный *мир-до-меня*, созданный предшест-

¹⁶ Понятие *фактичность* (*Faktizität, Tatsächlichkeit*) здесь употребляется в прямом соответствии с этимологией. Лат. *factum* — совершившееся, сделанное — означает *системно-*

вующими поколениями людей, каждый человек застает как данность, в которой начинает разворачиваться его собственная деятельность.

Но этот мир обладает своей собственной *фактичностью*, присущей только ему предметностью, структурностью и логикой. Поэтому, когда человек попадает в него, то он погружается не просто в конгломерат не связанных между собой вещей и процессов, а в имманентно структурированный на всех своих уровнях *универсум*. Общество сущностно характеризуется определенным *базисом* (способом производства, производственными силами и отношениями, социальной структурой) и соответствующей ему *надстройкой* (установившиеся нормы права, морали, господствующие идеологии, религиозные и философские воззрения и т.д.). Более того, человек погружается в *конкретную ситуацию*, с особыми предметами, людьми, связями, отношениями, менталитетом, устоявшимися традициями и т.д. «История есть область единичных событий, в которой существуют и через которую проявляются общие и особенные черты социальной организации, реальные отношения сходства и подобия конкретных человеческих обществ»¹⁷.

В первый период своей жизни ребенок *подражает* внешнему миру, интериоризируя в свою психику структуры этого внешнего, делая *иное* своим собственным. Но человек не пассивное существо, вбирающее в себя предзаданный мир и пассивно вживающееся в него. В процессе развертывания своего непосредственного бытия человек *изменяет, преобразует* этот объективный мир, создавая своей деятельностью новый универсум, носящий *апостериорный* (вторичный) характер. Тем самым человек изменяет и самого себя¹⁸.

Какая же *движущая сила*, по Марксу, заставляет людей изменять мир? Что вынуждает индивидов преобразовывать созданный их предками и природой универсум? Ответ прост: движущей силой истории являются *потребности и интересы* людей. Они могут быть совершенно неосознаваемыми, но это вовсе не означает, что их нет.

Как было установлено выше, общим механизмом человеческой деятельности является механизм опредмечивания/распредмечивания. Нечто новое сначала опредмечивается, объективируется, закрепляется в струк-

качественную тотальность (целостный организм), являющуюся результатом человеческой деятельности. Последняя выступает в виде наличной предметности и детерминированных ею общественных отношений. Проблематику так понимаемой фактичности можно прояснить через Марксово понятие мертвого, застывшего-в-предметах труда, который противостоит живому труду, рассматриваемому как целеполагание, свобода как открытость-будущему (futurum в противоположность factum). Это употребление термина factum иное, чем у В. Дильтея (история как живая изначальная реальность, никогда не данная нам в своем адекватном выражении) и М. Хайдеггера (данность как факт возлагания на себя ответственности за собственное существование).

¹⁷ Момджян К. Х. Введение в социальную философию. М., 1997. Раздел 2, глава 3, § 1.

¹⁸ «Вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы». (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 162.)

турах бытия, и люди постепенно включаются в эти новые, преобразованные структуры, распредмечивая и интериоризируя их. Это означает, что:

1. индивидуальная и общественная деятельность базируется на а priori заданном предметном универсуме, являющимся результатом деятельности предшествующих поколений людей;
2. этот предметный мир имеет свою имманентную логику и свою функциональную структуру, в которую включается индивид;
3. этот априорный мир, естественно, является *объективным* по отношению к *впервые* вступившему в него человеку, но, включившись в него, человек начинает изменять его, тем самым создавая апостериорную предметность;
4. новый апостериорный мир по своему происхождению зависит от субъекта, от моего сознания, но, возникнув, он включается в существующие априорные структуры и в конце концов становится объективным — как по отношению к другим людям, так и по отношению ко мне самому. Для *других* эти новые, созданные мною условия являются уже априорными;
5. таким образом, апостериорный мир также включается в структуры объективности и детерминирует нашу деятельность.

Деятельность (практика) представляет собой не просто соединение, но *диалектическое* единство личностной активности субъекта и совокупности объективированных результатов деятельности предшествующих поколений. Такая процессуальная диалектика, представляющая собой развертывание социального бытия *во времени*, в рамках которого каждое новое поколение людей застает некоторый *первичный-для-себя* предметно-социальный мир, созданный предшествующими поколениями, встраивается в его материальные и идеальные структуры посредством его практического освоения, изменяет этот мир в ходе своей собственной преобразующей практики (т. е. создает *вторичный* универсум) и передает измененный мир следующему поколению, для которого этот преобразованный универсум снова выступит в качестве *первичной* естественно-исторической предзаданности, — все это вместе и называется *историей*¹⁹.

Предметно-социальная реальность, таким образом, всегда выступает как постоянно изменяющаяся, ибо в процессе человеческого существования непрерывно появляются все новые и новые потребности, которые требуют новых способов удовлетворения, а значит, и новых форм

¹⁹ «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности». (Там же. Т. 3. С. 44–45.)

предметной деятельности, которые конституируют соответствующие им новые формы социального бытия. Но между различными стадиями социального процесса сохраняется известная преемственность: всякая новая предметность вырастает на старой, как на своем фундаменте. Поэтому изменения реальности, осуществляемые людьми, удерживают и сохраняют в себе в снятом виде результаты всего предшествующего развития, а сам этот непрерывный процесс изменения и последующего сохранения оказывается внутренне взаимосвязанным, когерентным.

Способность человеческой деятельности сохранять измененные, преобразованные в практике состояния предметно-социального мира и сцеплять их в единый закономерный темпоральный процесс развития и есть *историчность* (*Geschichtlichkeit*).

Историчность у Маркса не какая-то трансцендентальная структура интенциональности нашего сознания, как, например, в феноменологии Гуссерля. Каждое новое поколение людей застаёт некий универсум, созданный предшествующими поколениями, распредечает его идеальное, семантическое содержание, практически изменяет мир и передает его следующему поколению, для которого этот преобразованный универсум выступит снова в качестве априорной естественноисторической предзаданности. Историчность и есть эта перманентная, никогда не прекращающаяся взаимосвязанность поколений, фундированная в социальной деятельности людей.

Если историчность есть *способность бытийствовать-в-истории*, то сам *процесс* такого развертывания человеческого бытия именуется *историей*. И в этом смысле «история» понимается предельно широко, ибо включает в себя и деятельность, и ее результаты (культуру), и повествование о них, и особую науку, изучающую все это. История, таким образом, включает в себя все человеческое бытие, взятое в его прошлом, в его совершенности (*factum*). Историчность пронизывает все содержание и всю структуру человеческого бытия. В методологическом аспекте социальная философия Маркса характеризуется одним понятием — *радикальная историчность*. Предельно широкое понимание истории было свойственно и молодым Марксу с Энгельсом: «Мы знаем только одну единственную науку — науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»²⁰.

Историчность и повседневность

Динамика историчности социального бытия высвечивает себя в диалектике априорного и апостериорного универсумов, в диалектике, в основе которой лежит преобразующая деятельность и которая разворачивает-

²⁰ Там же. С. 16.

ся в двух фундаментальных процессах — *нисходящем* и *восходящем* механизмах повседневности.

С одной стороны, когда индивид попадает в априорный универсум, то он одновременно погружается в структуры всех бытийных уровней (т. е. в условия экономической формации, конкретной национальной культуры и повседневности), но, тем не менее, его жизнь протекает все же в непосредственной повседневности присутствия, а не в абстрактных механизмах способа производства. При этом в непосредственной повседневности оказываются конкретно представленными все более высокие уровни универсума. Механизм этой конкретизации таков, что сущностные моменты более высокого уровня оседают (седиментируются) в структурах нижележащего уровня посредством постепенной детерминации от способа производства (общего) к образу жизни (особенному), а от него — к повседневности (единичному).

В результате этой цепной детерминации в непосредственной быденности оказываются осевшими, одновременно представленными *все* существенные моменты социального универсума. Так, например, *индустриальный способ производства* в повседневности репрезентируется в виде конкретных станков на рабочем месте, бытовой техники дома, общественного транспорта на улице; производственные отношения феноменологически представлены не в форме отвлеченных классовых отношений, а непосредственно в отношениях с работодателем, не в виде метафизического «отчуждения», а в конкретном чувстве голода и унижения. Характерный для капиталистического способа производства городской *образ жизни* в повседневности присутствует в моем конкретном типе жилища — стандартном блочном пятиэтажном доме, в продуктовых магазинах, где я покупаю товары ежедневного спроса, в моей посменной рабочей неделе, северных климатических условиях, которые заставляют уже летом думать о теплой одежде на зиму, т. е. порождают мысли, которые никогда бы не смогли возникнуть в экваториальных условиях, и т. д. В повседневности *все эти моменты* даны как нечто единое, как сама собой разумеющаяся *тотальность*, которая высвечивает себя в подручных вещах и в устройстве связей между ними, их взаимном структурно-функциональном отсылании друг к другу. Такой процесс седиментации мы именуем *нисходящим* способом конституирования повседневности, когда обыденные структуры наполняются глобальным содержанием, или *оповседневниванием* (*Veralltaglichung*), которое проистекает из способа производства, детерминирующего образ жизни, а тот, в свою очередь, *оседает* в структурах повседневной непосредственности человеческого присутствия. Индивид, попадая в такую априорную повседневность, оформленную способом производства и образом жизни, интериоризирует ее содержание и структуры во внутренний план, в свою психику и, тем самым, начинает «думать» сообразно со всеми существенными условиями данного социального универсума. Именно в этом смысле Маркс говорит, что сознание (*das Bewußtsein*) не может быть ничем иным, как

осознанным бытием (*das bewußte Sein*)²¹, ибо *большой частью* мы думаем о том, как мы живем, и о том, среди чего мы живем.

С другой стороны, одновременно с этим нисходящим процессом развертывается обратный процесс, в рамках которого индивид своими собственными практическими действиями преобразует априорный универсум и, тем самым, полагает бытие *нового, апостериорного* предметного мира, который через определенные механизмы социальной практики постепенно включается в различные, более обширные бытийные контексты и в конце концов радикально изменяет структуры повседневного бытия; а те, в свою очередь, с необходимостью влекут изменения в более высоких сферах — в образе жизни и в способе производства. Такое *восходящее* от повседневности до способа производства изменение и конституирование нового типа социальной структуры связано с *преобразующей* сущностью человеческой деятельности (практики).

Нам бы хотелось обратить особое внимание именно на этот момент Марксовой философии истории. Дело в том, что большинство марксистов и антимарксистов, никогда не читавших произведений самого Маркса, в особенности его «Капитал», считают (на основании советских учебников по политэкономии и истмату), что Маркс был «холистом», т. е. рассматривал общество только сквозь призму таких глобальных категорий, как общественная формация, способ производства, классы, мировая революция и т. д. В действительности вся логика первого тома «Капитала» построена на экспликации диалектики восходящего и нисходящего механизмов повседневности.

Так, например, Маркс шаг за шагом показывает, как в ходе изменения повседневных структур феодализма (через изменения в организации трудового процесса, в подручных инструментах²², возникновение машин) *постепенно* вырастает капиталистическая система производства: ручное ремесло в конце концов уступает место крупной машинной промышленности капиталистического типа. При этом надо обратить внимание на тот немаловажный факт, что весь этот процесс протекает в повседневных структурах отдельных предприятий, формируется и первоначально закрепляется, кристаллизуется и оседает в этих структурах и только затем распространяется на другие предприятия и другие отрасли производства. В результате этого новый способ производства становится господствующим. С увеличением же спроса, расширением промышленного производства и развитием транспорта *товарно-денежный обмен* сначала вырастает до уровня вну-

²¹ Там же. С. 25.

²² Стоит только внимательно прочитать «Капитал» и примыкающие к нему рукописи 1857–1867 гг., чтобы убедиться в этом: Маркс детально исследует устройство, способ применения и историю различных технических средств, вплоть до таких «примитивных», как молоток. (Т. 23. С. 353–354.) В этом смысле философская проблематизация темы подручности (*Zuhandenheit, Vorhandenheit*) — вовсе не изобретение М. Хайдеггера, как принято считать сегодня.

тренней (национальной) рыночной экономики, а затем (и параллельно с этим) — до уровня *мирового рынка, до глобализации*²³.

Феномен повседневности играет существенную роль в объяснении исторического процесса у К. Маркса, так как именно в повседневности появляются те незаметные для глаз изменения в способах и методах производства, которые, развертываясь, приводят к возникновению нового способа производства. В *этом* смысле историчность фундирована в преобразующей человеческой деятельности (практике) и прежде всего в *повседневной* деятельности людей. Основываясь на анализе изменения повседневных структур феодализма, а именно изменения подручных инструментов и организации процесса труда, К. Маркс в «Капитале» смог объяснить возникновение и развитие капитализма.

При этом, разумеется, никоим образом не приуменьшается историческое значение таких видов практики, как война или деятельность великих личностей, роль идей в истории, роль насилия и т.д. Все они так или иначе укоренены в повседневной деятельности, ибо именно в ее структурах протекает непосредственное производство и воспроизводство непосредственной жизни людей.

Для того чтобы иметь возможность «делать историю», люди должны жить. «Жить» означает удовлетворять свои *непосредственные* интересы и потребности в пище, одежде, жилье. Такое удовлетворение осуществляется в *практической деятельности*, в рамках которой индивиды *ежедневно и ежедневно* производят и воспроизводят свою непосредственную жизнь²⁴. Именно эта *повседневная* деятельность человеческих индивидов оказывается действительным, чувственным, материальным фундаментом социального бытия²⁵.

Историко-диалектический метод Маркса

В свете изложенного понимание истории, по Марксу, «заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни (*unmittelbaren Lebens*), рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т.д.»²⁶

²³ «Иронию вызывает недавнее открытие: мы живем в мире „глобализации“. Уже для Маркса это было самоочевидно... Капитал должен следовать своим курсом и логикой развития: он должен был охватить всю планету. Маркс это подразумевал». (*Мессарош И. Вызов нашему времени // Альтернативы. 2000. № 2. С. 118.*)

²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 26.*

²⁵ Там же. С. 43.

²⁶ Там же. С. 36–37.

Такое исследование исторического процесса становится возможным только в силу того, что исходным пунктом рассмотрения являются «действительно деятельные люди (wirklich tätigen Menschen), и из их действительного жизненного процесса (ihrem wirklichen Lebensprozeß)»²⁷ выводится также развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса.

Но это только одна сторона методологии исторического познания. Другая, которую Маркс специально не оговаривал, но мы видим ее в таких историографических работах, как «18 брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», состоит в том, чтобы показать и обратную детерминацию общественного бытия различными формами конкретного общественного сознания, особенно это касается политического, классового и обыденного сознания.

Попытку более или менее раскрыть этот аспект материалистического понимания истории предпринял перед смертью Ф. Энгельс в своих «Письмах об историческом материализме» (1890–1894), попытавшись оправдаться за то, что они с Марксом в силу идейной конъюнктуры не уделяли должного внимания активности надстройки. И «советует сочетать между прочим [материалистическое понимание истории. — П. К.] с противоположным ему методом — историческим идеализмом. То есть он прямо не употребляет этот термин, но суть именно такова: он говорит о том, что нельзя забывать об обратном влиянии надстройки (идей) на базис (общественное производство и реальную жизнь). Действительно, есть целые области жизни, например, искусство, где идеи обладают чрезвычайно сильным влиянием и где попытки свести все на особенности материального производства, очевидно, смехотворны»²⁸.

Единство этих двух моментов положено уже в самой субстанции социальной историчности — в человеческой деятельности, в которой материальная и идеальная активность даны в диалектическом взаимодействии как взаимно конституирующие друг друга стороны тотальности. То есть бытийная практика, в которой сознание «непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»²⁹, лежит в основе социально-исторического процесса. В сменяющих друг друга типах социального универсума материальные и идеальные моменты деятельности приобретают видимость независимо существующих форм, явлений и структур общественного бытия и общественного сознания. Но в действительности эти две стороны социального организма непрерывно диалектически рефлектируют друг в друга, взаимно конституируя становящуюся социально-историческую тотальность.

Само собой разумеется, что в том или ином конкретном случае детерминации верх берет одна из сторон этой тотальности — либо базис, либо

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ Вахитов Р.Р. Философский метод Маркса и современность // Альманах «Восток». 2004. № 4 (http://www.situation.ru/app/j_art_360.htm).

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 24.

надстройкой. Но в целом исторический процесс движется от первоначально почти тотального доминирования материально-бытийных факторов через постепенное увеличение роли феноменов общественного сознания в жизни общества к господству разумного (научного) управления социальными процессами. И чтобы понять те движущие силы, которые толкают общественные структуры и явления к их имманентному преобразованию, необходимо выявлять те формы праксиса, в которых фундированы эти явления и структуры.

Методология социально-исторического исследования, таким образом, состоит в том, чтобы в каждом явлении социальной и духовной жизни видеть не только феноменально данную поверхность, «обманчивую видимость вещей» (Маркс), но исследовать те бытийные основания, которые стоят по ту сторону феноменологической видимости. А такой основой, по Марксу, является человеческая предметная деятельность. Поэтому методология материалистического понимания истории идет от фиксации поверхности обнаруживаемого явления к тем бытийным основаниям, которые это явление породили, к основаниям, в своей сущности представляющим действительный жизненный процесс. «Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту действительную основу истории, или же рассматривало ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом. При таком подходе историю всегда должны были писать, руководствуясь каким-то лежащим вне ее масштабом; действительное производство жизни представлялось чем-то доисторическим, а историческое — чем-то оторванным от обыденной жизни (*während das Geschichtliche als das vom gemeinen Leben Getrennte*), чем-то стоящим вне мира и над миром»³⁰.

1. Если попытаться определить существо Марксова метода исторического исследования (как он представлен, прежде всего, в первом томе «Капитала»), то его можно свести к следующим операциям: *восхождение от абстрактного к конкретному* выражено в двух формах: с одной стороны, как движение от товара к глобальному капитализму³¹; с другой — от уровня общественной формации (общее) через национальную специфику (особенное) к повседневности (единичное), мы этот метод называли *нисходящим механизмом историчности*.
2. *Восхождение от конкретного к абстрактному* (на что у Маркса, к сожалению, совершенно не обращают внимания) означает анализ социального бытия от повседневной подручности и обыденной жизни конкретных живых индивидов до общественной формации, от единичного через особенное к всеобщему — в нашей интерпретации это *восходящий механизм историчности*.

³⁰ Там же. С. 38.

³¹ Что наглядно выражено в структуре самого «Капитала»: *товар* (глава I) — *расширение капиталистического способа производства на весь мир* (последняя, глава XXV «Современная теория колонизации»).

3. *Динамический синтез* этих двух сторон на основе предметно-деятельностной теории и включение этого синтеза в контекст конкретно-исторического исследования, в котором выявляются закономерности возникновения, развития и гибели становящейся (*werden sein*) социальной тотальности, понимаемой как процесс.
4. Если же говорить о Марксовом методе в его применении к конкретным социальным феноменам, то его можно предварительно сформулировать так: это метод исследования социальной реальности, в рамках которого каждое общественное явление рассматривается, во-первых, как некоторый результат, сторона или сопутствующий момент человеческой деятельности; во-вторых, в качестве системного элемента социальной тотальности; в-третьих, как нечто сохраняющее в себе в снятом виде результаты всей предшествующей практики. Поэтому сущность всякого социального явления можно понять только из механизмов его конкретного исторического становления и выявления его многообразных связей, отношений и взаимодействий с другими элементами социальной системы.

Резюме

Итак, движущей силой человеческого существования с точки зрения Маркса является удовлетворение потребностей. Оно осуществляется посредством сознательной преобразующей деятельности (практики, праксиса), в процессе которой потребность в виде идеи опредмечивается и застывает в предметности, выражающей внутреннее состояние субъекта во внешней форме. Действия других индивидов с предметами (распредмечивание) формируют интерсубъективный мир их совместного бытия (социальность). Постоянно растущие потребности вынуждают непрерывно изменять *повседневные* налично-сложившиеся предметные и социальные структуры для удовлетворения этих новых нужд. В результате этих преобразований один тип социально-предметного универсума сменяется другим, который сохраняет, удерживает в себе моменты всех предшествующих стадий развития и сам выступает в качестве базиса для последующей стадии развития. Этот последовательный, непрерывный, когерентный процесс преобразования старого и его сохранения в новых структурах есть *история, исторический процесс*.

При этом, безусловно, надо понимать, что для Маркса и предметность, и социальность, и историчность не возникают друг за другом диахронно, как некоторые стадии развертывания практики, а конституируются *одновременно* в процессе осуществления деятельности человеческими индивидами, которые, собственно говоря, и являются *подлинными субъектами исторического процесса*. В этом положении и состоит, на наш взгляд, сущность Марксовской философии: *онтология историчности социального бытия есть антропология*.

Методология исторического исследования: социальная философия и материалистическое понимание истории

«Социальная философия в нашей стране — сравнительно молодая дисциплина», — сказано в учебнике «Социальная философия» под редакцией проф. И. А. Гобозова¹. Ну а не в нашей стране? В своей «позитивной философии» О. Конт расположил «составные элементы единой науки — науки о человечестве» — таким образом, что идущая первой философия природы предназначена «подготавливать социальную философию»².

Так что если считать от Конта, у социальной философии довольно солидный возраст. А если социальная философия «в нашей стране» не та же самая, что у Конта, то об этом надо обязательно сказать. И вообще, в таком случае лучше употреблять какое-то другое название, иначе это вообще не научный термин, а просто расхожее словечко.

Молодость социальной философии по времени совпадает с молодостью нынешнего нашего общественного строя, а потому невольно возникает мысль: не та ли это «молодая» философия, что соответствует «молодой» России, которую она, в свою очередь, должна оправдать и прославить? Ведь наши философы всегда были готовы по призыву партии быстро-быстро бежать туда, куда она указывала, и делать то, что она предлагала. Во всяком случае, критицизма советской философии всегда не хватало. А став «социальной философией», она утратила последние остатки критичности и революционности.

Кроме того, всякая научная дисциплина, в особенности если она «сравнительно молодая», должна иметь своего *автора*. Это только эпос, мифы и народные песни не имеют своего конкретного автора, наука так не делается. Ведь даже родоначальник *всей* философии известен,

¹ Социальная философия. М., 2003. С. 3.

² Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 2001. С. 134.

хотя это было две с половиной тысячи лет назад, — таков легендарный Фалес из Милета. Вот и автора социальной философии мы нашли — это Огюст Конт. Тут в скобках следовало бы отметить, что Конт является также основоположником того широкого направления в европейской философии, которое получило название *позитивизм*. Конт противопоставлял свой позитивизм *критицизму* просветителей и всей прежней метафизики. И социальная философия, по его замыслу, должна была служить не критике существующих порядков, а *конструированию* новых порядков, т. е. «позитивного общества», как его называл Конт. Это общество он подробно описывает в своей «позитивной политике».

Авторы нашего учебника на научность, вроде бы, претендуют: «Однако (т. е. несмотря на относительную молодость. — С. М.) за последние несколько лет уже появились десятки монографических исследований, учебников и учебных пособий, посвященных социально-философской проблематике. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в большинстве работ нет четкого представления о социальной философии. Вместо строго научного анализа идут спекулятивные и пустые рассуждения о частных проблемах социальной философии»³.

Строго научный анализ требует как раз точного указания имен, адресов и т. д. Без этого упрек в спекулятивности сам оказывается спекулятивным. Авторов книги можно упрекнуть также в абстрактности и неисторизме, что, как ни странно, возводится в добродетель. И здесь, да простит нас читатель, придется привести еще одну довольно большую выдержку: ну что же делать — этого требует наука. «Будучи рационально-теоретической системой знаний об обществе, — торжественно заявляют авторы, — социальная философия стремится к достижению объективной истины — достоверному, адекватному знанию о реальных условиях и возможностях его существования и развития. Однако в отличие от других общественных наук социальная философия представляет функционирование и развитие отдельных социальных сфер и общества в целом в предельно абстрактной форме. В этом смысле социальная философия стремится намеренно исключить всю историческую конкретику об обществе, поскольку научно значимым для нее является лишь такое знание об общественной действительности, которое имеет значение всеобщего и которое более или менее верно ее отражает, что находит многократное подтверждение в самой этой действительности»⁴.

Вот и Конт стремился намеренно исключить всю историческую конкретику об обществе, поскольку «научно значимым» для него... — и так далее по тексту. Гегель, чью философию отличал хотя и ограниченный, но все-таки историзм, говаривал: «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна». Здесь все наоборот: конкретной истины нет, истина всегда абстрактна. Но если убрать всю историческую конкретику, то как

³ Социальная философия. С. 3.

⁴ Социальная философия. С. 7–8.

мы можем судить о том, правы или неправы авторы всех этих абстрактных фраз? Именно в абстрактности и неисторизме заключался основной недостаток той не столь молодой социальной философии, которая шла от Конта. Основная ошибка Конта и позитивизма вообще состояла как раз в том, что «социальная философия» шла у него после «философии природы». Позитивизм есть применение методов естествознания к обществу. Однако общество обнаруживает особенности, не поддающиеся объяснению с точки зрения методов естествознания, поэтому позитивизм стал дополняться «философией жизни» и другими иррационалистическими течениями. В этой «дополнительности» и двигалась общественная наука вплоть до последнего времени, когда постмодернизм сделал «науку» едва ли не ругательным словом.

В связи с контовской социальной философией Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» писал: «Так, парижский журнал „Revue Positiviste“ упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны — отгадайте-ка, в чем? В том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контовских?) для кухни будущего»⁵.

Маркс с Энгельсом еще в своей молодости потешались над наивным коммунистом В. Вейтлингом, который сочинял рецепты для... театра будущего. Он ломал себе голову над тем, как там люди будут распределять места. Те же самые мотивы звучали и в письме Маркса к Даниельсону о превращении его очерка развития капитализма в Англии в философско-историческую концепцию.

В отличие от социальной философии, при своей «сравнительной молодости» ни папы, ни мамы не помнящей, концепция Маркса имеет «свидетельство о рождении». Его соратник Фридрих Энгельс вспоминал, как «не раз слышал от Маркса, что именно изучение им закона о краже леса и положения мозельских крестьян побудило его перейти от чистой политики к изучению экономических отношений и, таким образом, к социализму»⁶. Значит, случилось это в 1842 г., когда Маркс работал в «Рейнской газете». Метод, рассматривающий политические отношения как отражение экономических отношений, был назван впоследствии *материалистическим пониманием истории*.

Энгельс признавал за Марксом только два открытия: тайну капиталистического производства посредством прибавочной стоимости и материалистическое понимание истории⁷. Ничего другого Маркс не придумал и не изобрел. Мало это или много? Да кому как. Многим казалось мало, и они придумывали марксистскую антропологию, марксистскую аксиологию и т. п. Это все в подражание «им»: у «них» это есть, и у нас

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 19.

⁶ Там же. Т. 39. С. 385.

⁷ Там же. Т. 20. С. 26–27.

должно быть. Но каждое действительное открытие, как уже было сказано, имеет своего автора. Если аксиология, то это — В. Виндельбанд; если антропология, то Л. Фейербах; если диалектика, то Платон... И во всяком случае нельзя диалектику Гегеля называть «метафизикой», антагонистом которой он был.

По Марксу люди сами делают свою историю, т. е. творят «кухню будущего». Поэтому всякое прожектерство, типа того, которым занимался Конг в своей «позитивной политике», всегда связано с неисторическим пониманием человеческого общества, а последнее связано с социальной философией, которая описывает не общество на определенной исторической ступени его развития, а общество «вообще». В этом и состоит главное различие между историческим пониманием Маркса и позитивистской социальной философией. Маркс исследует только одну конкретную форму общества — *буржуазное* общество. Последнее как наиболее развитая форма дает ключ к пониманию предшествующих, менее развитых форм. В этом смысле буржуазное общество является обществом вообще. «Буржуазное общество, — пишет Маркс, — есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено. Некоторые еще не преодоленные остатки этих обломков и элементов продолжают влачить существование внутри буржуазного общества, а то, что в прежних формах общества имело лишь в виде намека, развилось здесь до полного значения и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»⁸.

В «анатомической формуле», как она была в свое время названа⁹, нет ничего буржуазного. Буржуазный взгляд на вещи состоит в том, что все предшествующие формы общества рассматриваются как неразвитые формы именно буржуазного общества, которое единственно соответствует неизменной человеческой природе. С этим и связано *антропологическое* понимание человеческой сущности, в отличие от исторического ее понимания у Маркса, как находящейся в процессе исторического *становления*. Когда это общество становится способным отнестись к себе критически, т. е. когда люди начинают осознавать возможность и других форм, более совершенных, вот тогда приходит понимание: буржуазное общество существовало не всегда, оно однажды исторически возникло и т. д.

Уже гегелевская философия, несмотря на ее «некритический позитивизм», по словам Маркса, содержала в себе также «далеко упреждающую позднейшее развитие критику»¹⁰. Вот эту критику буржуазного — «гражданского», как его называет Гегель, — общества почти все марксисты

⁸ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 42.

⁹ См.: Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972, С. 144.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 157.

после Маркса у Гегеля даже не заметили. В советском марксизме долгое время (в особенности после того, как гегелевская философия была объявлена аристократической реакцией на французскую революцию) Гегеля можно было только ругать. Без гегелевской диалектики марксистская социальная наука превратилась в истмат, который стал рассматриваться, как и у позитивистов, в качестве продолжения диамата, т. е. философии природы, а позже превратился в социальную философию.

Когда Л. С. Выготский занимался психологией искусства, он пробовал подойти к анализу искусства с помощью метода, примененного Марксом в «Капитале». «Я попытался, — писал он позже, — ввести подобный метод в сознательную психологию, вывести законы психологии искусства на *анализе* одной басни, одной новеллы и одной трагедии. Я исходил при этом из мысли, что развитые формы искусства дают ключ к недоразвитым, как анатомия человека — к анатомии обезьяны; что трагедия Шекспира объяснит нам загадки первобытного искусства, а не наоборот»¹¹.

Это, пожалуй, единственный путь анализа, ибо если мы попытаемся начать с неразвитых форм, то легко можем спутать разные вещи, например, предметы быта или ритуальные предметы с предметами искусства. Это аналогично тому, как специфика товарного производства ярче и контрастней проявляется в его высшей форме — в капитале.

Тот же метод, как считает Выготский, необходимо применять и для определения специфики психики животных, соответственно — зоопсихологии. Не зоопсихология (наука о поведении животных) лежит в основании психологии (науки о человеческой психике, человеческом поведении), как утверждал, в частности, И. П. Павлов, а наоборот — психология человека бросает свет на психологию животных подобно тому, как истина освещает и самое себя, и заблуждение. Невозможно понять психологию человека из психологии обезьяны. Если мы будем исходить из обезьяны, то и будем все время приходить к обезьяне, только она окажется «голой обезьяной», как назвал человека в соответствии со своей эволюционной логикой К. Лоренц. Наоборот: ключ к психологии обезьяны — психология человека.

«Таков, — считает Выготский, — один из возможных методологических путей, достаточно оправдавший себя в целом ряде наук. Приложим ли он к психологии? Но Павлов именно с методологической точки зрения отрицает путь от человека к животному; не фактическое различие в явлениях, а познавательная бесплодность и неприменимость психологических категорий и понятий является причиной того, что он защищает обратный „обратному“, т. е. прямой путь исследования, повторяющий путь, которым шла природа»¹².

Идти в науке путем, которым шла природа, кажется нормальным и естественным. Но надо знать, где кончается этот путь. Дело в том, что

¹¹ *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 405.

¹² Там же. С. 295.

на этом «прямом» пути лежит существенная и непреодолимая трудность: невозможно непосредственно от психики животных перейти к психике человека — между тем и другим лежит *история*, а это уже совсем другой путь развития, когда роли оборачиваются, и теперь природа, предшествующая по времени истории, сама начинает подчиняться истории, становится ее следствием. История, по словам Фихте, должна избегать «совершенно неразумной и всегда безрезультатной затраты труда на попытки выводить разум из неразумия, постепенно уменьшая степень неразумия, и, получив в свое распоряжение достаточное число тысячелетий, от орангутанга производить в конце концов Лейбница или Канта»¹³.

Так называемый плоский эволюционизм в том и состоит, что он прочерчивает единую монотонную линию от Большого Взрыва до Эйнштейна и трактует человека просто как поумневшего орангутанга. Природа способствовала появлению человека разумного лишь тем, что она сыграла, так сказать, против себя. «Снабдив животное, — писал Фихте, — еще особым инстинктом для нахождения средств к самосохранению, она почти совершенно обделила в этом отношении человека и предоставила его собственному рассудку и опыту»¹⁴.

Природа, лишив человека инстинкта, вовсе не снабдила его разумом, а *вынудила* его стать разумным. Он вынужден был прервать цепь эволюции и вступить на путь *исторического* развития. Историзм от эволюционизма отличается тем, что включает в себя перерывы постепенности, оборачивание исторического в логическом, снятие предшествующего развития в последующем.

Итак, по Марксу, материалистическое понимание истории — метод, и только метод. Ни в коем случае не доктрина. А вот «философия», в том числе и социальная философия, — это доктрина. Маркса тоже иногда считают социальным философом, хотя он сам никогда не употреблял выражения «социальная философия». Поистине удивляет эта манера навязывать человеку то, от чего он решительно отказывается. Собственно, и придумано это название у нас было какими-то «творческими марксистами», чтобы «спасти» марксизм, который двадцать лет назад был объявлен «вне закона» (появились другие «философы в законе»). Но уж лучше было бы запретить его совсем. В свое время марксист М. А. Лифшиц мечтал, чтобы марксизм стал гонимым. Его мечта понятна: тогда отвалятся все примазавшиеся из чисто конъюнктурных соображений. Но получилось то, чего и проницательный Михаил Александрович предвидеть не мог. Марксизм претерпел двойное превращение: сначала материалистическое понимание истории превратилось в истмат, тоже своего рода социальную метафизику, а потом уже, в соответствии с уровнем понимания современного образованного обывателя и политической конъюнктурой, в социальную философию.

¹³ Фихте И. Г. Сочинения. В 2 т. СПб., 1993. Т. II. С. 493.

¹⁴ Там же. С. 384.

От названия «философия» Маркс вообще отказался, потому что с этим названием было связано *конструирование* исторического процесса из головы (сочинение рецептов для кухни будущего) вместо изучения реальных исторических фактов. В этом смысле Маркс не «философ», а «историк». Однако сами по себе исторические факты не могут дать какую-то теорию. Для этого необходим *метод*. Такой метод Маркс и открыл, назвав его *материалистическим пониманием истории*. Это понимание, как известно, заключается в том, что в основе общества и общественной жизни лежит определенный способ материального производства, который изучается *экономической наукой*.

Связь экономической науки с социальными проблемами во времена Маркса, как это можно наблюдать на примере «Основ политической экономии» Джона Стюарта Милля, была достаточно очевидна. «В своих практических приложениях, — писал Милль в предисловии, — политическая экономия неразрывно переплетается со многими другими отраслями социальной философии»¹⁵. В общем-то, это не было секретом уже для классиков английской политической экономии А. Смита и Д. Рикардо, которые не ограничивались только материальным производством, но затрагивали также и сферу политики и все те проблемы, которые принято сейчас называть *социальными проблемами*. В том числе они касались и проблем семьи и воспроизводства самих людей. Дело-то в конце концов не в названии, а в конкретном содержании и характере той или иной философии.

По Марксу, философия может дать *только метод критики* существующего общества. Но именно потому это и не философия. Конт и его последователи не критиковали существующее общество. Конт видел недостаток метафизики в том, что она только критикует и не сочиняет проектов будущего «хорошего» общества. А главная задача, по его убеждению, как раз и состояла в том, чтобы сочинить такой проект.

Если присмотреться внимательно к тому, что в настоящее время называют социальной философией, то это, скорее, только *общее название* для целого ряда конкретных, в истории встречавшихся философий истории. Например, социальные взгляды Аристотеля — социальная философия или не социальная философия? Или Вольтер, у которого впервые появляется термин «философия истории»? Выходит, что изложить социальную философию — значит в лучшем случае изложить различные исторические концепции общества. Это уже Платон и Аристотель, некоторые христианские мыслители, в особенности просветители, у которых мы впервые встречаем явную постановку вопроса о сути общества, об общественном прогрессе и т. д., представители немецкой классической философии и, конечно же, Маркс.

Основной недостаток предшествующей социальной философии Маркс видел в том, что она искала общую модель «хорошего» общества.

¹⁵ Милль Дж. Ст. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М., 2007. С. 83.

Ее представители не понимали, что нет «общества вообще», а есть только каждый раз *особенное* общество, которое приходит на смену другому *особенному* обществу. В этом, собственно, и состоит то, что называется *историей*. Поэтому любая наука об обществе есть *историческая наука*. «Мы знаем, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — только одну единственную науку — науку истории... История природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается; историей же людей нам придется заняться»¹⁶. Последнее не оговорка, не иносказание, как это подчас пытались истолковать советские казенные марксисты, а суть позиции Маркса и Энгельса по данному вопросу.

«Вместе с человеком, — писал Энгельс, — мы вступаем в область *истории*. И животные имеют историю, именно историю своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния. Но они являются пассивными объектами этой истории; а поскольку они сами принимают в ней участие, это происходит без их ведома и желания. Люди же, наоборот, чем больше удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей мере делают свою историю сами, сознательно, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели»¹⁷.

Здесь характерно выражение «животное в узком смысле слова». В данном случае речь идет обо всех животных, *исключая* человека. Если же мы и человека включаем в род животных как один из видов, то это будет уже животное в *широком смысле слова*. Но человек — это не просто вид наряду с другими видами, а такой вид, который противостоит *всему* роду животных, посему он уже и не животное. «Человек, — отмечает Энгельс, — единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*»¹⁸.

После открытия материалистического понимания истории Маркс, как известно, углубился в изучение «анатомии» гражданского общества — его экономики. На долю Энгельса достались проблемы политические, военные и семейные. В своем «Проекте коммунистического символа веры» Энгельс на вопрос: «*Не будет ли вместе с введением общности имущества одновременно провозглашена общность жен?*» отвечает: «Никоим образом. В личные отношения между мужем и женой, как и в дела семьи вообще, мы будем вторгаться лишь в той мере, в какой сохранение существующих форм стало бы препятствовать новому общественному строю. Впрочем, нам очень хорошо известно, что в ходе истории семейные отношения претерпевали изменения в зависимости от отношений соб-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 16.

¹⁷ Там же. Т. 20. С. 358.

¹⁸ Там же. С. 510.

ственности и периодов развития, и поэтому уничтожение частной собственности окажет и на них весьма значительное влияние»¹⁹.

Самое важное здесь то, что семейные отношения меняются в зависимости от *отношений собственности*. Они не являются антропологическими отношениями. Отношения собственности — это *общественные отношения*, поэтому и производные от них семейные отношения являются общественными, а не природными отношениями. Чего никак не получается, если следовать Конту, у которого социальная философия — частное производное от философии природы. Примерно так же в случае с диаматом и истматом: второй был распространением первого на понимание общества. Однако все человеческие отношения диктуются не природой, а самим обществом, в противном случае общество было бы не органической системой, а лишь конгломератом природных и собственно социальных элементов. Это не было бы *монистическим* пониманием общества, а без монизма нет науки вообще.

Монистическую точку зрения на общество стремится провести автор учебника «Социальная философия» С. Э. Крапивенский. Он исходит из того, что «высшие формы движения материи подчиняют себе низшие и преобразуют их»²⁰. Это должно означать, что социальная форма подчиняет себе биологическую. Но у Крапивенского начинается путаница, когда речь заходит об антропологии и ее отношении к человеческой сущности. «Нельзя игнорировать, — пишет он, — антропологическое (биологическое и психическое) в этой сущности, в том числе и этнопсихическое»²¹. И дальше идет абсолютно неаккуратное заявление: «В действительности... вся индивидуальная жизнедеятельность всех людей данного общества и составляет фундаментальное, первичное содержание общественных отношений»²².

Здесь чисто категориальная ошибка. Храм Василия Блаженного сложен из кирпичей, но не кирпичи составляют содержание этого замечательного архитектурного сооружения. Люди едят, пьют, спят и совершают также другую «индивидуальную жизнедеятельность». Однако не это составляет содержание их общественных отношений, хотя указанные отношения могут складываться и по поводу еды, питья и т. д. Прежде всего общественные отношения складываются по поводу *производства* и в самом *производстве*. Именно оно составляет первичное содержание человеческих общественных отношений, а формой проявления этих отношений может быть также совместная трапеза, еда, питье и т. п.

Даже если, скажем, поглощение пищи совершается как индивидуальная жизнедеятельность — это тоже проявление определенного характера общественных отношений. Здесь может проявляться индивидуализм

¹⁹ Там же. Т. 42. С. 359.

²⁰ См.: Крапивенский С. Э. Социальная философия. Волгоград, 1996. С. 41.

²¹ Там же. С. 43.

²² Там же.

и эгоизм как результат *отчуждения* человека от человека. Однако и *отчужденные* человеческие отношения — все равно *общественные* отношения. Таков результат определенной исторической трансформации человеческого общества, а не его «первичное содержание»; и то, что современный человек (в том числе и философ, ибо ему ничто человеческое не чуждо) так заботливо относится к первичному содержанию своей индивидуальной жизнедеятельности, — это тоже проявление современного гражданского общества, сознание, характерное для атомизированных индивидов, из которых состоит это общество.

То, что семейно-брачные отношения исторически меняются, свидетельствует, что это общественные отношения: в природе воспроизводство вида происходит всегда неизменным способом, свойственным данному виду. Когда во второй половине XIX в. было открыто *первобытное общество*, оказалось, что формы семьи и брака там совсем не те, что были свойственны современным европейским народам. Понятно, что они показались «цивилизованным» европейцам странными и даже безнравственными; но то же самое могли сказать дикари и варвары про европейцев, например, про широко распространенную у них практику проституции. А если бы дикари узнали про современные однополые браки, то это, наверное, показалось бы им просто смешным: зачем мужчине жениться на мужчине, когда на свете столько прекрасных свободных женщин, причем с дипломами, дачами и иномарками?

Когда появилась работа Л. Моргана, Маркс увидел в ней подтверждение своих исторических взглядов. «Относительно первобытного состояния общества, — писал Энгельс Карлу Каутскому 16 февраля 1884 г., — существует книга, имеющая *решающее* значение, такое же решающее, как Дарвин в биологии; открыл ее, конечно, опять-таки Маркс: это Морган, „Древнее общество“, 1877 г... Морган в границах своего предмета самостоятельно вновь открыл Марксово материалистическое понимание истории и приходит к непосредственно коммунистическим выводам в отношении современного общества»²³. Это понимание истории не было выдуманно из головы, как выдумана современная социальная философия, оно подталкивалось накапливающимися фактами. «Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело, и это открытие *должно* было быть сделано», — утверждал Энгельс²⁴.

Материалистическое понимание истории было *открыто* — оно было открыто так же, как была открыта Америка. Назад Америку уже не закроешь, и точно так же нельзя «закрыть» самое историю в ее материалистическом понимании. Те конкретные формы общества, кото-

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 97.

²⁴ Там же. Т. 39. С. 176.

рые Маркс перечисляет в предисловии «К критике политической экономии», — это не метафизическая схема, а реальная история. Азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства²⁵ как «прогрессивные эпохи» экономической общественной формации не были выдуманы Марксом из головы. В разных формациях базис *по-разному* определяет надстройку. У каждой формации *свои* законы, каждая есть последовательное *снятие* предшествующей, подобно матрешкам, последовательно помещающимся друг в друга. В одном случае они могут рассматриваться как последовательно выстроенные в исторический ряд, а в другом — как структурные элементы одной, последней и самой большой матрешки — буржуазного общества. В этом нет никакой социальной метафизики и никакого предопределения. Просто именно *так было* в европейской истории! В юго-восточной Азии не было феодального строя в европейском смысле слова, но там был азиатский способ производства и соответствующая ему деспотическая политическая форма. Может ли быть как-то иначе? Об этом остается лишь гадать. Но гадание и наука — разные вещи: наука может опираться только на факты. Излагать исторические факты в их собственной связи — вот в чем состоит конкретный историзм К. Маркса.

Надстройка каждый раз должна быть объяснена из соответствующего особенного способа производства. «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону»²⁶. Все эти формы должны быть выведены из материального производства, из труда как его частные производные, но *особенные* формы. То же самое относится к формам семьи, которая, как гласит изречение Сантаяны на рекламных щитах в нашем метро, будто бы есть «шедевр природы».

Семейно-брачные отношения, не соответствующие современным европейским (хотя и о последних можно говорить как о «нормальных» только с очень большой долей иронии), определяются тем реальным способом жизни, который характерен для данного этапа исторического развития человеческого общества. Эти отношения вытекают не из естественной природы, а из природы общественной. Отношение «эволюция — история» оборачивается: историческое определяет характер природного. Человеческие отношения являются природными лишь по форме, по сути же это — общественные отношения. В этом смысле и индивидуальная жизнедеятельность становится общественной. Как заметил еще Сократ, мы живем не для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить. Обратное может рассматриваться только как *извращение* человеческой жизни.

Суть материалистического понимания истории не исчерпывается положением, что общественное бытие первично, сознание вторично. К этому надо добавить, что сознание и мышление — *общественный* продукт.

²⁵ Там же. Т. 13. С. 7.

²⁶ Там же. Т. 42. С. 117.

Дуализм диамата и истмата проявлялся в том, что в истмате сознание определялось общественным бытием, а мышление в диамате определялось как функция мозга, как будто человеческое мышление может существовать без сознания. Мышление, хотя оно и осуществляется *при помощи мозга*, возникает и развивается не эволюционно (продуктом эволюции является только природное тело мозга), а *исторически*. «Теоретическое мышление каждой эпохи, — писал Энгельс, — а значит, и нашей эпохи, — это исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»²⁷.

Стало быть, и *методология* научного мышления, если она должна в какой-то мере соответствовать общественной природе мышления, должна опираться на материалистическое понимание истории. Ее надлежит выводить не из естествознания, как это пытается делать позитивистская философия науки, но, как и само естествознание, из *общественной практики*. Методология науки — как естественной, так и общественной — есть *общественная наука*. У человека, в конце концов, одна голова, а не две — естественнонаучная и общественнонаучная.

В современной западной философии нет термина «социальная философия». Есть понятия «философия социальных наук» (philosophy of social sciences) и «методология социальных наук» (methodology of social sciences)²⁸. В статье о методологии социальных наук между прочим сказано: «Если естественные науки были связаны с философией дольше, чем социальные науки, то это потому, что они сформировались как дисциплины раньше. Только в последнем столетии социальные науки возникли как имеющие свой собственный предмет. Некоторые из проблем в философии социальных наук тем не менее старше, чем эти дисциплины, отчасти потому, что эти проблемы имели свое происхождение в философии истории XIX в. Конечно, полный расцвет философии науки датируется с возникновения логического позитивизма в 20-е гг. XX в. Хотя философия науки логического позитивизма часто односторонне связана с физикой, фактически ее интерес к социальной науке гораздо больший, чем ее интерес к физическим наукам»²⁹.

Большой интерес к социальной науке проявляется, например, у Поппера. Методологически же у него доминирует интерес к физике. Для истории у него не находится вообще никакого научного метода — в истории господствует полный произвол. Понятно, что о такой методологии социальных наук, как материалистическое понимание истории Маркса, здесь нет речи, ведь оно не является философией науки. Нет

²⁷ Там же. Т. 20. С. 366–367.

²⁸ См.: The Shorter Routledge Encyclopedia of Philosophy. Ed. by Edward Craig. London, New York: Routledge, 2005. P. 965–968.

²⁹ Ibid. P. 965.

речи и о немецких классиках, очертивших область социальных явлений при помощи категории *свободы*.

Предтечей позитивистского понимания был еще Г. В. Лейбниц, считавший, что после рассуждений «только о физических и математических, а также метафизических исследованиях, с которыми связаны медицина, механика и естественная теология (*theologia naturalis*)», можно перейти к учению об обществе и к гуманитарным наукам³⁰. Лейбниц выступал за единство естественных и общественных наук. Он говорил: «Ошибаются те политики, которые пренебрегают физическими и математическими исследованиями, так же я сужу и о тех вздорных философах и математиках, которые осуждают как якобы бесполезные, благородные науки (*bonae litterae*) и все то, что служит украшению жизни и учености»³¹.

Лейбниц совершенно не видит обратной связи философии с физико-математическими и естественными науками вообще. Связь эта идет не через «украшение жизни» и ученость, а через понимание природы человеческого мышления и, тем самым, получение всеобщего метода научного познания, так как природа человеческого мышления — *общественная*.

Человеческое общество является более сложным образованием, чем все природные формы, ибо последние в нем *сняты*: человек, по словам Маркса, в своей деятельности воспроизводит *всю* природу³². Поэтому *вся* природа может быть понята не в рамках естествознания, а в рамках — каким бы парадоксальным это ни показалось «физикам» — науки об обществе. «*Общественная* действительность природы, — пишет Маркс, — и *человеческое* естествознание, или *естественная наука о человеке*, это — тождественные выражения»³³.

В отношении материализма и материалистического понимания истории происходит то, что Маркс назвал *Umschlag in der Methode* — оборачивание метода. То, что явилось результатом исторического развития философского материализма, само начинает объяснять и обосновывать философский материализм. Материалистическому пониманию истории предшествовал французский материализм XVIII в., но не из него логически вытекает материалистическое понимание истории Маркса. Наоборот, материалистическое понимание истории логически обосновывает первичность материи, которая *догматическим* материализмом французов лишь постулировалась.

Материя — это то, что *сопоставляется* человеческой деятельности, то, что мы ощущаем не глазами, а *руками*, когда обрабатываем вещество природы, когда долбим лодку из цельного ствола дерева, когда высека-

³⁰ См.: Лейбниц Г. В. Сочинения. В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 178.

³¹ Там же.

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 93.

³³ Там же. С. 125.

ем Венеру Миосскую из глыбы мрамора, куем железо и т. д., т. е. *формируем* эту самую материю, а не тогда, когда мы *созерцаем* природу.

Слабость созерцательного материализма состоит в том, что он не может сам себя обосновать. Поэтому положение о материи, которая существует независимо от нас, принимается им по существу *догматически*. Материальность мира, объективное и независимое существование материи обосновываются тем, что мы делаем материю *зависимой* от нас. Мы ее колем, рубим, плавим, меняем ее форму, используем ее механические, физические, химические и биологические свойства в качестве проводника своего воздействия на природу и убеждаемся тем самым не только в ее объективном существовании, но и в собственной *субъективности*. Только превращая природу в *объект*, мы становимся *субъектами*, осознаем свою противоположность природе. Наша субъективность проявляется и через практический неуспех; через наши ложные движения мы убеждаемся в собственной неправоте по отношению к природе. Можно обмануть человека, но природу по большому счету не обманешь, задним числом она всегда даст нам понять, что мы относились к ней субъективно. Можно быть субъективным в своих представлениях о природе, но невозможно быть субъективным, когда мы долбим лодку из ствола дерева, — тогда мы в ней просто утонем.

Там же, где для нас определяется материальность мира, определяется и наша *идеальность*, и наоборот. Нельзя сначала определить идеальность, а потом материальность, потому что идеальное есть форма нашей материальной деятельности, закрепленная в форме предмета как результата деятельности. Тем самым идеальное оказывается *снятой* формой природы, вследствие чего мы и можем работать «в голове» с идеальными формами — представлениями, понятиями, идеями, теориями.

О природе мы что-то знаем только благодаря промышленности и связанному с ней естествознанию. Поэтому *натурфилософия*, которая пыталась подменять действительные связи выдуманными, осталась в прошлом, когда появилось теоретическое естествознание, способное дать целостную картину природы. «Как только перед каждой отдельной наукой, — писал по этому поводу Энгельс, — ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории»³⁴.

Философия природы вообще больше невозможна. После «Системы природы» Гольбаха были еще только две грандиозные попытки построить такие философские системы — динамическая картина природы у Шеллинга и «Философия природы» у Гегеля. Ни та ни другая не легли в основу исторических взглядов и обе были изжиты развивающим-

³⁴ Там же. Т. 20. С. 25.

сы естествознанием, оставив о себе дурную славу. Зато «Феноменология духа» Гегеля и его «Наука логики» послужили основой исторической концепции Маркса. И Ленин видел «зачатки исторического материализма» не в материалистической «Системе природы» Гольбаха, а в идеалистической философии Гегеля³⁵.

Действительность пудинга доказывается тем, что его съедают, — Энгельс приводит эту английскую поговорку, иллюстрируя свою мысль, что действительность материальной природы доказывается не парой фокуснических фраз, а долгим и трудным развитием науки и практики. Понятно, что в действительности пудинга не сомневается тот, кто его ест, но может сомневаться тот, кто на него только смотрит. Еще более убежден в действительности пудинга тот, кто его приготовил своими руками. Только в *деятельности* снимается все кажущееся, вся видимость: невозможно быть скептиком в процессе деятельности, здесь надо четко отслеживать соответствующий материальный процесс. Лишь здесь человек убеждается в материальной действительности мира. Быть действительным значит действовать, а материя действует на нас только тогда, когда мы действуем на нее. Мы начинаем сомневаться в существовании мира, когда бездействуем. Такое сомнение всегда связано также и с сомнением в собственном существовании: а может быть, все это — только мой сон...

Маркс пишет о том, что «история *промышленности* и сложившееся *предметное бытие промышленности* являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией»³⁶; к этому стоит прибавить, что промышленность является также раскрытой книгой *природы*, ее сущностных сил. Раскрывая эту книгу при помощи промышленности и естествознания, мы формируем и свои собственные сущностные, *душевные* силы — то, что обозначают как *идеальное*.

Понятие идеального формируется там же, где открывается книга *материальной природы*. Нельзя определить сначала идеальное, а потом материальное, равно как и наоборот. Здесь действительно имеется «принципиальная координация», но не в смысле Авенариуса, т. е. в чисто созерцательном, опытном отношении человека к действительности, а в *практическом* отношении, в деятельности, которая обеспечивает *тождество* мышления и бытия, но вместе с тем позволяет отличить одно от другого.

Творческим марксистам, которые спасали истмат, сочиняя современную социальную философию, была гораздо ближе социальная метафизика, нежели историческая диалектика Маркса. Здесь уже не надо говорить о формациях, о революциях, о народных массах как движущей силе истории и т. д. Творцам «молодой социальной философии» была больше по душе наука об «обществе вообще», а не о конкретном обществе — буржуазном, феодальном, социалистическом. Тем самым они вернулись к социальной философии Конта, Милля и Спенсера.

³⁵ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. С. 286.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 123.

АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

Логика исторической теории Маркса: реформация формаций

Я буду рассматривать человеческие действия и влечения так же, как если бы речь шла о линиях, плоскостях или телах.

Спиноза «Этика»

I

Приступая к делу, историк имеет перед глазами необозримый массив документов и археологических данных, отчетливо сознавая, что все это лишь жалкие крохи исторической реальности. Можно и далее, до бесконечности, приумножать капитал исторических фактов, либо взяться за приведение в порядок уже имеющихся, либо... отвернуться от них, забыть их все на время, как поступил в своем «Капитале» Маркс. В первой главе «история» в обычном смысле слова — упоминания о событиях прошлого, ссылки на документы, даты и пр. — практически отсутствует. В списке действующих лиц здесь сплошь одни абстракции: товар, труд, стоимость и пр. Абстрактный пример с пшеницей, железом и ваксой трудно назвать историческим, ничем не лучше холст и сюртук. Лишь раз, просто для иллюстрации, блеснул «бразильский алмаз» — без малейшего влияния на дедуктивный ход мысли Маркса.

Это забвение исторического выглядит странным вдвойне, ибо в первых главах прослеживается *процесс развития, эволюция* товарного обмена. Отчего же Маркс избегает тут живой истории предмета? Где, в каких исторических источниках ему посчастливилось отыскать упоминания о развернутой и всеобщей формах стоимости? В примечании ко второму изданию «Капитала» Маркс сошлется на показания слепого поэта: «У Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей»¹, однако открыл он развернутую форму стоимости явно не в «Одиссее». Он вывел ее *чисто логически*, и лишь позже разыс-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 72.

кал историческое свидетельство ее реального существования, причем довольно сомнительное.

Дедукция форм стоимости начинается с понятия труда. Маркс определяет труд как «субстанцию стоимости» (Wertsubstanz), а товары — как «кристаллы этой общей им всем общественной субстанции»². *Субстанция подвергается анализу первой*, до обращения к историческим данным, к эмпирии.

Политическая экономия стала теоретическим знанием, научной теорией лишь когда ею была нащупана субстанция стоимости — человеческий труд (У.Петти, Б.Франклин и др.). Маркс распространяет «субстанциальное» понятие труда на историю человечества в целом: «*Вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом...»³ К этому открытию Маркс шел, как известно, от Гегеля, и лишь потом (и потому) его интересы сместились в область политэкономии. Не Смит и Рикардо, а философ Гегель вперые «ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека как результат его *собственного труда*»⁴.

Историческая теория должна начинаться с вытяжки костного мозга истории — простого понятия труда. Для практических материалистов⁵ историческая действительность есть не что иное, как определеннный труд, а все данные природой условия труда, включая органические тела людей, суть лишь предпосылки и «исчезающие моменты» процесса труда.

Анализ истории товарного обмена, поскольку она частный случай, «модус» всемирной истории, также начинается с простого понятия труда. Первым делом Маркс различает всеобщие моменты субстанции — конкретный и абстрактный труд, потребительную и меновую стоимость, затем переходит к анализу стоимостных форм ее выражения. В процессе обмена товаров их простое *тождество*, или «эквивалентность», последовательно превращается в *различие* (развернутая форма стоимости) и *противоречие* (всеобщая форма стоимости), которое затем снимается в *основании*, принимающем форму универсального товара-эквивалента — денег. Тут перед нами словно оживают, обретая экономическую плоть, гегелевские *Wesenheiten*⁶.

Маркс не делал секрета из того факта, что его метод «восхождения от абстрактного» — простого понятия субстанции — к конкретному мно-

² Там же. С. 46. В оригинале: «Als Kristalle dieser ihnen gemeinschaftlichen gesellschaftlichen Substanz». По-русски нелегко передать различие Gemeinschaft—Gesellschaft, и наши переводчики «Капитала» решили его игнорировать, слив эти две категории в одну.

³ Там же. Т. 42. С. 126.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Так именуют себя авторы «Немецкой идеологии»: *praktischen* Materialisten, d. h. *Kommunisten*.

⁶ Рефлексивные определения сущности в «Науке логики»: тождество—различие—противоречие—основание.

гообразию исторических форм представляет собой материалистически переосмысленный метод Гегеля. Но если Гегель посчитал субстанцией Дух, то Маркс — Труд.

Что же сей метод дает историку? Позволяет разглядеть «геном» предмета — его «субстанциальные формы», скрытые в толще эмпирических данных. Эти формообразования сугубо логичны и вместе с тем историчны. Они демонстрируют логику исторического развития в чистом виде, свободном от случайностей, и абсолютно не зависят от достоверности исторических документов.

В простом понятии труда записан «генетический код» всемирной истории: характер и последовательность прохождения человеческим существом существенных стадий своей эволюции. Маркс сумел расшифровать фрагмент этого кода, относящийся к истории товарного обмена, и сделал несколько важных шагов к определению экономических формаций. Однако создать теорию формаций, сравнимую по стройности, строгости и полноте с дедукцией форм стоимости, Марксу, безусловно, не удалось.

«Формация» в отличие от «формы стоимости» остается у Маркса эмпирической абстракцией. Такие абстракции, несомненно, полезны для приведения в порядок исторических данных, но не включают в себе ни малейшего понимания *логики* развития общества. Марксисты еще доброе столетие раскладывали свои «пасьянсы» формаций, выискивая их кто в эмпирической истории, кто в текстах Маркса. Логически эти опыты представляют собой не что иное, как индуктивные обобщения, — в этом плане «формационные» «пасьянсы» не отличаются от «цивилизационных». Недостатки индукции хорошо известны: отсутствие полноты и строгой необходимости выводов плюс произвол при отборе опытных данных.

У дедукции тоже есть свой недостаток: ее выводы необходимы, но не новы. Формальная дедукция ограничивается анализом того, что дано в посылках. Однако это совсем не мало, когда исходное понятие — «большая посылка» теории — содержательно, в-себе-конкретно. Если труд действительно субстанция и субъект мировой истории, в его простом понятии и должна быть заключена *вся история*: смысл и код исторического процесса, так сказать, *historia sine factis* (история без фактов).

Дедукция позволяет понять *логику истории* в чистом виде, свободном от вмешательства случая и неисчислимых природных факторов. Марксова дедукция формы стоимости как раз и являет собой диалектический взгляд на временное «под формой вечности». Индуктивных периодизаций истории товарного обмена может быть сколько угодно, дедукция же форм стоимости из понятия труда — одна и только одна. Проблема численности форм стоимости в этом случае разрешается сама собой. Никому и в голову не приходит искать пятую или ставить под сомнение третью форму стоимости. Те четыре, что выводятся в «Капитале», *исчерпывают все возможные* варианты формообра-

зования стоимости. Именно так, единственно возможным и исчерпывающим образом, должна быть разрешена и проблема числа формаций, вокруг которой истматчики уже преломили столько копий и наломали дров.

Истинность дедуктивной истории обмена не зависит от наличия или отсутствия подтверждающих ее исторических фактов, поэтому ее нельзя опровергнуть или хотя бы усовершенствовать, открыв какие-либо новые, неизвестные Марксу факты. В этом смысле первая глава «Капитала» притязает на открытие *абсолютной истины* истории товарных отношений. То же самое может и должно быть достигнуто в теории формаций.

II

Начнем с самого простого: что такое труд? Хорошее, конкретное определение должно выражать причину вещи, как учил Спиноза. Последуем этому золотому правилу. Итак, почему человек трудится? Ответ ясен, как день: ради удовлетворения своих потребностей — поначалу чисто физиологических. Гегель именует их вожделениями, определяя труд как «сдерживаемое вожделение»; трудящийся человек (у Гегеля — Knecht, т. е. слуга или раб) не просто уничтожает внешнюю вещь, подобно животному, но созидает, или же «образует»⁷. Что же он образует? Во-первых, образуется особый предмет, удовлетворяющий потребность, — *потребительная стоимость*. Во-вторых, образуется *сам человек*⁸. Отсюда уже всего полшага до сакраментального: «труд создал человека»...

Коротко говоря, *труд есть опредмечивание потребности*. Благодаря труду субъективная форма потребности обретает форму предмета, объективируется. В физическом теле предмета труд запечатлевает идеальный образ человеческой потребности. Продукт труда являет собой в терминах «Капитала» *эквивалент* человеческой потребности.

Акт труда, понятый под углом его причины — потребности, «выступает как *производительное потребление*, т. е. как такое потребление, которое заканчивается не *ничем* и не простым субъективированием предметного [как у прочих живых существ], но само в свою очередь положено как некоторый *предмет*»⁹.

⁷ «Die Arbeit hingegen ist *gehemmte* Begierde, *aufgehaltenes* Verschwinden, oder sie *bildet*» (Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes / Werke, in 20 Bde. Frankfurt am Main, 1979. Bd. 3. S. 154).

⁸ Комментарий А. Кожева: «Труд пре-образует Мир и образовывает, воспитывает Человека... Трудясь, он переступает через самого себя или, если угодно, воспитывает, „культуривует“, „облагораживает“ свои инстинкты тем, что сдерживает их. В то же время он не уничтожает вещь, не подвергнув ее переработке. Он откладывает уничтожение вещи, прежде пре-образуя ее трудом, он готовит ее для потребления, иначе говоря, он ее „образует“». (Введение в чтение Гегеля. СПб., 2003. С. 33.)

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 252.

Перед началом труда органическая потребность существует двояким образом: реально, как физически ощущаемое состояние человеческого тела (например, голод), и в интенциональной форме предмета потребности (цель). Эти условия труда ничем не отличаются от естественных условий бытия всех живых существ. Особенность труда заключается в том, что он опредмечивает органическую потребность, а не просто погашает ее.

Вглядимся пристальнее в процесс труда: в каких формах он протекает? Нет смысла изобретать велосипед — Маркс досконально исследовал структуру труда в «Grundrisse».

1. При своем явлении на свет труд выступает как способность живого тела — *рабочая сила*, которой человек располагает от природы. «Эта предметность [труда] может быть лишь предметностью, неотделимой от личности, лишь такой предметностью, которая совпадает с непосредственной телесностью личности»¹⁰.

От животных способностей рабочая сила отличается своей универсальностью: отсутствие прирожденных человеческому организму схем труда позволяет человеку свободно придавать своей жизненной энергии любую диктуемую потребностью форму. Земледелие, строительство, рыбная ловля, ремесла — круг возможностей рабочей силы не ограничен, у нее бесчисленное множество степеней свободы. Рабочая сила — это «*просто труд*, абстрактный труд, труд абсолютно безразличный по отношению к своей особенной *определенности*, но способный к любой определенности»¹¹.

2. Следующая форма бытия труда — *живая деятельность*. «Труд не как предмет, а как деятельность; не как то, что само есть *стоимость*, а как *живой источник* стоимости»¹².

Из простой возможности труд превращается в реальный акт, в процесс поглощения наличного бытия всех предметов, которых он касается, включая и человеческое тело, в коем он обретался в виде рабочей силы. Последняя истощается в ходе труда, потребляется трудом так же, как всякая внешняя вещь. «Труд есть живой, преобразующий огонь; он есть бренность вещей, их временность, выступающая как их формирование живым временем»¹³.

Живой труд не содержит в себе ни одного кванта вещиности: это чисто идеальная форма бытия труда. Он существует лишь в самый миг воздействия руки, орудия на предмет и лишь в точке их соприкосновения, устанавливая между ними отношение равенства.

¹⁰ Там же. С. 246.

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 324.

О человеческой руке «можно сказать, что она *есть* то, что человек *делает*»¹⁴.

3. По окончании процесса труд «переходит из формы деятельности в форму предмета, покоя, фиксируется в предмете, материализуется; совершая изменения в предмете, труд изменяет свой собственный вид и превращается из деятельности в бытие»¹⁵.

Запечатлевший себя в предмете *опредмеченный труд* – таков третий всеобщий момент субстанции. В кристаллах застывшей лавы труда, как в зеркале, человек видит физиономию собственной потребности.

4. Последний шаг, очевидно, заключается в том, что труд возвращается в свое основание, к субъекту, в качестве приобретенного тем в процессе труда *знания и умения*, возросшей «трудоспособности» (*Arbeitsvermögen*). Круг формообразований труда замкнулся. Альфа и омега труда – субъект, человек. Труд кормит его физически и духовно, тем самым сохраняя и увеличивая его рабочую силу.

В каждом последующем акте труда живет и действует *дух* всех прошлых трудовых циклов. Если овеществленный труд, капитал есть «самовозрастающая стоимость»¹⁶, то труд вообще есть *самовозрастающая деятельность*. Трудясь, человек не только создает нечто, но еще и учится трудиться, приумножает свою производительную силу – искусство владения орудиями (включая собственное тело) и знание предмета.

Наконец, в процессе потребления продукта *опредмеченный* в нем, «мертвый» труд воскресает к новой жизни, доставляя субъекту силы и мысли, необходимые для новых актов труда. Потребление человеком продуктов труда протекает в созданной самим трудом форме; эта идеальная форма не исчезает вместе с натуральной формой предмета в процессе потребления, но оседает в душе человека в виде того, что мы называем культурой или образованием личности (*Bildung* в гегелевском смысле).

«Дельта труда», т. е. накопленный человечеством опыт трудовой деятельности, выражается категорией *идеального*. Если дельта стоимости, или прибавочная стоимость, есть чисто количественное (исчисляемое в единицах рабочего времени) приращение авансированной стоимости, то категория идеального описывает сугубо качественное усовершенствование процесса труда. В каждом новом трудовом акте *идеально представлена* вся прошлая история труда: на стороне даже самого плохого архитектора трудится *Weltgeist*, Мировой дух.

Итак, перечислим еще раз субстанциальные формы труда: рабочая сила – живая деятельность – вещь – знание.

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 4. С. 168.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 252.

¹⁶ В оригинале тут игра слов: *sich selbst verwertenden Wert*.

III

Спектральный анализ труда разложил его субстанцию на четыре абстрактно-всеобщих момента. Следующая задача заключается в том, чтобы, глядя на этот «геном» человеческой истории, определить число, последовательность и общие контуры ее макроформ — экономических формаций. Разумеется, таким образом можно указать только генетические, проистекающие из субстанции черты истории, в то время как география, климат, биохимические и прочие природные процессы запечатали в ее внешнем облике множество посторонних следов, о которых мы можем судить лишь приблизительно, черпая сведения в исторических хрониках.

Формационный код истории так же мало похож на ее внешний, событийный вид, как генетический код живого существа — на его фенотип. Эмпирическая историография описывает и типологизирует фенотипические черты истории, не имея ни малейшего шанса отличить те, что проистекают из собственной природы общества — от возникающих вследствие воздействия на общество разнообразных внешних факторов.

Такие эмпирические абстракции, как первобытный строй и античность, Средневековье и феодализм, Возрождение, Просвещение и прочие помогают упорядочить факты, но не дают понимания их логической связи. И Марксовы экономические общественные формации — того же самого поля ягоды. Формации не выводятся им с логической необходимостью одна из другой, а лишь констатируются как эмпирически данные.

Опыт показывает нам временную последовательность исторических явлений, событий, в которой рассудок ищет сходства (эмпирические абстракции) либо тенденции и пределы (веберовские «идеальные типы»). Дедукция экономических формаций покоится на прямом анализе понятия труда, при полнейшем отвлечении от исторических явлений. Эти формации — не эмпирические абстракции и не идеальные типы, а *субстанциальные формы* исторических явлений. В них обнаруживается чисто логическая, вневременная структура истории общества. Такого рода логику Маркс открыл в истории товарных отношений. То, что было сделано им для одного из сегментов всемирной истории, нам предстоит выполнить для истории в целом.

Открытие формационного кода истории, разумеется, не заменяет и не делает лишним исследование исторических данных, фактов опыта. Напротив, оно доставляет логический инструментарий, необходимый для конкретного исследования любых исторических событий. Самая трудная задача, с которой сталкивается историк, — отделение зерен от плевел, т. е. отбор существенных, исторически значимых данных в колоссальном многообразии сведений о прошлом человеческих общностей и обществ.

«Отцы истории» в основном отмечали то, что больше всего бросалось в глаза: политические события и всякого рода экзотику. В основе их историй — взгляд обывателя, более или менее широкий и проникающий. Наука истории, как каждая наука в подлинном смысле этого слова, начинается с размышлений над аксиоматикой, с осмысления принципов исторического исследования. Такую аксиоматику представляет собой и наша «история без фактов». Она дает историку метод для понимания логической связи явлений истории.

В основе данного метода лежит Марксова идея всемирной истории как «порождения¹⁷ человека человеческим трудом»: через разделение труда и его полное самоотчуждение вплоть до его освобождения, возвращения к своему субъекту и превращения в творческую самостоятельность личности. Отдельные нации и цивилизации могут, конечно, сбиться с пути, кружить или где-то спрямлять дорогу, но человечество в целом следует логике Труда с той железной необходимостью, с какой Земля вращается по своей солнечной орбите. Так представлял себе дело Маркс, характеризуя историю общества как «естественноисторический процесс».

С помощью «Grundrisse» мы аналитически выявили четыре всеобщих момента процесса труда. Теперь нам предстоит увидеть, как они один за другим, в строгой очередности выступают на поверхность истории, обрстая живой плотью «феноменов» и превращаясь в «практически истинные абстракции»¹⁸. В каждую историческую эпоху один из абстрактных моментов субстанции делается ее полномочным представителем, подчиняя себе три остальных момента.

Подобную дедукцию исторических формообразований Маркс именвал *методом восхождения от абстрактного к конкретному*. Согласно плану исследования капиталистической экономики в «Grundrisse» первый раздел предполагалось начать с «всеобщих абстрактных определений, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества»: товары (меновые стоимости), деньги, цены. «Определение формы просто... Однако они *не положены* в этом определении». Историческое развитие капитализма Маркс изображает как воплощение в жизнь, или «полагание» этих всеобщих абстракций. Товарные отношения должны быть «положены как *производственные отношения*», ну а в заключительном разделе (о мировом рынке) «производство, а также и каждый из его моментов положено как совокупное целое»¹⁹.

Свой метод логического «расчленения предмета» Маркс позаимствовал в «Феноменологии духа»²⁰, равно как и сам термин «полагание»

¹⁷ В оригинале — «производства» (Erzeugung).

¹⁸ «Praktisch wahr Abstraktion» — термин из знаменитого введения к «Grundrisse».

¹⁹ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 45, 173.

²⁰ См.: Майданский А. Д. Феноменология мировой истории: от Гегеля к Марксу // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М., 2010. С. 541–549.

(Setzen). Мы, в свою очередь, воспользуемся данным методом в материалистической редакции Маркса.

Экономические формации суть не что иное, как абстрактные моменты труда, поочередно *полагаемые* им в качестве господствующих производственных отношений.

Дедукция экономических формаций, однако, не сводится к умозрительно-логическим выкладкам. Необходимо показать хотя бы контурно, насколько позволяют рамки журнальной статьи, как и почему одна формация превращается в другую, более высокую. При этом наше исследование смещается из чисто логической плоскости в конкретно-историческую. Логический анализ обязан показать историку направление и конечную цель поисков, но не вправе подменять собой конкретные исторические изыскания. Без логики историк слеп, логика без истории — пуста.

IV

1. В простом понятии труда мы нашли отношение человека к предмету и отношение к самому себе. Внешним предметом труда, его материалом и «природной лабораторией» является *земля* со всем ее содержимым. Труд есть деятельное присвоение человеком земли и в целом «неорганического тела» природы²¹. А свое органическое тело (не только морфологию, но и поведение, образ жизни) человек наследует от других людей, своих предков, образующих *историческую общность*, живой частицей которой является всякий индивид.

Способ присвоения условий труда (сначала природных, а затем и самим трудом создаваемых, искусственных) посредством отношения к другим людям, обществу Маркс именует «формой собственности». Как таковая собственность есть общественное отношение индивида к предметным условиям труда.

Взаимоотношения труда и собственности — первый критерий различения экономических формаций общества.

Труд есть субстанция и субъект отношений собственности, или их «субъективная сущность» (subjektive Wesen), как выражался Маркс. Так, в возникновении частной собственности Маркс видел внешнее выражение и следствие разделения труда. Характер отношений собственности, как и вообще любых общественных отношений, обусловлен уровнем развития труда, величиной и качеством его «производительных сил».

2. Другим критерием различения экономических формаций является *характер орудий труда*. Маркс не раз с одобрением цитировал определение человека, высказанное одним из отцов трудовой теории стои-

²¹ «Природа есть *неорганическое тело* человека... с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть». (Сочинения. Т. 42. С. 92.)

мости Б. Франклином в беседе с друзьями: человек есть животное, создающее орудия (a toolmaking animal). Приведя эту дефиницию, Маркс добавляет от себя: «Как останки костей животных позволяют палеонтологу воспроизвести их облик и образ жизни, так по останкам средств труда можно судить о характере общественных отношений». Экономические формации различаются средствами труда²². Зная, какие орудия преобладали в том или ином обществе, мы могли бы провести границы между формациями человеческой истории.

Еще в I в. до н. э. Лукреций Кар и Теренций Варрон дали периодизации человеческой истории по материалу орудий труда (каменный, бронзовый, железный века) и в соответствии с преобладающим видом труда (охотничья, пастушеская и аграрная эпохи). Маркс своей «орудийной» периодизации истории не предложил, ограничившись исследованием «системы машин», в которой он видел «наиболее адекватную форму капитала»²³. Мы постараемся восполнить этот пробел в теории экономических формаций.

3. Каждая формация ставит свой особый «акцент» в общей структуре труда — выдвигает на первый план какой-либо один из четырех простых моментов процесса труда. Субъективно эта акцентуация выступает как *экономическая цель труда*. Успехи в осуществлении такой цели приводят к превращению данной формации в более высокую — экономической революции, кардинально меняющей характер взаимоотношения труда и собственности.

Ну вот, теперь у нас достаточно инструментов для того, чтобы приступить к размежеванию экономических формаций всемирной истории.

Архаическая формация

«Die archaische oder primäre Formation» (архаическая, или первичная формация), как называл ее Маркс в набросках письма к Засулич, охватывает огромный период — многие сотни тысяч лет, от возникновения человеческого рода и до появления земледельческой общины, ставшей «последним словом *архаической общественной формации*»²⁴.

Казалось бы, странно — зачислить в одну формацию первобытное стадо и великие восточные цивилизации. Эмпирически у последних куда больше сходств с современной западной цивилизацией, нежели с горстками полудиких бродяг саванны. Маркс это, разумеется, видел. Фенотипическим сходством он сознательно пренебрег ради установления генетического единства.

²² Там же. Т. 23. С. 191.

²³ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 205.

²⁴ Там же. Т. 19. С. 418.

1. *Коллективная собственность на условия труда* – такова экономическая основа первичной формации на всем ее протяжении. Все без исключения формы собственности этой формации предполагают наличие *общины*, которая, как и сама земля, предшествует труду от природы. Это естественно сложившаяся, непрестанно видоизменяемая, но не созданная трудом форма общения: связь между индивидами задана тут как свойство их *органических тел* – биологическое родство, узы крови. Архаическая община действует как *единое коллективное тело*, со своими специализированными органами, и сама эта специализация обусловлена по преимуществу *свойствами тела*, такими, как пол и возраст, физическая сила и состояние здоровья.

Экономически единство общины состоит в том, что каждый индивид является и работником, и собственником условий и продуктов своего труда. Труд и собственность непосредственно тождественны.

В «Grundrisse» всячески подчеркивается телесный характер архаической собственности. Собственность, по словам Маркса, от природы дана индивиду так же, как его кожа или органы чувств – «как находимое им [человеком] в виде неорганической природы тело его субъективности»²⁵. Предметные условия труда и собственности «образуют, так сказать, лишь его удлинненное тело. У человека, собственно говоря, нет отношения к своим условиям производства, а дело обстоит так, что он сам существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно – в этих природных, неорганических условиях своего существования»²⁶. Архаическая собственность представляет собой *иностранность человеческого тела*, так же как труд поначалу есть лишь способность этого тела.

2. Архаические орудия разделяют «телесный» характер труда и собственности. Они представляют собой *непосредственное продолжение тела человека* – приводятся в движение энергией мышц, и производительная сила их определяется навыками движения органов тела. Копье, нож и лук охотника, плуг и мотыга земледельца, лошадь кочевника и лодка рыбака, молот и гончарный круг ремесленника – все это приложения к человеческому телу, приспособляемые к его возможностям и, в свою очередь, требующие от тела особой ловкости, искусства обращения с ними.

Человеческое тело – центральная ось, вокруг которой выстраиваются архаические процессы труда, а рука есть поистине «орудие орудий», *organum organorum*²⁷. Все прочие орудия труда образуют *периферию тела*: служат проводниками его энергии, усиливают его возможности и расширяют их круг.

²⁵ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 463.

²⁶ Там же. С. 480.

²⁷ «Рука человека – это орудие орудий, способное служить выражением бесконечного множества проявлений воли». (Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 3. С. 196.) «Как рука есть орудие орудий, так и ум – форма форм». (Аристотель. О душе. 432 а 1–2.)

3. Экономической целью архаического труда является опять-таки *воспроизводство человеческого тела*: производство потребительных стоимостей в объеме, достаточном для поддержания физического существования работников²⁸. «Земля кормит человека, но не обогащает его» (А. Гальбан Блюменшток).

При всей утилитарной ограниченности такой цели труда Маркс находит ее все же «более возвышенной» по сравнению с буржуазным миром, где цель производства — уже не сам человек, но «богатство» в его вещной, товарно-денежной форме.

Описание субстанциальных черт архаической формации — первый шаг к объяснению многообразия ее эмпирических форм. Вывести это многообразие из простого понятия труда невозможно по той причине, что оно обусловлено не только трудом, но еще и внешней природой. В архаической формации разнообразие общественных форм особенно велико, ибо труд совершается в своей «природной лаборатории», как любил называть землю Маркс. Это самые разные «экологические ниши», к которым человек вынужден приспосабливать всю свою жизнедеятельность, в том числе трудовую.

Первоначальные формы общения также еще не созданы трудом. Они частью унаследованы людьми от их животных предков, антропоидов, частью перенимались у других животных сообществ, прежде всего хищников саванны²⁹.

Становясь условием присвоения земли, форма общения превращается в форму собственности. Архаические отношения собственности поначалу сводятся к простому *владению* природными условиями труда. Для индивида это владение (землей, рабочей силой и самой жизнью) опосредуется формой общения, т. е. его отношением к другим членам сообщества. «Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена»³⁰. Доминирующей общественной связью являются отношения кровного родства. Труд видоизменяет, преобразует их, как любой природный материал, но создает их, ясное дело, не труд.

Своего наивысшего развития производительность труда и отношения собственности архаической формации достигают в *земледельческой*

²⁸ «Целью этого труда является не *созидание стоимости* — хотя они и могут выполнять прибавочный труд, чтобы выменивать для себя *чужие* продукты, т. е. прибавочные продукты, — но целью всего их труда является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины». (Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 462.)

²⁹ См.: Schaller G. B. Are you running with me, Hominid? // Natural History, 1972. Vol. 81. No. 3. С. 60–68. Сходную, но еще более смелую гипотезу высказал Всеволод Вильчек. «Прачеловек» заимствовал у животных технологии деятельности и отношений к себе подобным. Жизнь по искусственным программам, «по чужому образу и подобию» и превратила его в существо культурное — человека. (Вильчек В. М. Алгоритмы истории. 3-е изд. М., 2004.)

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 463.

общине. По мнению Маркса, «в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»³¹.

Само по себе явление на свет частной собственности, однако, еще не означает, что переход ко вторичной формации уже произошел, равно как возникновение капитала, например, торгового или ссудного, еще не есть «капитализм» как экономическая формация. Эмбрион вторичной формации образуется лишь тогда, когда отношения частной собственности распространяются на *живой труд* работника (второй момент субстанции труда).

Из лона земледельческой общины в долинах рек развились древнейшие цивилизации — шумерская, египетская, индская, китайская, весьма схожие, если не родственные, в плане материальной культуры. Во всех господствовала *непосредственно-общая собственность* на условия труда, которую Маркс звал иногда «восточной», иногда «азиатской» формой собственности. Коллективное начало архаической собственности выражается здесь институтом государства, координирующим усилия множества общин для решения трудоемких экономических задач: ирригации полей³², мореплавания, ведения войн и пр. «Общие для всех условия действительного присвоения посредством труда представляются в этом случае делом рук более высокого единого начала — деспотического правительства, витающего над мелкими общинами»³³.

С внешней стороны дело выглядит так, будто государство в лице его правителей является собственником земли и даже рабочей силы (которой фараоны и лугали нередко распоряжались по своему произволу, что могло быть закреплено и в правовой форме). Фенотипически восточная форма собственности и впрямь очень походит на феодализм³⁴. Если же видеть во всемирной истории не деяния властей предержавших или политико-правовую манифестацию «идеи свободы» (Гегель), а саморазвитие труда, в таком случае восточные государственные институты образуют не более чем *надстройку* на фундаменте непосредственно-общей собственности и «первой великой производительной силы» —

³¹ Там же. Т. 19. С. 404.

³² Макс Вебер усматривал «последнюю причину» могущества восточных правителей в «*общественно-хозяйственном труде сооружения каналов*». (Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 2001. С. 148.) Та же идея, в несколько гипертрофированном виде, легла в основу теории гидротехнического общества (Wasserbau Gesellschaft) К. Виттфогеля.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 464.

³⁴ К примеру, Макс Вебер предлагал распространить понятие «феодализма» на вавилонские, египетские, спартанские и вообще все те социальные учреждения, в основе которых лежит выделение из общей массы населения господствующего слоя (Hegenschicht), живущего для войны и службы царю, и его содержание при помощи привилегированного землевладения. (Аграрная история древнего мира. С. 97.)

общины (Маркс). Архаический восточный правитель не частный собственник, не феодал, он — *персонификация коллектива*, «олицетворенное единое начало общины».

Коллективное начало общины выражено тем мощнее и вещественнее, чем больше собственности нуждается в массовом совместном труде для ее практического использования. Напротив, там, где природные условия делают труд большого числа людей, работающих совместно, нецелесообразным, у общины не оказывается внешнего, сверхличного (в виде могущественных государственных институтов) существования по отношению к индивидам. Тогда ее единство сохраняется в вещах сугубо идеальных, как общий язык и память, обычаи и религия. Таким образом, в самых общих чертах экономически объясняется замеченная Монтескье взаимосвязь между природно-климатическими зонами и формой государственного устройства.

Не менее значительное воздействие экология оказывает на форму собственности. Переступая границы речных долин, земледельческая община теряет свою компактность и замечательную устойчивость. По мере того как процесс труда принимает все более индивидуальные формы, непосредственно-общая форма собственности мало-помалу рассеивается: развивается парцеллярная собственность, затем разлагаются на атомы все высшие слои общения (складывается полисная демократия и частное право) и мышления (возникает философия, эта первая сугубо личная форма бытия человеческого духа).

В «Grundrisse» Маркс нашел и описал две относительно чистые формы рассеяния «азиатской», непосредственно-общей собственности — античную и германскую, мимоходом упомянув славянскую форму собственности. Все эти формы он причислял к «историческому состоянию № 1» (*historischer Zustand No. 1*), или первой «исторической стадии» (*historische Stufe*) развития собственности³⁵.

Его указанием пренебрегли историки-марксисты М. Годелье, Э. Вельскопф, Ф. Тёкеи и др., взявшие эмпирические различия форм собственности за основу собственных версий теории экономических формаций, результатом чего стал безнадежный хаос типологий, дискредитирующий само понятие формации.

Избежать подобной путаницы историк может, лишь располагая пробным камнем, позволяющим отличить экономические отношения, с необходимостью вытекающие из природы человеческого труда, *положенные* трудом как таковым, от форм, продиктованных ему внешней природой, экологической нишей, в которой совершается труд. С должной строгостью провести такое разграничение без помощи понятия

³⁵ Werke. Bd. 42. S. 407. Рус. изд.: Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 489. Термин «общественные формации» (*Gesellschaftsformationen*) встречается в «Grundrisse» лишь в самой последней, оборванной автором фразе, в значении «систем производства» или «экономических систем» (на основе общинной собственности).

субстанции труда абсолютно невозможно. Многообразие эмпирически данных особенностей архаических форм собственности делает просто-таки неузнаваемым тождество их экономической природы.

Поскольку все эти формы обусловлены *природными* условиями труда, проще всего классифицировать их *топографически*, как это делает М. Вебер, выделяя речные, приморские и континентальные хозяйственные культуры (что примерно соответствует восточной, античной и германской формам собственности у Маркса). К этому списку нетрудно добавить культуры степные, горные, тропические и т. д.

Формы труда и собственности в этих природных зонах, разумеется, весьма и весьма различны. А вот формационный «генотип» всюду один и тот же: труд и собственность тождественны, у них один субъект – община, т. е. работники, связанные *телесным* родством; орудия труда представляют собой продолжения человеческого *тела*, конечная цель труда – получение средств для поддержания жизни *тела*.

Ключевые различия архаических форм собственности касаются следующего:

- a) имеет ли община предметное существование в отдельности от индивидов;
- b) протекает труд в совместной или индивидуальной форме;
- c) существует ли частная собственность на предметные условия труда.

Требуется определить удельный вес этих различий в «эфире» субстанции: отвечает ли какое-либо из них различию всеобщих моментов труда (в этом случае мы имели бы дело с различными формациями) либо их следует отнести на счет внешних, природных условий его наличного бытия (тогда это лишь разные формы одной и той же, архаической, собственности, как считал Маркс). Ответ на этот вопрос может дать лишь специальное историческое исследование. Мы ограничимся некоторыми соображениями, почерпнутыми в «Grundrisse» и апеллирующими к самым простым историческим фактам.

Административные институты, обладающие автономной реальностью в отношении к работникам, вырастают там, где *природные* условия труда требуют соединения и координации усилий многих общин, совместного труда значительных масс людей. Тогда как, например, «у германцев, отдельные главы семей которых селились в лесах и были разобщены один от другого большими расстояниями... община существует поэтому на деле не как *государство*», а лишь в форме общих собраний³⁶.

В условиях северной природы (континентального типа) просто нет экономической надобности в таком колоссальном «наросте на экономическом строе» (Маркс), каким является восточная государ-

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 470.

ственность. Чем более индивидуальные формы принимает самый процесс труда, тем быстрее и легче складываются отношения частной собственности.

Весомый аргумент в пользу того, что появление частной собственности на землю было ответом общины на перемену природных условий труда, мы находим у Марка Блока. Описывая архаическую экономику юго-западного региона Европы, он замечает, что частная собственность на землю («система огороженных полей») складывалась на пересеченных местностях с малочисленным населением, в районах бедных почв и слабого, нерегулярного и экстенсивного освоения земли, в то время как «коллективное воздействие на пахотную землю» и непосредственно-общая собственность («система открытых полей», с запретом на изгороди и общинными сервитутами) сохранялись в наиболее плодородных зонах³⁷.

Таким образом, сама природа провоцирует индивидуализацию труда и, как следствие, дробление общинной собственности на землю. Но до тех пор, пока собственниками остаются сами работники, частная собственность не затрагивает *сущность* труда. Перемена экономической формации начинается с присвоения вместе с землей *живого труда* людей.

Вторичная формация

Архаическая формация ориентирована на воспроизводство тела как отдельных работников, так и коллективного «квazitела» общины. Совершенствование орудий и технологий труда рано или поздно делает это воспроизводство расширенным, в то время как размеры земельной собственности остаются практически неизменными. Образуется *излишек рабочей силы*, которую община не в состоянии эффективно использовать. Отношения коллективной собственности на землю превращаются в помеху для дальнейшего развития экономики.

Кризисы архаической экономики являются следствием *перепроизводства рабочей силы, человеческих тел* (подобно тому как капиталистические кризисы происходят вследствие перепроизводства меновых стоимостей товаров). Успешное выполнение миссии первичной экономической формации — производства самих работников — разлагает основание, базис этой формации — общину. Последней приходится исторгать из себя избыточную рабочую силу, выталкивая ее на новые территории или в другие сектора экономики. Строительство пирамид и гигантских храмов, великие переселения народов, освоение таежных и тропических лесов, высокогорья и заполярья — все это следствия повышения «кровенного давления» в теле общинной экономики. Так она пытается решить демографическую проблему, избавиться от «лишних людей»,

³⁷ См.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 101–104.

невостребованной рабочей силы, которую сама же община и производит на свет (такова цель архаического производства). Локальные демографические взрывы на фоне дефицита земельной собственности становятся в обществах первичной формации главной движущей силой экономического прогресса и вместе с тем причиной ее крушения и перехода архаических обществ к способу производства вторичной формации.

Термин «die sekundäre Formation» появляется у Маркса в набросках письма к Вере Засулич. В эту формацию он включает «ряд обществ, покоящихся на рабстве, крепостничестве»³⁸. Но и в «Grundrisse» Маркс постоянно рассматривал рабство и крепостную зависимость (обычно в связке) как *вторичные* формы собственности: «Рабство, крепостная зависимость и т. д. всегда являются вторичными формами» («и т. д.» означает любые формы собственности, в которых «сам работник выступает как одно из природных условий производства»)³⁹. Ниже мысль повторяется уже в развернутом виде: «Первоначальные формы собственности... существенно модифицируются в результате того, что сам труд причисляется к *объективным условиям производства* (крепостная зависимость и рабство), в силу чего простой положительный характер всех форм собственности, относящихся к состоянию №I, утрачивается и видоизменяется»⁴⁰.

Генетические черты обществ вторичной экономической формации таковы:

1. Экономической субстанцией является *частная собственность на чужой труд*. Рабочая сила отчуждается от ее природного субъекта, становясь собственностью другого субъекта.

Ясно, что это отчуждение может касаться лишь *живой деятельности* (второй абстрактный момент простого понятия труда), а не самой способности к труду. Последняя является неотчуждаемым свойством органического тела человека, в то время как *сам процесс* труда навязывается ему извне и распоряжается им другой человек. Работник превращается в орудие чужой воли — *человеческую машину*. «Как рабочая сила он является вещью, принадлежащей другому, и поэтому он относится к особому проявлению своей силы, то есть к своей живой трудовой деятельности, не как субъект»⁴¹.

³⁸ «Die Reihe der Gesellschaften, die auf Sklaverei, Leibeigenschaft beruhen». (Werke. Bd. 19. S. 404.)

³⁹ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 485. В скобках Маркс уточняет, что было бы ошибкой искать вторичные формы собственности на Востоке, — это выглядит так «*только* с точки зрения европейской». Восточные общества с их «поголовным рабством» Маркс относил к формации архаической, отрицая наличие в этих обществах «частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей». (Т. 25. Ч. II. С. 354.)

⁴⁰ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 490–491.

⁴¹ Там же. С. 454.

Тем самым прежнее *непосредственное тождество* труда и собственности (работники были субъектами отношений собственности, а собственники — работниками) превратилось в *противоположность*: работник не является собственником, а собственник не работает — одно исключает другое.

В образовавшуюся между этими полюсами экономического бытия трещину вклинивается *отношение присвоения чужой воли*. Это отношение становится первой чисто исторической (целиком искусственной, а не данной от природы) предпосылкой процесса труда. Как всякое общественное отношение, экспроприация воли есть форма труда, поэтому формула «собственник не работает» требует существенной оговорки: он *физически* не участвует в процессе производства материальных благ. Удел собственника — труд умственный (определение целей и технологий труда, санкций и стимулов), властвование и война.

2. Орудия труда вторичная формация в основном наследует от архаической. *Instrumenta muta* (земледельческий и ремесленный инвентарь) и *semivocalia* (домашние животные) не претерпели принципиальных изменений; *instrumenta vocalia* (рабы и некоторые другие виды экспроприированных работников) так или иначе использовались в экономике большинства архаических обществ.

Реальный, притом значительный, прогресс достигается в области *организации процесса* труда. Оторванный от своих вещественных условий — собственности, живой труд стал гораздо легче доступен делению и сложению (комбинированию). В эпоху вторичной экономической формации *живая деятельность* совершенствуется намного быстрее, чем материальные орудия.

Пионеры античной экономической науки, от Аристотеля до Колумеллы, посвящают свои труды поискам оптимальных форм распределения и использования трудовых ресурсов, рациональной организации хозяйственной деятельности вообще. В платоновской «Политии» разумное разделение труда — ключ к идеальному общественному порядку.

В трудах Е. М. Штаерман обстоятельно доказывается, что прогресс древнеримской экономики происходил почти исключительно благодаря усовершенствованию живых форм труда: «Орудия труда в общем эволюционировали не очень заметно... Развитие производительных сил, обусловившее подъем сельского хозяйства, шло не за счет развития техники, а за счет повышения квалификации работников и совершенствования их организации»⁴².

Штаерман демонстрирует это на примерах виллы и ремесленной мастерской: «Преимущества виллы... в том, что она позволяла осуще-

⁴² Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 103–104.

ствить простую кооперацию, поднимавшую производительность труда, а также наиболее целесообразно организовать труд рабов и установить известное разделение труда как между отдельными районами и хозяйствами, так и внутри отдельных хозяйств, что повышало квалификацию работников и углубляло их производственные навыки. [...]

Рабовладельческой вилле в сельском хозяйстве соответствовала в ремесле средней величины мастерская. И здесь мы видим, что развитие идет не столько за счет усовершенствования техники, сколько за счет известного примитивного разделения труда внутри мастерской и чрезвычайно дробной специализации»⁴³.

Широкая и умелая эксплуатация «человеческих машин» приводит к необычайно быстрому (в сравнении с архаическим обществом) росту материального богатства и высвобождает собственникам массу свободного времени для духовного труда. Как следствие, производительная сила общественного труда увеличивается на целый порядок.

3. Специфической экономической целью производства вторичной формации является *власть над людьми* — подчинение себе другого человека, присвоение чужой воли. Иначе говоря, на первый план в экономике выходят отношения *личной зависимости*.

В «Капитале» о средневековом обществе читаем: «Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни... Отношения личной зависимости составляют основу данного общества»⁴⁴. Ровно так же обстоит дело и в обществе античном. Феодальная и рабовладельческая формы собственности имеют одну общую основу, их базис — отношения личной власти, господства и подчинения.

При этом первичная цель — поддержание жизни тела, рабочей силы — естественно, не отменяется, а лишь уходит в тень исторически более высокой цели (Гегель сказал бы — снимается). То же самое происходит с архаическими орудиями: они действуют и совершенствуются на протяжении всей истории вплоть до нашего дня, однако уже во вторичной формации их затмевает более совершенное орудие труда — «человеческая машина».

Итак, *власть превращается в форму собственности*, т. е. становится экономической категорией и специфическим «производственным отношением» (личной зависимости).

⁴³ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 32–33, 37.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 87.

Применительно к феодальному обществу это обстоятельство постоянно подчеркивал в своих работах А. Я. Гуревич: «В самом деле, что такое власть сеньора над землями и людьми — факт политический или факт экономический? Альтернатива кажется ложной, ибо отношения власти и отношения производства были здесь неразрывны и едины⁴⁵». «В средневековую эпоху едва ли вообще существовали раздельно экономика и политика, собственность и власть — они образовывали недифференцированное единство»⁴⁶.

Полагаю, лучше все же назвать это единство *органическим*, четко дифференцируя при этом два его компонента: собственность и власть. Отношение между ними аналогично отношению стоимости и цены. Как цена является формой выражения стоимости, так власть — это *форма* собственности вторичной формации.

Первоначально эта власть, как правило, добывается силой в ходе войны. В «Grundrisse» война рассматривается как труд, производство: «война есть один из самых первоначальных видов труда»⁴⁷. Благодаря войне с ее «большим коллективным трудом» (*die große gemeinschaftliche Arbeit*) складываются условия возникновения буржуазной формации: внутри самой армии «такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии»⁴⁸.

Для формации архаической война была наиболее эффективным решением проблемы свободных рук, средством избавления от «лишней» рабочей силы, которую общинная экономика непрестанно генерировала. Война, в отличие от земледелия, способна занять трудом (как собственно ратным, так и строительным, транспортным и др.) практически любое количество рабочей силы.

С началом вторичной формации человеческой истории война становится *господствующей формой производства орудий труда*, ибо в лице раба или крепостного присваивается не что иное, как орудие, хотя и весьма специфическое. *Военное предприятие* для захвата и присвоения чужой земли и живого труда населяющих ее индивидов столь же непосредственно выражает существо вторичной экономической формации, как охота, пастушество или земледелие, осуществляемое общиной на принадлежащей ей территории, — существо архаического экономического строя. Именно военное предприятие, а не римскую виллу или латифундию и не средневековый феодал надлежит изучать в качестве *простейшей*

⁴⁵ Гуревич А. Я. История — нескончаемый спор. Мединистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 201.

⁴⁶ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 142.

⁴⁷ «Der Krieg ist daher eine der ursprünglichsten Arbeiten» (Werke. Bd. 42. S. 399.).

⁴⁸ Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 46.

экономической конкретности — живой клетки, заключающей в себе карий тип вторичной экономической формации.

Во всех обществах, покоящихся на отношениях личной зависимости, формы физического принуждения являются самой динамичной и развитой стороной экономики. Сложнейшие крепостные сооружения и осадные машины, изощренная тактика военных действий и техника владения оружием — мирная экономика вторичной формации не знала ни столь высоких технологий, ни подобных темпов развития. Земледелие и животноводство стагнировали веками.

Военное предприятие приобретает теперь абсолютно иную экономическую определенность, чем в архаических обществах: оно создает помимо потребительных стоимостей еще и *стоимость как таковую*, в лице раба, серва, крепостного. «В условиях рабства работник есть не что иное, как живая рабочая машина, которая поэтому обладает стоимостью для других, или, вернее, есть стоимость»⁴⁹. Он обладает потребительной стоимостью для его господина лишь в качестве источника живой деятельности и стоимости или же в качестве товара, меновой стоимости.

В общем, военное предприятие выступает как *обмен живого труда на живой труд*: неэквивалентный обмен меньшего количества рабочего времени одного вида (военного) на значительно большее количество универсального рабочего времени — то есть, в сущности, как *личное*, хотя и могущее принимать различные вещные формы, отношение. Легко убедиться, что и тут главенствует второй момент всеобщего понятия труда.

В древности ратный труд ценился как благородное занятие. «Такая война по природе своей справедлива», — писал Аристотель об «искусстве охоты» за людьми, которым самой природой предназначено быть рабами⁵⁰. А Кожев в своих знаменитых гегелевских чтениях видел «первый набросок Индивидуальности» в военном служении (Dienst) феодала: «Воюя, Сеньор, как и Раб, *трудится*. Его Труд — это война; его ремесло — убийство»⁵¹.

Современные историки, как правило, не считают войну за труд в настоящем смысле слова, так как она не создает материальных ценностей (наоборот, уничтожает их и самих работников), тем самым теряя всякую возможность понять природу экономики вторичной формации. В исторической литературе постоянно говорится о *влиянии* войны на экономику и экономики на войну, словно это две разные «станции». Войну называют продолжением политики, хотя война существовала задолго до возникновения политики и политиков. На самом деле война относится к сфере производства, общественного бытия,

⁴⁹ Там же. С. 454.

⁵⁰ Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 389.

⁵¹ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. С. 157–158.

а не сознания, как политика. Что же такое она производит, помимо смерти и разрушений?

Обществам вторичной формации война доставляет средства производства — «живые машины». Античное или феодальное военное предприятие — это не столько охота, сколько *отрасль машиностроения*, «тяжелая индустрия» древнего мира.

Не менее ценным продуктом военного труда является производство *новых человеческих общностей*. Вообще говоря, всякий труд помимо материальных благ производит самого человека, формы человеческого общения и мышления. В эпоху вторичной формации военный труд — главный творец и новатор в части формирования общественных связей и институтов.

Феодальная экономика была создана войной⁵² и военизирована вся снизу доверху. Грандиозные империи вторичной формации создавались в столетиях войн. Государства Александра Великого и римлян, чингизидов и османов, Священная Римская, Российская и Британская империи — все это величайшие шедевры человеческого труда, прежде всего труда военного. Вместе с локальными политическими границами их строители сметали хозяйственные, этнические, религиозные и иные перегородки, разделяющие людей.

История вторичной экономической формации знает всего две сравнительно чистые формы собственности — рабовладение и феодализм. Все субстанциальные черты этой формации ясно просматриваются как в античном обществе, так и в средневековом. Остается понять, чем обусловлены различия между строем рабовладельческим и феодальным.

1. Первое различие касается характера присвоения чужой рабочей силы. Почти весь спектр состояний зависимости существовал уже в архаических обществах: от прямой и полной экспроприации работника до апроприации, выглядевшей со стороны как добровольное отчуждение им земли и части своих свобод в обмен на покровительство *власть* имущего. Менялся лишь удельный вес того или иного состояния в экономике: формы зависимости работника периодически то смягчались и усложнялись, то становились более прямыми и жесткими.

Градации личной зависимости во многом объясняются соображениями эффективности использования чужого труда в тех или иных природных условиях. Например, рабский труд малопригоден для зернового хозяйства⁵³, но является весьма эффективным для воз-

⁵² «Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания [ими римских земель]». (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 74.)

⁵³ «Применение рабского труда к производству хлебных злаков, поставленному на широкую ногу, оказывается... невозможным, так как античная земледельческая

дельвания плантационных культур. Отсюда понятно, почему, скажем, на севере Европы, где природные условия требовали интенсивной обработки земли, рабство попросту не могло существовать как эффективная система хозяйства. Там доминировали иные, косвенные формы личной зависимости, в частности феодальные отношения.

Да и внутри римской экономики рабский труд оказался выгоден не во всех отраслях сельского хозяйства: «Во времена Катона труд свободных батраков и издольщиков – политоров применялся в основном для старых, хорошо известных зерновых культур, тогда как для новых, интенсивных культур – винограда и оливок – использовались рабы»⁵⁴.

На характер отношений зависимости влияли и такие сугубо экономические факторы, как рыночная конъюнктура. В частности, Штаерман ссылается на исследование Р. Ремондона, согласно которому переход от рабства к колонату во многом был обусловлен узостью рынка и высокой конкуренцией провинций: «Виноградники и оливки перестали приносить доход, и землевладельцы вернулись к культурам зерновых, при которых „серваж“ был выгоднее рабства»⁵⁵. Подобные «флюктуации» отношений личной зависимости субстанции труда никоим образом не затрагивают.

2. Второе различие заключается в том, что рабовладельческая экономика вырастает на почве античной формы собственности вследствие экспроприации собственности восточного образца (*ager publicus*), тогда как генезис феодальной формы собственности на Западе совершается уже *внутри* общества вторичной формации (римского), с использованием обломков его экономических и правовых форм.

Данное обстоятельство не доказывает, что феодализм образует отдельную формацию, свидетельствуя лишь о его кровном родстве с античным рабовладельческим строем. Сколь бы разительно ни отличались «физиономии» рабовладельческих и феодальных обществ, их экономическая «генетика» практически идентична:

- отчуждение живой деятельности работника от предметных условий труда, противоположность труда и собственности;
- приоритетное развитие живых форм труда и главенство труда военного;

техника требовала интенсивного труда; рабов можно было употреблять в крупном производстве с действительной выгодой только на хорошей почве и при низких рыночных ценах на рабов, и их применение обыкновенно означало переход к экстенсивному хозяйству». (*Вебер М.* Аграрная история древнего мира. С. 24.)

⁵⁴ Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. С. 103.

⁵⁵ Там же. С. 5. (Р. Ремондон – автор главы об античном мире в «Истории труда»: *Histoire du travail*. Paris, 1959.)

- отношения личной зависимости в основании экономики и власть над людьми как высшая субъективная цель труда.

В экономике личные отношения зависимости всегда скрыты под вещной оболочкой: раб или крепостной, как любая вещь, себе не принадлежит и наравне с вещами подлежит обмену или продаже. Феодальные же отношения личной зависимости вообще на всех уровнях опосредуются вещными отношениями (собственности на землю), практически сливаясь с ними, а работник превращается в элемент земельной собственности, *servus glebae* (категория римского права «раб земли»).

Эту вещную форму труда нередко рассматривают абстрактно, в буржуазном духе, вследствие чего, например, латифундия представляется подлинно капиталистическим предприятием, а сеньория — «как огромное предприятие... в котором заработная плата была обычно заменена предоставлением земли» (М. Блок)⁵⁶. На самом деле, несмотря на то, что слой вещных отношений на протяжении истории вторичной формации делается все толще, отношения личной зависимости до конца сохраняются в ее основе. Правоту этого суждения Маркса доказал на обширнейшем историческом материале медиевист А. Я. Гуревич. Его резюме гласит: «Сущность феодальной собственности на землю — это власть над людьми, ее населяющими; под вещной экономической формой кроется личное отношение»⁵⁷. Впрочем, отношения вещные, товарные, рано или поздно разлагали личные связи людей и вместе с ними саму вторичную экономическую формацию.

Капиталистическая формация

Наемный труд и капитал — торговый и финансовый — существовали уже в первых цивилизациях. Законы Хаммурапи определяют размеры заработной платы для разных профессий и категорий работников (отдельной строкой — при найме чужих рабов), условия кредитования, санкции для должников и пр. Наемный труд мы неизменно встречаем повсюду, где создаются и используются сложные механические сооружения (например, корабли) или действуют социальные мегамашины — государственные институты, армии.

Военное предприятие как субстанциальная форма труда вторичной формации *объединяет* внутри себя оба элемента капиталистической собственности — наемный труд и капитал, причем капитал выступает тут в своей *основной* форме, в форме орудий труда: военных машин и снаряжения. Война способствует сосредоточению общественного богатства в его денежной форме в руках немногих собственников, т. е. осу-

⁵⁶ Характерные черты французской аграрной истории. С. 117, 124. В данном случае мысль Блока движется в кильватере влиятельной традиции Э. Мейера и М. И. Ростовцева.

⁵⁷ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 23.

ществляет первоначальное накопление стоимости, требуемое для ее превращения в промышленный капитал. Война в изобилии создает свободные руки, создает *рынок труда*, разоряя огромные массы людей, и сама же многих из них трудоустраивает, доставляя им работу в качестве наемников.

В фундаментальном труде Л. П. Маринович прослеживается, как на протяжении всего лишь одного столетия товарно-денежные отношения прочно овладели древнегреческой армией, «превратив ее в одну из сфер приложения “капитала” и извлечения прибыли»⁵⁸. Меркантильные цели войны выходят на первое место, она становится «в какой-то степени финансовым мероприятием и с точки зрения планирования и осуществления военных действий». Армия делается теперь почти целиком наемной, причем удельный вес труда по найму в остальных секторах греческой экономики не идет ни в какое сравнение с удельным весом наемного труда в армии⁵⁹.

Аналогичную эволюцию претерпела и древнеримская армия в последние века Империи, и феодальная армия позднего Средневековья с ее кондотьерами и ландскнехтами. Во всех обществах вторичной формации военная экономика неизменно генерировала буржуазные отношения собственности, в расширяющихся масштабах приумножала капитал и наемный труд и накрепко спаивала их вместе.

Маринович, как практически все историки, исключает войну из сферы производства, усматривая в ней лишь «внеэкономическое присвоение собственности». Однако то, что историку буржуазной эпохи представляется внеэкономическим, являлось подлинной *сердцевинной экономикой* вторичной формации. И именно войне, военному предприятию история предназначила сделать господствующими буржуазные отношения собственности.

Как конкретно это происходило в обществе феодальном, повествует книга Вернера Зомбарта «Война и капитализм». Автор усматривает в развитии военного дела ту же самую закономерность, что и в эволюции «форм организации экономической жизни: от ремесленной к капиталистической» (заметим в скобках, что и Зомбарт вычеркивает войну как таковую из сферы экономической жизни). «Протестантская этика, — отмечает он, — буквально пропитана „духом милитаризма“. Проповедуемые кальвинистами и пуританами добродетели совпадают с милитаристским идеалом человека в стремлении „подчинить его целому высшему порядку“ ... *Лейтмотивом становится дисциплина*»⁶⁰. В труде Кальвин видит *служение и долг* человека перед Богом. Нарушение трудовой дисциплины и лень должны сурово караться, как измена солдата присяге или трусость в бою.

⁵⁸ Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 250.

⁵⁹ Там же. С. 270.

⁶⁰ Зомбарт В. Собрание сочинений. СПб., 2008. Т. 3. С. 279.

Между наемным трудом в армии и на фабрике также существует историческая преемственность. Отмечая, что «как явление наемничество уходит своими корнями в глубокое Средневековье, что оно, пожалуй, столь же старо, что и рыцарство», Зомбарт прослеживает, как армейские порядки перенимаются появляющимися на свет капиталистическими фабриками, и наконец приходит к выводу: «О том, что вовсе не экономическая жизнь отражалась тут на военной дисциплине, как обычно полагают закоренелые приверженцы материалистического понимания истории, свидетельствует временной порядок, в котором эти явления следовали друг за другом»⁶¹. Промышленность исторически рождалась из военного предприятия, вскармливалась войной и равнялась на армейские порядки, а не наоборот.

Марксистам, которые, подобно Зомбарту, сводят экономику к производству материальных благ, непросто парировать этот аргумент. А вот Маркс, как мы видели, саму войну считал видом труда, особой областью экономической жизни⁶². Взаимодействие войны и промышленности происходит *внутри* экономики, между разными ее секторами; это вовсе не детерминация экономики *извне*, духом армейской дисциплины, как изобразил дело Зомбарт.

Изменения, которые претерпевает субстанция труда в капиталистической экономике, заключаются в следующем.

1. Третий момент простого понятия труда — *определенный труд, труд как вещь* — отделяется (Маркс говорил — отчуждается) от рабочей силы и живой деятельности и превращается в господствующий фактор общественного производства. Отношения людей в процессе труда при этом *овеществляются*, т. е. получают форму отношения вещей, товаров. Сам процесс труда выступает теперь как обмен товара «рабочая сила» на средства производства.

В буржуазном обществе созданные человеческим трудом вещи правят своими творцами, людьми. Капитал есть не что иное, как прошлый, овеществленный труд, господствующий над трудом живым и увеличивающий себя за счет поглощения чужого труда.

«Общественное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как чужая и господствующая сила. Ударение ставится не на *определенности* [овеществленности], а на *отчужденности* [*Entfremdet, Entäußert, Veräußertsein*], на принадлежности огромного предметного могущества, которое сам общественный труд проти-

⁶¹ Там же. С. 281.

⁶² В «Grundrisse» Маркс намеревался исследовать формирование капиталистических отношений в античной армии: «Когда труд есть наемный труд, а его непосредственной целью являются деньги, всеобщее богатство полагается как его, труда, цель и объект (*в связи с этим следует сказать о структуре античной армии, когда она становится наемной*)». (Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 169.)

вопоставил себе как один из своих моментов, — на принадлежности этого могущества не рабочему, а персонифицированным условиям производства, т. е. капиталу»⁶³.

В форме капитала созданное трудом предметное могущество, или опредмеченный труд, превращается из простого момента субстанции труда в ее полномочного представителя — полагает себя как *субъект* общественного производства в целом, выступая в отчужденной, обособленной от трех остальных моментов субстанции исторической форме. (Маркс исчерпывающим образом описал это овеществление и отчуждение труда, хотя порядком ошибся в оценке потенциала и прочности капиталистической формации и, что много серьезнее, в определении *средств* ее превращения в более высокую формацию.)

Субстанциальный принцип буржуазной экономической формации — *противоречие труда и собственности*.

Уже вторичная формация разорвала тождество труда и собственности и противопоставила их как две взаимно чуждые сущности: труд относится к создаваемой им объективности как к *чуждой* собственности, а эта собственность утверждает себя лишь посредством присвоения *чуждого* труда. Капиталистическая формация усугубляет это отчуждение, смещая противоположность труда и собственности *внутрь каждой из сторон*. Труд отчуждается теперь не только от собственности, но и от самого себя (противостояние живого и овеществленного труда); и то же самое раздвоение происходит с собственностью (собственник рабочей силы противостоит собственнику предметных условий труда). В логике такого рода «рефлектированная в себя» абсолютная противоположность именуется *противоречием*.

2. В самом процессе труда овеществленный труд начинает доминировать с появлением *механических машин*. Обретая форму машины, орудие труда перестает быть простым проводником человеческой деятельности и продолжением органов тела. Конкретная определенность труда, ради которой человек веками совершенствовал органы своего тела, переходит к машине: теперь «машина является виртуозом» (Маркс). Работник только обслуживает машину, его труд делается абстрактным.

Интеллектуальная деятельность по-прежнему противостоит физической, но теперь она выступает на стороне орудия труда — машины. Последняя получает преимущественное развитие в отношении к рабочей силе, овеществленный труд — в отношении к живому, а стоимость — в отношении к потребительной стоимости. В этом смысле капитал является экономическим выражением господства машин, а наиболее адекватной формой бытия капитала — «основной капитал».

⁶³ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 346–347.

«В системе машин овеществленный труд противостоит живому труду в самом процессе труда как господствующая над ним сила, каковую капитал в качестве присвоения живого труда является по своей форме. Включение процесса труда в процесс увеличения стоимости капитала в качестве всего лишь его момента также и с вещественной стороны обусловлено превращением средства труда в систему машин, а живого труда — всего лишь в живой придаток этой системы машин, в средство для ее деятельности. Знание выступает в системе машин как нечто чуждое рабочему, вне его находящееся, а живой труд выступает как подчиненный самостоятельно действующему овеществленному труду»⁶⁴.

В машинном производстве третий, вещественный момент простого понятия труда *положен* как главенствующий, «для себя сущий» субъект.

3. Целью капиталистического производства является приумножение богатства в его опять-таки *вещной* (товарно-денежной) форме. «Действительный производитель выступает как простое средство производства, а вещное богатство — как самоцель. Отсюда и развитие этого вещного богатства в противоположность человеку и за его счет»⁶⁵.

Сам по себе капитал — не вещь, и деньги тоже не вещи; то и другое суть общественные отношения господства вещей над людьми. Реальным содержанием этой отчужденно-вещной формы — как то всегда было и есть в истории человечества — выступает саморазвитие производительных сил труда.

Проблема определения форм капиталистической собственности остается открытой, поскольку ее история не завершена. Однако уже теперь можно указать по меньшей мере две достаточно чистые формы: классический буржуазный строй и государственный капитализм (социализм).

Мутация буржуазной экономики, вопреки пророчествам Маркса, продолжается по сей день, ее производительные силы неизмеримо выросли и темпы роста по-прежнему остаются высокими. В XX в. у «невидимой руки» рынка немалую часть работы (и власти) отняла «видимая рука» государства. На периферии капиталистического мира на свет появилась новая форма собственности, именовавшаяся социалистической.

Социализм начался с экспроприации средств производства в собственность государства. Экономическая субстанция капиталистической формации от этого ни на йоту не изменилась. Мечта Маркса «превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный»⁶⁶, сбылась с точностью до наоборот.

⁶⁴ Там же. С. 204–206.

⁶⁵ Там же. Т. 49. С. 92.

⁶⁶ Там же. Т. 19. С. 26.

В стране победившего пролетариата государство обратилось в *самодовлеющую машину*, сверхдержаву, ну а само общество — в ее живой придаток, в *коллективного пролетария*.

Вопреки иллюзиям социалистов, государственная монополия на средства производства ни в коей мере не упраздняет частную собственность. Напротив, возводит ее в степень всеобщности — создает, по выражению Маркса, «*всеобщую частную собственность*». Социалистическое государство есть не что иное, как «общественный капитал, *общество как всеобщий капиталист*»⁶⁷. При этом само же общество оказывается одновременно и в положении всеобщего пролетария. Процесс отчуждения собственности завершился, сделался абсолютным: отчуждение не распределяется больше между классами общества, но охватывает общество в целом, *in integrum*. *Реальный социализм есть абсолютный капитализм*.

Пролетарская революция устранила классовое неравенство людей, но отнюдь не сняла противоречие труда и собственности; напротив, каждый из его моментов получил форму всеобщности: теперь *каждый индивидум* является и работником, и собственником предметных условий труда. Отчуждение не распределяется внешним образом между двумя классами людей, а целиком смещается внутрь каждой отдельной личности. Это предельная, законченная форма отчуждения человеческого бытия: человек как рабочий противостоит *самому себе* как собственнику. Он подобен товару, находящемуся одновременно в двух взаимоисключающих стоимостных формах — относительной и эквивалентной.

Под давлением данного противоречия социалистическое общество расслаивается на тех, кто работает, и тех, кто распоряжается собственностью. Пролетарский вождь представляет в своем лице все общество как товар, заполучивший функцию денег, представляет собой все прочие товары в качестве «всеобщего эквивалента». Фетишизм товаров в социалистическом обществе сменяется *фетишизмом власти*: государственный культ личности и безличности (партии) одолел рыночный культ наличности.

Облачение частной собственности в противоположную ей форму собственности коллективной, общественной, можно назвать ее *социалистическим псевдоморфозом*. На деле государственная собственность была и осталась *частной*: своим существованием она обязана разделению труда. Во всех без исключения обществах буржуазной формации государство — крупнейший собственник. Социализм превращает государственную собственность в *монополию*, только и всего. С характерной

⁶⁷ «Das gemeinschaftliche Kapital, die *Gemeinschaft* als der allgemeine Kapitalist». (Werke. Bd. 40. S. 535.) В русском издании «Gemeinschaft» переведено как «община» (по-немецки «Gemeinde») — вероятно, с целью помешать советскому читателю понять природу своего общества «по Марксу». (Сочинения. Т. 42. С. 115.)

для монополии «тенденцией к загниванию» и вырождением гражданского общества в «скотный двор».

Частную собственность революциями и диктатурами не уничтожишь — лишь усугубишь. Пока сохраняется разделение труда, в мире пребудет и его «консеквент» — частная собственность. А разделение труда прекратится не раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых оно дает достаточно простора, и не раньше, чем разделенный труд создаст материальные условия для всестороннего развития личности.

Современные технологии труда требуют в основном работников узкого профиля, экономический спрос на универсалов все еще сравнительно невелик. Очевидно, разделенный труд (и, как следствие, частная собственность) еще надолго останется необходимым обществу. А с ним пребудет и государство — институт-посредник, связующий узких специалистов при помощи других столь же узких специалистов (в области управления). Другим, конкурирующим, посредником является рынок, институт саморегуляции товарно-денежных отношений. Балансом власти этих двух сверхличных посредников определяется форма капиталистической собственности. Принципы *laissez faire* и госплана суть два крайних полюса этой формы, а между ними — вся палитра экономической реальности, нейтральных либо тяготеющих к одной из полярностей экономик. Противоречие (отчуждение) труда и собственности при этом обостряется или же притупляется, но никак не снимается.

Коммунистическая формация

Саморазвитие капитала, как отмечает Маркс в «Grundrisse», чревато противоречием: капитал увеличивает себя за счет присвоения прибавочного рабочего времени и при этом всеми силами стремится свести затраты рабочего времени к минимуму посредством автоматизации производства. Замещая абстрактный труд рабочего конкретным всеобщим трудом ученых и инженеров, капитал осушает источник собственного существования. «Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством»⁶⁸.

Стало быть, могильщик капитала — он сам, а не пролетариат. Скорее, это капитал сведет пролетариев в могилу. Стимулируя развитие высоких технологий, капитал вытесняет непосредственный труд из общественного производства. Сокращение количественной доли непосредственного (абстрактного) труда ведет к тому, что и «качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду»⁶⁹.

⁶⁸ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 208.

⁶⁹ Там же. С. 207–208.

Убивая свое альтер эго — абстрактный труд, капитал, как Дориан Грей, совершает самоубийство. Освобожденная капиталом сила всеобщего труда — «силы науки и природы» — не вписывается в буржуазную форму собственности и в рыночную экономику вообще. Затраты всеобщего труда нельзя измерить в единицах рабочего времени; частная собственность на продукты такого труда — идеи, знания — в принципе невозможна, ибо знания неотчуждаемы: приобретая и обменивая идеи, человек не отбирает их у другого человека и не теряет сам; закон стоимости (обмена эквивалентов) и принцип соответствия спроса и предложения в мире идей не действуют, лишены всякого смысла. Рыночная экономика поэтому не в состоянии эффективно регулировать производство и обмен знаниями. Всеобщий труд разрушает основания рынка⁷⁰.

Товар «знание» вытесняет с рынка товар «рабочая сила». Пролетарий оказывается в *дефиците*, поэтому рабочая сила резко дорожает; капиталу приходится импортировать пролетариев из слаборазвитых стран либо самому перемещаться поближе к живому источнику своего бытия. Только ведь неиссякаемых источников не бывает...

Доля всеобщего труда в мировой экономике пока что не так уж велика — даже в самых технологически развитых странах мира она неохотно растет. Растет и сумма знаний, содержащаяся в каждом отдельном товаре; доля же абстрактного труда, наоборот, убывает. Рано или поздно настанет время, когда всеобщий труд сведет затраты труда абстрактного к исчезающе малой величине. Этот день, по-видимому, станет для рыночной экономики последним. Ее всемирно-историческая миссия — удовлетворение материальных потребностей человека — окажется выполненной, а для удовлетворения потребности в знаниях рынок людям не нужен, попросту бесполезен.

1. Итак, в последней экономической формации всемирной истории на первый план выдвигается *знание и разум, духовный труд* (последний, четвертый момент субстанции). История формообразования труда возвращается, в конце концов, в свое основание — к человеку. Это уже не тот физический субъект, что некогда положил начало истории, но субъект мыслящий, *homo intellegens* (человек знающий, «интеллигентный»).

Духовный труд Маркс называл «всеобщим», противопоставляя его труду частному и абстрактно-всеобщему. Субъект всеобщего труда «выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»⁷¹. В капиталистическом производстве впер-

⁷⁰ Подробнее см.: *Майданский А. Д.* Векторы и контуры общества знаний // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 2. С. 4–12.

⁷¹ *Маркс К.* Сочинения. Т. 46. Ч. II. С. 110.

вые в истории «всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] стало непосредственно производительной силой»⁷²; в коммунистической формации знанию предстоит стать *единственной* производительной силой и всеобщей формой собственности на условия труда.

Всю свою историю человечество приобретало и накапливало разнообразные знания. Однако никогда прежде знания и поставщики знаний, ученые, не управляли общественными делами. Да и качество имевшихся в распоряжении человечества знаний не позволяло эффективно справляться с такой задачей. В наше время уже очевидно, что человечество движется к *обществу знаний*. Знание — тот «ген», из которого разовьются не только новые технологии труда, но и совершенно новые формы отношений между людьми.

Труд ума несет на себе печать всеобщности и остается по сути своей коллективным, даже если ты трудишься в полном одиночестве⁷³. Если верна аксиома материалистического понимания истории, глящая, что отношения собственности должны соответствовать характеру труда, то в обществе знаний на смену частной собственности придет *собственность коллективная, непосредственно общественная*. Именно такая форма собственности адекватна всеобщему труду, конкретно-всеобщему характеру умственного труда.

Чужая идея, как только ты ее понял, становится твоей собственной, переходит в твою личную и неотъемлемую собственность. И каждый мыслитель стремится сделать свои идеи общими для всех людей. В мире идей, знаний граница между «моим» и «чужим» не более чем условность. *Личная потребность* в тех или иных знаниях определяет характер их усвоения и присвоения. Здесь всегда, во все времена действовал коммунистический принцип «каждому по потребностям».

Распространение этой прирожденной духу общественной формы собственности на материальные условия и продукты труда станет возможным, когда в самом процессе труда конкретно-всеобщее возобладает над частным, абстрактным. Когда творческий труд *сведет на нет* труд механический, стереотипный и монотонный, заменив его действием иных сил природы. Не раньше.

Труд и собственность снова должны совпасть, слиться, но теперь уже на созданной самим трудом, общественно-культурной, а не естественно-природной основе. Работнику снова предстоит сделаться собственником предметных условий своего труда.

⁷² Там же. С. 216.

⁷³ «Что такое я сам? Что я сделал? — вопрошал себя Гёте. — Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, наблюдал. Мои сочинения вскормлены тысячами разных индивидов, невеждами и мудрецами, умными и глупцами... Я часто снимал жатву, посеянную другими, мой труд — труд коллективного существа, и носит он имя Гёте». (*Гёте И. В.* Избранные философские произведения. М., 1964. С. 377.)

2. Орудия труда в экономике коммунистической формации действуют автоматически, они исключают «непосредственный труд» и более не зависят от физической рабочей силы человека. В компьютерный век куда легче, чем во времена Маркса, поверить в возможность тотальной автоматизации производства.

Автоматом Маркс называл машину, которая «сама себя приводит в движение», в то время как на долю человека остается деятельность «контролера и регулировщика». Он не мог еще, конечно, представить себе машину, которая сама себя контролирует и регулирует при помощи вычислительных устройств. В отношении к такому автомату человек — только *программист*.

Утописты хотели поставить на службу человеку социальные «мегамашины» — государство и рынок. Им казалось, что для этого достаточно политической воли партии и /или класса, какой-нибудь пролетарской диктатуры. Маркс, в отличие от Фурье и Прудона, признавал, что человеческой воле не удастся подчинить себе рынок — в силу имманентно присущей рынку анархии. Теоретики анархизма, в отличие от Мора и Маркса, понимали, что и государство сознательной регуляции неподвластно. Обе эти *машины отчуждения* поддаются программированию не более, чем каменный топор. Люди могут в лучшем случае корректировать «самодеятельность» государства и рынка. А вот сами люди, личности, программированию поддаются отлично. Государство и рынок с успехом уже не одно тысячелетие заставляют людей служить своим *сверхличным* интересам. Что и будет продолжаться до тех пор, пока их не вытеснят из общественной жизни *свободно управляемые* машины — программируемые автоматы, созданные всеобщим трудом. Машины, в которых личность впервые в истории сможет стать не винтиком, а творцом, «программистом». Информатика — азбука коммунизма.

3. Экономической целью труда в коммунистической формации является *развитие человеческой личности* — «богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека», по описанию молодого Маркса⁷⁴. Субъект процесса труда — человеческая личность — оказывается здесь и конечной целью этого процесса. Круг истории труда замыкается.

Коммунизм для Маркса есть процесс «обратного присвоения, отвоевания» человеком своей предметной сущности, противостоящей ему в форме капитала. Не ликвидация частной собственности на условия труда, как того требовали идеологи прежнего, уравнительного коммунизма, но превращение всего накопленного частной собственностью «капитала» культуры в *личную, персональную* собственность каждого человека (Э. В. Ильенков).

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 123.

И в зрелые годы Маркс по-прежнему видит миссию коммунистического движения в формировании «богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве, и в своем потреблении»⁷⁵. Корни этого идеала гармоничной личности — умной, доброй, здоровой, трудолюбивой и с тонким чувством прекрасного — следует искать в трудах гуманистов эпохи Возрождения и еще глубже — в античной классике. Там же первоисток и коммунистической идеи сообщества свободных людей-творцов, и идеи свободного времени как условия подлинно человеческой жизнедеятельности — «досуга и вместе с тем времени для высшей деятельности»⁷⁶.

В этом смысле ««коммунизм» есть историческое обещание античной мечты свободного человека, — как метко сказал Биргер Приддат в сборнике с не менее красноречивым названием — «Коммунистический индивидуализм Карла Маркса»⁷⁷.

В свободном обществе труд превратится в совместную (*gemeinschaftliche*) творческую самодеятельность и «экспериментальную науку»; богатство такого общества будет измеряться величиной свободного времени — «времени для свободного развития» человеческой личности. В созидаании свободного времени Маркс видит и «главное назначение капитала»⁷⁸.

Маркс высоко ценил и любил цитировать слова анонимного автора памфлета «Исток и лекарство от национальных трудностей» (1821): богатство общества есть свободное время, и ничто более. Иногда Маркс пишет то же самое своими словами, а иногда — что «действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов»⁷⁹, и свободное время есть *мера* этого богатства.

Меж тем производительная сила *всеобщего труда*, безусловно, не может быть измерена временем — ни рабочим, ни даже свободным. Всеобщий труд производит знания, идеи, ну а идеи — вечны (теорема Платона) и выражают природу вещей «под формой вечности» (теорема Спинозы). Время — физическая категория, это мера процессов материальных. Всеобщий научный труд есть процесс идеальный, духовный. Возьмите «Капитал» Маркса или любой другой научный труд и попытайтесь оценить величину заключенного в нем богатства в единицах времени. С тем же успехом вы можете измерять глубину мысли в битах.

Правильнее было бы сказать, что свободное время — *предпосылка* развития производительной силы всех и каждого человека. Абсолютно необходимая, но далеко не достаточная. Освобождение времени предо-

⁷⁵ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 281.

⁷⁶ «Die freie Zeit, die sowohl Mußzeit als Zeit für höhere Tätigkeit». (Werke. Bd. 42. S. 607.)

⁷⁷ «Der „Kommunismus“ ist die geschichtliche Versprechung eines antiken Traumes des müßigen Menschen». (Priddat B. P. «Reiche Individualität» — Karl Marx' Kommunismus als Konzeption der «freien Zeit für freie Entwicklung» // Karl Marx' kommunistischer Individualismus. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. S. 129.)

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II. С. 509.

⁷⁹ Там же. С. 217.

ставляет личности лишь *абстрактную возможность* развития. Потратит она свободное время с пользой для себя или просто убьет его либо употребит во вред себе и обществу — бывает по-разному. Наличие свободного времени «открывает простор для свободной деятельности и развития»⁸⁰ и равным образом простор для безделья, пустых развлечений и злодеяний. Чем ниже культура личности, тем большую опасность представляет для нее и для всего общества избыток свободного времени.

Всеобщий труд питается свободным временем, заполняя его «интенсивнейшим напряжением» духа и тела; тем самым он превращает свободное время в рабочее и наоборот, практически *снимая само различие* времени свободного и рабочего. Только так и может произойти реальное снятие разделения труда.

В «Grundrisse» Маркс размышлял о необходимости «уничтожения противоположности между свободным временем и рабочим временем»⁸¹ и фактически решил эту проблему, пусть и не сформулировал это решение с надлежащей теоретической прямоотой. От примитивного решения проблемы разделения труда, предложенного некогда авторами «Немецкой идеологии», в «Grundrisse» не осталось и следа. Простая перемена видов деятельности — с утра ловил рыбу, днем пасу скот, а «после ужина предамся критике» — Маркса уже не удовлетворяет. Сам процесс труда должен претерпеть радикальное изменение. Силы природы должны заступить место рабочей силы пролетария, «прекратив такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»⁸². Иначе говоря, до тех пор, пока в общественном производстве сохраняется вещный, нетворческий труд, разделение труда снять нельзя — попросту невозможно. А значит, и отношения между людьми останутся вещными, товарно-денежными, и не исчезнет власть вещей над людьми, а овеществленного труда — над живым.

Частная собственность уступит свое место общественной не раньше, чем завершится революция производительных сил, благодаря которой на долю человека останется сугубо индивидуальная, творческая деятельность, а все механические операции превратятся в дело техники. До тех пор пока в силу несовершенства технологий труда люди вынуждены заниматься тем, что в принципе могут делать и вещи, живой человеческий труд пребудет во власти овеществленного труда, капитала. И человеческая личность, увы, останется лишь служанкой созданных ею вещей.

Разделение труда приносит человечеству великую пользу, расслаивая процесс производства на абстрактную, механическую и — конкретную, творческую деятельность, благодаря чему перед человеком открывается возможность передать всю механическую работу авто-

⁸⁰ Там же. Т. 26. Ч. III. С. 264.

⁸¹ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 509.

⁸² Там же. Т. 46. Ч. I. С. 280.

матической технике и силам природы, сохранив за собой сугубо всеобщий, творческий труд. А вместе с этим исчезнет, сотрется граница между свободным и рабочим временем, ибо это разделение времени надвое есть прямое следствие разделения труда. *Все* мое время становится свободным, включая и ту его часть, которую я отдаю труду, коль скоро сам труд превращается в способ творческой самореализации моей личности. Всеобщий труд не только сберегает рабочее время, но и освобождает его — делает человека свободным *во время* труда, превращая сам процесс труда в наслаждение, если не в смысл жизни. Такой труд создает не только полезные вещи, но и ту самую «богатую индивидуальность», которая является целью общественного производства коммунистической формации.

Знаменитое рассуждение Маркса о материальном производстве как «царстве необходимости», где человек несвободен *der Natur der Sache* («по природе вещей») ⁸³, не имеет ничего общего с диалектикой. С чего бы это свобода и необходимость разбрелись по разным царствам? В таком случае *разделение труда* на свободный и необходимый оказывается извечным и неустрашимым. Не свобода *от* необходимости или *по ту сторону* необходимости, но *свободная необходимость*, *libera necessitas* (Спиноза) — такова формула диалектики. Необходимый труд должен сделать себя свободным, а свободный — сделаться необходимостью, внутренней потребностью и смыслом жизни каждого человека.

Понятие свободы «по ту сторону» необходимости не в ладах и с материализмом. Где она обретается, эта потусторонняя свобода? В сфере материального производства человек обречен остаться навеки скованным нуждой и внешней целесообразностью — остается предположить, что «истинным царством свободы» Маркс именуется сферу духа, общественного сознания. Лишь тут развитие человека является самоцелью, в то время как в экономике наша свобода сводится к «общему контролю» и «наименьшей затрате сил». Похоже, сознание оказывается чем-то много большим, нежели просто осознанным бытием...

А ведь в молодости Маркс видел в материальном производстве *родовую жизнь* людей, «самодеятельность, свободную деятельность» (*die*

⁸³ «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе». (Там же. Т. 25. Ч. II. С. 386–387.)

Selbsttätigkeit, die freie Tätigkeit), которую отчуждение труда принижает «до степени простого средства, тем самым превращая родовую жизнь человека в средство для поддержания его физического существования»⁸⁴. Нигде в его «Парижских рукописях» нет и следа отношения к материальному производству как к низшей сфере человеческого бытия, лежащей вне, по ту сторону истинного царства свободы.

Собственно говоря, сам Маркс и показал, как возможна в экономике истинная свобода: для этого непосредственный процесс производства надлежит превратить в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку»⁸⁵. Организация производственного процесса должна стать *научным экспериментом*, который в случае успеха продолжается уже автоматически. Тем самым всеобщий труд практически освобождает рабочее время, преобразуя материальное производство в прикладную науку — царство *свободной* необходимости.

Логично предположить, что и управление экономикой перейдет при этом от «невидимой руки» рынка, денег и безличных структур государства к людям науки и подчинится их *разуму и знаниям* подобно явлениям внешней природы.

V

Подведем итоги. Ориентируясь на простое понятие труда, мы нашли четыре экономические формации, каждая из которых *полагает* один из моментов субстанции труда в качестве господствующего отношения людей в общественном производстве. Для каждой формации мы определили особое, для нее характерное отношение труда и собственности (непосредственное тождество — противоположность — противоречие — конкретное тождество), специфический тип орудий труда (телесные — человеческие — механические — автоматические) и высшую экономическую цель (производство тела — власти — товаров — знаний). Как мы имели случай убедиться, характер отношений собственности, орудий и цели труда в каждой экономической формации прямо и непосредственно определяется общей структурой труда и изменяется в соответствии с логической последовательностью моментов субстанции труда. Наконец, мы показали в самых общих чертах, как и почему происходит смена формаций.

При выборе аксиоматики и метода исследования мы равнялись на труды Маркса и вообще многое заимствовали в его исторической теории — вплоть до наименований экономических формаций. Даже критикуя Маркса, мы руководствовались его собственным практическим материалистическим и диалектическими принципами.

В свете проведенной нами дедукции экономических формаций требует уточнения известная триада Маркса: «личная зависимость — вещная

⁸⁴ Там же. Т. 42. С. 94.

⁸⁵ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 221.

зависимость — свободная индивидуальность». Отношениям личной зависимости человека от человека исторически предшествовала *естественная зависимость* человека от природных условий труда (включая и общину как данную от природы форму связи людей). Лучше всех это показал сам Маркс.

В обществах архаической формации людьми еще правит природа; в экономике вторичной формации одни люди правят другими, принуждая трудиться; в капиталистической экономике вещи правят людьми; коммунистический человек управляет собою сам при помощи разума и знаний. Трудиться его побуждают не природные потребности, не воля других людей, не сверхличные (вещные) силы рынка и государства, но его личная, внутренняя потребность в труде.

С превращением «человека физического» в «человека разумного» экономическая субстанция всемирной истории вся целиком выступила наружу, *положив* себя в качестве практически истинной абстракции. Каждый из ее четырех моментов оставил в истории свой «оформленный отпечаток»⁸⁶. Сняты все исторические преграды для свободного течения труда от одной всеобщей его формы к другой, и выяснилось, что простой логический чертеж субстанции труда передает общие контуры высшей формации человеческой истории. «Все определения робинзоновского труда [то есть абстрактные общие определения труда, безразличные к его историческим формам. — А. М.] повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе»⁸⁷.

Труд, завершивший цикл исторического возвращения к своему субъекту через полное отчуждение и овеществление, можно определить как *абсолютный труд*. Он выковал форму собственности, адекватную его простому понятию, и, тем самым, сделался свободным. Мы не знаем и не станем угадывать, каковы могут быть конкретные исторические формы этой общественной собственности. Так или иначе, ее идеальная кристаллическая решетка, образуемая четырьмя моментами субстанции труда, сумеет придать веществу человеческой истории надлежащую форму.

Уже на заре цивилизации, вызвав к жизни теоретическое знание — науку, труд обрел наивысшую, конкретно-всеобщую форму своего бытия. Полный и окончательный триумф науки в сфере материального производства исчерпает возможности формообразования субстанции труда, сняв отчуждение труда от человеческой личности и покончив с его разделением на труд материальный и духовный, необходимый и свободный. С прекращением коллизии труда и собственности завершится *материальный пролог* его «восхождения к конкретному». Мировая история продолжится уже в ином, *идеальном* плане, в эфире научного знания. Но это уже совсем другая история.

⁸⁶ Термин «Феноменологии духа»: *gestalteten Abdruck*.

⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 88.

Итальянский исследователь творчества Маркса Марчелло Мусто работал в архиве Маркса в Международном институте социальной истории и принял участие в проекте издания MEGA², полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, в Берлин-Бранденбургской Академии наук. На сегодняшний день увидели свет 56 из 114 томов, включая 16 томов со времени возобновления проекта в 1998 г. Под редакцией Мусто вышли два тома исследований о Марксе (*Sulle tracce di un fantasma. L'opera di Karl Marx tra filologia e filosofia*. Roma: Manifestolibri, 2005; *Karl Marx's Grundrisse. Foundations of the critique of political economy 150 years later*. London, New York: Routledge, 2008) и антология «Карл Маркс. Отчуждение» (*Karl Marx. L'alienazione*. Roma: Donzelli, 2010).

Мы предлагаем читателю отрывок из статьи М. Мусто, повествующий о проекте MEGA² и последних томах сочинений Маркса, и в дополнение — интервью, взятое у него В. Ойттиненом и А. Майданским.

Оригинал статьи: *Musto M. The Rediscovery of Karl Marx // International Review of Social History*. 2007. Vol. 52. No. 3. S. 477–498.

Открывая заново Карла Маркса

Первое издание полного собрания сочинений *Marx Engels Gesamtausgabe* (MEGA) началось лишь в 1920-х гг. по инициативе Давида Борисовича Рязанова, директора Института Маркса–Энгельса в Москве. Это предприятие застопорилось, однако, вследствие бурных событий международного рабочего движения, которое часто скорее препятствовало, чем благоприятствовало публикации MEGA. Сталинские чистки в Советском Союзе, коснувшиеся и ученых, которые работали над проектом, а также подъем фашизма в Германии привели к скорому прекращению издания¹.

Ранние произведения были опубликованы в MEGA еще в 1927 г. («Критика гегелевской философии права») и в 1932 г. («Экономическо-философские рукописи 1844 г.» и «Немецкая идеология»). Как ранее второй и третий тома «Капитала», они были изданы так, будто это законченные работы, что впоследствии послужило источником бесчисленных недоразумений в комментариях. Позднее еще некоторые важные подготовительные работы для «Капитала» (в 1933 г. рукопись главы 6 «Капитала» — «Результаты непосредственного процесса производства», между 1939 и 1941 гг. — «Очерки критики политической экономии», более известные как «Grundrisse») были напечатаны в виде препринта ограниченным тиражом. В дальнейшем эти прежде не публиковавшиеся сочинения (как и те, которые за ними последуют, когда рассеются опасения, что они могли бы подорвать господствующий идеологический канон) были снабжены комментариями, сформированными с политическими нуждами и предписывавшими такие толкования, кото-

¹ Рязанов был уволен и отправлен в ссылку в 1931 г., а издание было прервано в 1935 г. Из 42 запланированных томов были напечатаны лишь 12 (в 13 книгах). См.: *Marx & Engels. Historisch-kritische Gesamtausgabe. Werke, Schriften, Briefe* / Под руков. Института Маркса–Энгельса (в 1933 г. переименован в Институт Маркса–Энгельса–Ленина) в Москве.; ред. Давид Рязанов (с 1932 г. — Владимир Адоратский). Frankfurt am Main [etc.], 1927–1935.

рые, как предполагалось, исключали бы глубокую, всестороннюю переоценку трудов Маркса.

Первое издание собрания сочинений на русском языке было завершено между 1928 и 1947 гг. Хотя оно включало лишь часть трудов, в то время 28 томов (в 33 книгах) были наиболее полным собранием сочинений Маркса и Энгельса. Второе издание сочинений на языке оригинала появилось между 1956 и 1968 гг. в ГДР по инициативе ЦК СДПГ: *Marx Engels Werke* (MEW) содержали всего 41 том в 43 книгах. Издание было далеким от полноты², к тому же его ценность снижалась введениями и примечаниями, наставлявшими читателя в духе марксистско-ленинской идеологии, по образцу советского издания.

Проект второго MEGA, задуманный как добросовестное воспроизведение с обширным справочным аппаратом всех сочинений двух мыслителей, зародился в 1960-е гг. Но и это издание, начатое в 1975 г., также прервалось, на сей раз из-за событий 1989 г. В 1990 г. с целью продолжения этого издания Международный институт социальной истории (Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis) в Амстердаме и Дом Карла Маркса (Karl Marx Haus) в Трире образовали Международный фонд Маркса — Энгельса (Internationale Marx-Engels-Stiftung, IMES). После трудной фазы реорганизации, в ходе которой были утверждены новые принципы издания и издательство Akademie Verlag заняло место Dietz Verlag, публикация так называемого MEGA² началась в 1998 г.

Вопреки предсказаниям грядущего забвения Маркса с начала столетия к нему вернулось внимание международного научного сообщества. Многие вновь заявили о ценности его идей, в библиотеках Европы, Соединенных Штатов и Японии сдувается пыль с его книг. Одним из наиболее важных примеров этого повторного открытия как раз и является возобновление MEGA². Весь проект, в котором приняли участие представители разных научных дисциплин из многих стран мира, состоит из четырех отделов: первый охватывает все книги, статьи и черновики, кроме «Капитала»; второй включает «Капитал» и предваряющие его исследования, начиная с 1857 г.; третий отведен переписке; ну а четвертый — выпискам, аннотациям и маргиналиям. Каждый из 114 томов состоит из двух книг: текст плюс справочный аппарат, содержащий индексы и множество примечаний³. Данное предприятие чрезвычайно важно, учитывая, что большая часть рукописей Маркса, его обширной переписки и огромной горы выписок и аннотаций, которые он по привычке делал во время чтения книг, никогда ранее не публиковалась.

² Оно не включало, например, «Экономическо-философские рукописи 1944 г.» или «Grundrisse», которые были добавлены позднее. Несмотря на это, многие аналогичные издания на других языках основывались на MEW. Репринт этого издания начался в 2006 г.

³ Детальная информация по MEGA² доступна на сайте: www.bbaw.de/vs/mega.

Усилия издателей MEGA² принесли значительные результаты во всех четырех отделах. В первом работа возобновилась публикацией двух новых томов. Том «Karl Marx – Friedrich Engels, *Werke, Artikel, Entwürfe. Januar bis Dezember 1855*»⁴ включает 200 статей и черновиков, написанных обоими авторами в 1855 г. для газет «New York Tribune» и «Neue Oder-Zeitung» в Бреслау. Наряду с комплексом лучше известных работ, связанных с политикой и европейской дипломатией, размышлениями о международной экономической конъюнктуре и Крымской войне, издатели сочли возможным добавить еще 21 текст, опубликованный анонимно в американской газете, установив авторство Маркса. Другой том, «Friedrich Engels, *Werke, Artikel, Entwürfe. Oktober 1886 bis Februar 1891*»⁵, представляет часть работ позднего Энгельса. В нем чередуются проекты и заметки. Среди них – рукопись «*Rolle der Gewalt in der Geschichte*» без правки Бернштейна, отредактировавшего ее первое издание, а также адреса организаций рабочего движения и предисловия к переизданиям уже опубликованных работ. Среди последних особый интерес представляют «*Die auswärtige Politik des russischen Zarentums*», история двух столетий российской внешней политики, появившаяся в «*Die Neue Zeit*», но впоследствии попавшая под сталинский запрет в 1934 г., и «*Juristen-Sozialismus*», написанная совместно с Каутским, чье авторство отдельных частей реконструировано впервые.

Далее, весьма интересен первый выпуск ежегодника «*Marx-Engels-Jahrbuch*» – новой серии, публикуемой IMES, целиком посвященный «Немецкой идеологии»⁶. Эта книга, предвосхищая том I/5 MEGA², включает страницы Маркса и Энгельса, относящиеся к рукописям «I. Фейербах» и «II. Святой Бруно». Семь манускриптов, переживших «грызущую критику мышей»⁷, собраны как независимые тексты в хронологическом порядке. Из этого издания можно получить ясное представление о неоднородном характере работы. Следовательно, появляются новые и определенные основания для достоверной научной реконструкции формирования теории Маркса. «Немецкой идеологии», до сих пор считавшейся исчерпывающим изложением материалистической концепции Маркса, теперь возвращена фрагментарность оригинала.

Исследования во втором отделе MEGA², «*„Das Kapital“ und Vorarbeiten*», в последние годы сосредоточены на второй и третьей книгах «Капитала». Том «Karl Marx, *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Zweites*

⁴ MEGA² I / 14, H.-J. Bochinski and M. Hundt (eds.). Berlin, 2001.

⁵ MEGA² I / 31, R. Merkel-Melis (eds.). Berlin, 2002.

⁶ Karl Marx und Friedrich Engels und Joseph Weydemeyer. Die deutsche Ideologie. Artikel, Druckvorlagen, Entwürfe, Reinschriftenfragmente und Notizen zu, I. Feuerbach' und, II. Sankt Bruno. Marx-Engels-Jahrbuch 2003 (Berlin, 2004).

⁷ Karl Marx, Zur Kritik der politischen Ökonomie, Erstes Heft, MEGA² II / 2 (Berlin, 1980). S. 102.

Buch. Redaktionsmanuskript von Friedrich Engels 1884/1885»⁸ содержит тексты второй книги, составленной Энгельсом на основе семи рукописей разного объема, написанных Марксом между 1865 и 1881 гг. Энгельс, на самом деле, получил от Маркса много разных версий второй книги, но без указаний, в каком порядке они должны быть опубликованы. Вместо этого он обнаружил «небрежный стиль, фамильярные, часто грубо-юмористические выражения и обороты, английские и французские технические названия, часто целые фразы и даже страницы по-английски; это — запись мыслей в той форме, в какой они в том или ином случае развивались в голове автора. Наряду с отдельными обстоятельно изложенными частями другие, не менее важные, только намечены; фактический материал для иллюстраций собран, но едва сгруппирован, не говоря уже об обработке; в конце главы, стремясь быстрее перейти к следующей, Маркс часто ставил лишь несколько отрывочных фраз, намечающих развитие мысли, оставленное здесь незаконченным»⁹.

Таким образом, Энгельс вынужден был принимать определяющие редакторские решения. По самым последним филологическим данным, насчитывается около пяти тысяч редакторских вмешательств Энгельса в текст, что гораздо больше, нежели предполагалось ранее. Среди них — добавления и купюры абзацев в тексте, изменения его структуры, вставка заголовков параграфов, замена понятий, переработка некоторых формулировок Маркса и переводы слов, приведенных на других языках. Отданный в печать текст сложился только к концу работы. Этот том, следовательно, позволяет нам восстановить весь процесс отбора, составления и исправления рукописей Маркса и установить места, в которые Энгельс внес наиболее существенные изменения, вместо того чтобы отдать дань уважения рукописям Маркса, каковые, повторим еще раз, действительно не представляют собой окончательной версии исследования.

Третья книга «Капитала»¹⁰ — единственный том, которому Маркс не успел придать хотя бы приблизительной формы, — претерпела еще более сложные издательские интервенции. В предисловии к ней Энгельс подчеркивает, что текст представлял собой «один первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами. Как правило, начало каждого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отшлифовано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи, тем больше было экскурсов по поводу возникавших в ходе исследования

⁸ MEGA² II / 12, I. Omura, K. Hayasaka, R. Hecker, A. Miyakawa, S. Ohno, S. Shibata and R. Yatuyanagi (eds.). Berlin, 2005.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 24. С. 3.

¹⁰ MEGA² II / 15, R. Roth, E. Kopf, and C. E. Vollgraf (eds.). Berlin, 2004.

побочных вопросов, причем работа по окончательному расположению материала откладывалась до позднейшего времени»¹¹.

Таким образом, напряженная редакторская работа Энгельса, на которую он тратил свои основные силы в долгий период между 1885 и 1894 гг., проделала путь от наброска текста, составленного из мыслей, записанных *in statu nascendi*¹², и предварительных заметок, к цельному тексту, создающему впечатление законченной и систематичной экономической теории.

Это становится особенно явным после знакомства с томом «Karl Marx – Friedrich Engels, *Manuskripte und redaktionelle Texte zum dritten Buch des Kapitals*»¹³. Он содержит последние шесть рукописей Маркса, относящихся к третьей книге «Капитала», написанной между 1871 и 1882 гг. Наиболее важен из них большой раздел «Отношение между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, развитое математически» (1875), а также тексты, добавленные Энгельсом во время редактирования. Последние весьма четко демонстрируют характер подготовки публикации. 45 текстов из 51 в этом томе публикуются впервые, что является еще одним свидетельством ценности данной книги. Приближающееся завершение второй секции позволит, наконец, критически оценить состояние оригиналов, оставленных Марксом, а также масштаб и границы редакторской правки Энгельса.

В третьем отделе MEGA², «*Briefwechsel*», собраны письма, которыми Маркс и Энгельс обменивались на протяжении жизни друг с другом и с бесчисленными корреспондентами, с которыми поддерживали контакты. Найдено более четырех тысяч писем, написанных Марксом и Энгельсом (две с половиной тысячи — между ними самими), и еще десять тысяч адресованных им другими лицами, в основной своей массе не публиковавшихся до MEGA². Получены также достоверные свидетельства о еще шести тысячах писем, которые не сохранились. Эти четыре новых тома позволяют нам заново оценить важные фазы интеллектуальной биографии Маркса в свете его переписки.

Историческим фоном писем, собранных в «Karl Marx – Friedrich Engels, *Briefwechsel Januar 1858 bis August 1859*»¹⁴, была экономическая рецессия 1857 г. Она вновь разожгла в Марксе надежду на подъем революционного движения, после декады отступления, начавшейся с поражения 1848 г.: «Кризис хорошо порыл, как славный старый крот»¹⁵. В этом ожидании он черпал новую энергию для интеллектуальной работы и стимул для разработки основ экономической теории «до начала потопа», который, вопреки его надеждам, опять не случился. Имен-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. I. С. 4.

¹² В момент зарождения (*лат.*). Слова Энгельса, *loc. cit.*

¹³ MEGA² II / 14, C. E. Vollgraf and R. Roth (eds.). Berlin, 2003.

¹⁴ MEGA² III / 9, V. Morozova, M. Uzar, E. Vashchenko, and J. Rojahn (eds.). Berlin, 2003.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 29. С. 233.

но в этот период Маркс пишет последние тетради своих «Grundrisse» и принимает решение напечатать свой труд брошюрами. Первая из них, опубликованная в июне 1859 г., была озаглавлена «К критике политической экономии». В его личной жизни это — фаза глубочайшей нищеты: «Не думаю, что кто-то когда-либо писал о деньгах, пребывая в таком безденежье»¹⁶. Второй брошюре не суждено было увидеть свет. Следующая экономическая работа выйдет лишь в 1867 г. — в год, когда он отдаст первый том «Капитала» в печать.

Тома «Karl Marx — Friedrich Engels, *Briefwechsel September 1859 bis Mai 1860*»¹⁷ и «Karl Marx — Friedrich Engels, *Briefwechsel Juni 1860 bis Dezember 1861*»¹⁸ содержат переписку, относящуюся к запутанному делу с публикацией *Herr Vogt* и жарким дебатам между Фогтом и Марксом. <...>

Главная тема тома «Karl Marx — Friedrich Engels, *Briefwechsel Oktober 1864 bis Dezember 1865*»¹⁹ — политическая деятельность Маркса в Международном товариществе рабочих, основанном в Лондоне 28 сентября 1864 г. Письма запечатлели действия Маркса в начальный период существования организации, в течение которого он быстро стал играть главную роль, и его попытку сочетать эти внешние обязанности, к которым он вернулся после шестнадцатилетнего перерыва, с научной работой. Среди прочих вопросов обсуждалась функция профсоюзов, важность которых он подчеркивал, в то же время выступая против Лассалья и его предложения образовать кооперативы, финансируемые Прусским государством: «Либо рабочий класс революционен, либо он ничто»²⁰. Полемика против оуэниста Джона Уэстона отражена в цикле работ, изданных посмертно в 1898 г. под общим заглавием «Стоимость, цена и прибыль». В том вошли также размышления о гражданской войне в Соединенных Штатах и памфлет Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия».

Новизна историко-критического издания заметна также в четвертом разделе — «*Exzerpte, Notizen, Marginalien*». Он содержит многочисленные конспекты и исследовательские заметки Маркса, служащие впечатляющим свидетельством проделанной им колоссальной работы. С университетских лет он на всю жизнь приобрел привычку делать тетрадные выписки из читаемых книг, зачастую перемежая их размышлениями, к которым они его побуждали. *Nachlaß* Маркса состоит примерно из 200 тетрадей конспектов. Они существенны для понимания генезиса его теории и тех ее частей, которые у него не нашлось возможности развить так, как ему того хотелось. Сохранившиеся выпис-

¹⁶ Karl Marx to Friedrich Engels, 21 January 1859, MEGA² III / 9. S. 277.

¹⁷ MEGA² III / 10, G. Golovina, T. Gioeva, J. Vasin, and R. Dlubek (eds.). Berlin, 2000.

¹⁸ MEGA² III / 11, R. Dlubek and V. Morozova (eds.). Berlin, 2005.

¹⁹ MEGA² III / 13, S. Gavril'chenko, I. Osobova, O. Koroleva, and R. Dlubek (eds.). Berlin, 2002.

²⁰ Karl Marx to Johann Baptist von Schweitzer. 13 February 1865. Ibid. S. 236.

ки, покрывающие длинный период времени, с 1838 по 1882 г., на восьми языках — немецком, древнегреческом, латинском, французском, английском, итальянском, испанском и русском, — охватывают широчайший круг дисциплин. Они черпались из текстов по философии, искусству, религии, политике, юриспруденции, литературе, истории, политической экономии, международным отношениям, технике, математике, физиологии, геологии, минералогии, этнологии, химии и физике, равно как и из газетных и журнальных статей, парламентских отчетов, статистики, правительственных документов, среди которых знаменитые «Синие книги», в частности «Отчеты фабричных инспекторов», содержавшие данные огромной важности для его исследований. Эти необъятные залежи знаний, большей частью все еще не опубликованные, были стройплощадкой критической теории Маркса. Четвертый отдел MEGA², рассчитанный на 32 тома, впервые обеспечит к ним доступ.

Четыре тома недавно вышли в свет. «Karl Marx, *Exzerpte und Notizen Sommer 1844 bis Anfang 1847*»²¹ включает восемь тетрадей выписок, сделанных Марксом между летом 1844 г. и декабрем 1845 г. Первые две относятся ко времени его пребывания в Париже и следуют сразу за «Экономическо-философскими рукописями 1844 года». Остальные шесть написаны в следующем году в Брюсселе, куда он приехал после изгнания из Парижа, и в Англии, где он находился в течение июля и августа. В этих тетрадях — следы начального ознакомления Маркса с политической экономией и его первые собственные разработки в области экономической теории. Это ясно прослеживается по его выпискам из учебников политической экономии Шторха и Росси, а также из Буагильбера, Лодердейла, Сисмонди и, в части инженерного дела и мануфактурной техники, из Баббеджа и Юра. При сравнении этих тетрадей с работами того периода становится очевидным и бесспорным влияние этих чтений на развитие его идей. Весь массив этих заметок, с исторической реконструкцией их происхождения, показывает прогресс и сложность критической мысли Маркса в ходе напряженной работы. Далее в книге помещены знаменитые «Тезисы о Фейербахе».

Том «Karl Marx — Friedrich Engels, *Exzerpte und Notizen September 1853 bis Januar 1855*»²² содержит девять обширных тетрадей выписок, составленных Марксом преимущественно в 1854 г. Они написаны в тот же период, когда он опубликовал ряд важных статей в «Нью-Йорк Трибьюн». В четырех тетрадях — аннотации по истории дипломатии, главным образом из текстов историков Фэмина и Фрэнсиса, правоведа и немецкого дипломата фон Мартенса, политика-консерватора Уркварта, а также из «Переписки о положении дел в Леванте» и «Парламентских дебатов Хансарда». Остальные пять — из сочинений Шатобриана, испанского писателя де Ховельяноса, испанского генерала Сан-Мигеля и его прия-

²¹ MEGA² IV / 3, G. Bagaturija, L. Curbanov, O. Koroleva, and L. Vasina (eds.). Berlin, 1998.

²² MEGA² IV / 12, M. Neuhaus and C. Reichel (eds.). Berlin, 2007.

теля-земляка де Марлиани; есть и многие другие авторы, занимавшиеся исключительно Испанией, из чего видно, как глубоко Маркс изучал ее социальную и политическую историю и культуру. Далее, особый интерес вызывают заметки на «*Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du Tiers État*» Огюстена Тьерри. Все эти заметки очень важны, потому что они открывают источники, из которых черпал Маркс, и позволяют понять способ использования им этих материалов для написания статей. Том содержит, помимо прочего, ряд выписок Энгельса по военной истории.

Немалый интерес Маркса к естествознанию, почти совсем неизвестный, обнаруживается в томе «*Karl Marx – Friedrich Engels, Naturwissenschaftliche Exzerpte und Notizen. Mitte 1877 bis Anfang 1883*»²³. В этой книге представлены записки по органической и неорганической химии в период 1877–1883 гг., открывающие нам еще один аспект его работы. Этим опровергается легенда, повторяемая во многих биографиях Маркса, будто в последние десять лет он, полностью удовлетворив свое интеллектуальное любопытство, забросил научные исследования. Опубликованные записки описывают химические соединения, содержат выписки из книг по химии Мейера, Роско и Шорлеммера, а также заметки по физике, физиологии и геологии — дисциплинам, которые расцвели в последнюю четверть XIX столетия и за успехами которых Маркс желал проследить. Эти исследования затрагивают одну из наименее разработанных областей в марксоведении и, не будучи напрямую связанными с его работой над «*Капиталом*», заставляют задаться нерешенным пока вопросом о причинах такого интереса к естествознанию. Завершается том выписками Энгельса на схожие темы, сделанными в тот же период.

Если рукописи Маркса знавали разные времена и пока не нашли дорогу в печать, то книги, которыми они с Энгельсом владели, постигла еще более грустная участь. После смерти Энгельса две библиотеки, содержавшие книги с интересными маргиналиями и пометками, были частично рассеяны и лишь впоследствии с большим трудом реконструированы и каталогизированы. Том «*Karl Marx – Friedrich Engels, Die Bibliotheken von Karl Marx und Friedrich Engels*»²⁴ на самом деле — плод 75 лет исследований. В нем собран каталог на 1450 книг в 2100 томах (две трети всех книг, которыми владели Маркс и Энгельс), с аннотациями всех имеющихся заметок на страницах каждого тома. Эти данные в MEGA² предстоит дополнить каталогом книг, на сегодняшний день недоступных (общее число всех книг — 2100 в 3200 томах), указаниями маргиналий, наличествующих на 40 тысячах страниц 830 текстов, и публикацией комментариев на полях.

²³ MEGA² IV / 31, A. Griese, F. Fessen, P. Jäckel, and G. Pawelzig (eds.). Berlin, 1999.

²⁴ MEGA² IV / 32, H. P. Harstick, R. Speri, and H. Strauß (eds.). Berlin, 1999.

Как отмечали многие знакомые Маркса, он рассматривал книги не как предмет роскоши, а как инструмент для работы. Обращался с ними плохо, загибал углы страниц и подчеркивал в них. «Они мои рабы и должны исполнять мою волю», — говорил он о своих книгах. С другой стороны, он испытывал к ним сильную привязанность, вплоть до того, что говорил о себе как о «машине, обреченной поглощать книги, чтобы извергнуть их, уже в иной форме, в навозную кучу истории»²⁵. Знание некоторых прочитанных им вещей — а следует помнить, что его библиотека дает лишь частичный срез той кропотливой работы, которую он вел десятилетиями, главным образом в Британском музее Лондона, — равно как и его комментарии к ним, представляет собой драгоценный ресурс для реконструкции хода его исследований. Это знание позволяет также отвергнуть ложную марксистско-ленинскую агиографическую трактовку его идей как плода внезапного озарения, а не переосмысления теоретического багажа предшественников и современников, как то было на самом деле.

Наконец, можно спросить, что за новый Маркс вырастает из нового историко-критического издания? Разумеется, это Маркс, отличный от того образа, который был принят многими его последователями и оппонентами на протяжении долгого времени. Извилистый процесс распространения его сочинений и отсутствие полного и цельного их издания, наряду с их фундаментальной незавершенностью, неблагоприятные дела эпигонов, тенденциозные прочтения и еще более многочисленные ошибки в прочтении — таковы главные причины великого парадокса: Карл Маркс — непонятый автор, жертва глубокого и без конца умножаемого недоразумения.

Повторное открытие его труда восстанавливает богатство пластичной и полиморфной мысли и открывает новые горизонты для будущей *Marx-Forschung*.

Перевод Андрея Майданского

²⁵ Karl Marx to Laura and Paul Lafargue. 11 April 1868 // Marx — Engels Werke, Bd. 32. Berlin, 1965. S. 545. [Русский переводчик деликатно заменил «навозную кучу» на «мусорный ящик» истории. См.: Сочинения. Т. 32. С. 454.]

Иной Маркс: возвращение к истокам

Интервью с Марчелло Мусто

Веси Ойттмен и Андрей Майданский: **В ваших последних исследованиях о Марксе заметно стремление учесть новую исследовательскую ситуацию, сложившуюся после публикации MEGA². Вы и в самом деле считаете, что эти новоявленные, неизвестные прежде материалы способны глубоко изменить наше восприятие Маркса и марксизма?**

Марчелло Мусто: Много лет я проработал с томами MEGA², уделяя большое внимание филологическим открытиям, имеющим отношение к работам Маркса — как уже известным, но некорректно изданным, так и ранее неопубликованным, таким, как черновики «Капитала» или Марксовы тетради конспектов, которые увидели свет совсем недавно. Эти материалы, в частности, обнаружили тысячи редакторских вмешательств Энгельса в Марксов *tagmit opus* и доказывают, что второй и третий тома «Капитала» были во многом предварительными набросками.

Мой личный опыт — маленький пример того воздействия, которое MEGA² смогло оказать на ученых: стажировка в Берлин-Бранденбургской Академии наук (штаб-квартира MEGA²) и исследования в амстердамском Международном институте социальной истории (здесь хранятся две трети рукописей Маркса; еще треть находится в Российском государственном архиве социально-политической истории), которые я проводил, еще когда был докторантом, значительно обогатили и во многих случаях изменили мое понимание Маркса. Однако мне не доводилось пережить, что называется, «драмы открытия» нового Маркса. С конца 60-х гг. (ведя отсчет с момента появления в 1968 г. знаменитой статьи Мартина Николауса в «New Left Review», ставшей прелюдией к первому английскому переводу «Grundrisse»¹) многие авторы постоянно говорили о «неизвестном Марксе». В последние годы вышло две книги с таким заглавием: одна написана видным испано-американским

¹ Nicolaus M. The Unknown Marx // New Left Review. Vol. 48. March—April 1968. S. 41—61.

В 1973 г. статья была помещена в качестве предисловия в английское издание «Grundrisse».

исследователем Энрике Дюсселем², другая — японцем Такахиша Оиши³. Я никогда не соглашался с теми, кто придает столь большое значение новейшим публикациям текстов Маркса; после «Grundrisse», полагаю, не было рукописей, способных изменить наше восприятие настолько, чтобы зашла речь о «неизвестном Марксе».

Как бы там ни было, новые рукописи, опубликованные в MEGA², дают возможность реконструировать важные фазы мысли Маркса, мало кем до сих пор исследованные. Взять, к примеру, его критику политической экономии: огромное большинство ученых учитывали лишь отдельные периоды в развитии Маркса, зачастую перескакивая от «Экономическо-философских рукописей 1844 года» напрямик к «Grundrisse» (1857–1858), а далее — к первому тому «Капитала» (1867), в лучшем случае принимая еще во внимание «Нищету философии» (1847). Сегодня благодаря MEGA² положение дел изменилось, по крайней мере для серьезных исследователей Маркса. Используя новые материалы, мы можем реконструировать все стадии Марксовой критики политической экономии, а значит, и проследить формирование мысли Маркса более обстоятельно и без идеологических помех, которые имели место в прошлом.

Пожалуй, суммируя все возможности, открытые MEGA², я бы сказал, что это издание дает нам научную основу для прочтения «инога Маркса». Я имею в виду образ, хотя и отнюдь не чуждый политике и классовой борьбе, однако весьма далекий от того классика, чьи цитаты использовались как библейские вирши (bible-like verses) в Советском Союзе и странах «реального социализма».

Какие идеи Маркса, по Вашему мнению, были превратно истолкованы либо вообще не поняты большинством марксистов? Например, в предисловии к сборнику «По следам призрака»⁴ вы критикуете Плеханова за то, что он считал марксизм целым мировоззрением⁵.

Подобно многим другим марксистам после него Плеханов повинен в создании окостенелой, негибкой концепции общества и истории. А его идеи оказали большое влияние на русских революционеров, и не только на русских благодаря его международной известности в то время. На мой взгляд, эта концепция, основанная на упрощенном монизме, для которого экономические изменения являются решающими при любых трансформациях общества, имеет весьма мало общего с собственным учением Маркса. Она гораздо больше связана с культурным климатом эпохи, когда большую роль играли позитивизм и детерминизм.

² Dussel E. *Towards an Unknown Marx: A Commentary on the Manuscripts of 1861–1863*. Transl. by Y. Angulo. London: Routledge, 2001.

³ Oishi T. *The Unknown Marx*. London: Pluto Press, 2001.

⁴ *Sulle tracce di un fantasma. L'opera di Karl Marx tra filologia e filosofia*. Roma: Manifestolibri, 2005.

⁵ В работе «Основные вопросы марксизма».

В подготовительных рукописях к третьему тому «Капитала» Маркс писал, что он пытался представить «организацию капиталистического способа производства в его идеальном среднем (ideal average)» и потому в его наиболее полной и всеобщей форме. Так что я не утверждаю, будто Маркс не стремился обрести целое мировоззрение или не хотел мыслить систематически, если угодно так выразиться. Я лишь пытался доказать, что его обобщение было совсем иным, чем у Плеханова и позже, не говоря уже об отцах того чуждого переменам монизма, который именовался «диаматом».

Перечень превратно истолкованных или же непонятых последователями и охранителями идей Маркса очень долог. За недостатком места отмечу лишь одну тему. В последнем счете важнее всего для меня то, что случилось с социализмом в XX столетии: представление, будто в коммунистическом обществе нет места индивидуальности; что посткапиталистическая ассоциация трудящихся мыслилась Марксом как противное свободе (liberticidal) общество, режим угнетения без гражданских прав и политических гарантий. Это величайший парадокс, который только мог случиться с Марксом, скандал для тех, кто знает его труды. Я читал многих философов и классиков политической мысли и встречал лишь немногих, кто был столь поглощен — так подчеркнуто озабочен! — интересами свободного развития индивидуальности *всех* людей, не только привилегированных классов. И я убежден, что этот пункт является основополагающим для политических партий и общественных движений, находящихся источник вдохновения в Марксе.

Вы не раз отмечали, что для теоретического наследия Маркса характерны неполнота и фрагментарность, цитируя любимый девиз Маркса: «De omnibus dubitandum»⁶. Важно помнить об этом, предохраня наследие Маркса от догматических толкований, но не стоит ли нам опасаться, пытаясь избежать Сциллы догматизма, столкнуться с Харибдой релятивизма?

Да, согласен. Тут есть известный риск и опасность ошибки, особенно в век, когда релятивистские и постмодернистские подходы так широко распространены и влиятельны (и дело, конечно, не только в их преобладании в последние два десятилетия). Нам следует помнить про обе части уравнения, не забывая о том, что Маркс хотел закончить свой гераклов труд. Неполнота и фрагментарность его произведений обусловлены обширностью предмета; потребовались многие годы исследований для его серьезного критического осмысления. И мы не должны повторять ошибку многих марксистов, которые в последние десятилетия рассматривали «Экономическо-философские рукописи 1844 года» как книгу (а в глазах некоторых эта книга даже более важ-

⁶ Во всем сомневаться (лат.).

на и полезна, чем первый том «Капитала»!), а второй и третий тома «Капитала» — как последнее слово Маркса о тех предметах, что исследовались им в этих рукописях.

С другой стороны, я считаю абсолютно необходимым критиковать догматический марксизм, и делать это решительно. Это было — и во многом еще остается — одной из наиболее очевидных задач нового поколения ученых и политических активистов, которые верят, что Маркс и сегодня может оказать немалую помощь в понимании и изменении мира. Как возможно сегодня актуализовать Марксову критику капитализма — на реальной почве, не в миноритарных и маргинальных кругах и не в виде благих пожеланий — для левых политических партий и общественных движений, которые все еще видят в Марксе необходимый источник критики и борьбы против капитализма, если мы не расчистим его основы от прежней марксистско-ленинской догматики? Как могут левые вернуться к разговору с рабочими и молодежью, если мы не сумеем объяснить им, сколь мало общего у нас (и еще меньше у Маркса) с теми обществами, что были построены во имя социализма во второй половине XX столетия?

При этом, разумеется, нельзя впадать в новую апологетику Маркса, веруя, что работы, написанные полтора столетия тому назад, содержат точное описание сегодняшнего мира, или отрицая наличие в них противоречий и ошибок.

Я пытаюсь работать в таком духе с новым сборником, который я редактирую и собираюсь вскоре опубликовать: «Возрождение Маркса. Очерки критики современного общества»⁷. В этом томе ряд авторитетных ученых из разных стран — таких, как Иммануил Валлерстайн, Мойше Постоне, Эллен Мейксинс Вуд и многие другие, — рассуждают, заново перечитывая Маркса, насколько уместны его идеи сегодня и чем они полезны для критического уразумения мира. Это научная книга, но написанная специально для левых — противников капитализма, переживающих трудные времена.

Как вы оцениваете радикально новые подходы к теоретическому наследию Маркса? Например, Антонио Негри и Майкл Хардт в своей книге «Империю» попытались переосмыслить Маркса, опираясь на понятия «живого труда» (которое сливается у них с как бы спинозистской идеей «множества») и «всеобщего интеллекта» (выражение из «Grundrisse»). Не выходит ли такое развитие уже за пределы того, что можно назвать марксизмом?

Не вдаваясь глубоко в критику книги Негри и Хардта с ее теоретической смутностью и политическими противоречиями (в них, вероятно,

⁷ The Marx Revival. Essays on the Critique of Contemporary Society. Palgrave, forthcoming 2011.

кроется одна из причин ее успеха у публики), о чем было немало написано в последние годы, интересно отметить, что некоторые мыслители, получившие репутацию наиболее выдающихся марксистов нашего времени, часто весьма далеко удалялись от идей Маркса. Аналитические марксисты и Жак Деррида в прошлом, Антонио Негри и Славой Жижек сегодня, на мой взгляд, служат примерами данного феномена.

Вопрос не в том, является ли преступлением или святотатством идти за пределы Маркса, чтобы исправить его ошибки или доработать его концепцию с учетом колоссальных изменений, произошедших в мире после его смерти. (Следует помнить, что сам Маркс не только отказался отдать в печать рукописи второго и третьего томов «Капитала», стоившие ему более двадцати лет труда, но и потратил немало времени и энергии в последние оставшиеся ему годы жизни на то, чтобы переписать и доработать многие части первой книги «Капитала»). Проблема в том, что сегодня у маленьких, в сравнении с временами двадцатилетней давности, политических партий и движений, которые критически настроены по отношению к капитализму, теории, наподобие той, что создана Негри, считаются, если можно так выразиться, «аутентичной» марксистской альтернативой реалиям капиталистического общества. А эти теории слишком часто восходят к совсем другим теоретикам и культурам, нежели Маркс и история рабочего движения (к примеру, в случае Жижека это — Лакан и психоанализ).

У данной проблемы есть и другая, еще более прискорбная сторона. Более чем на два десятилетия Маркс почти исчез из видимости. За исключением «Манифеста коммунистической партии», его сочинений не было в книжных магазинах, и мне не кажется преувеличением утверждение, что Маркс практически неизвестен новому поколению политических активистов и студентов, не говоря уже о фабричных рабочих или профсоюзных лидерах.

Возвращаясь к поставленному Вами вопросу, риск заключается в том, что в результате распространения марксистско-ленинских или маоистских учебников идеи Маркса могут быть ложно истолкованы такими авторами, как Негри. Собственно, это уже и случилось, если вспомнить, что в последние годы идеи Маркса оказались поставленными в связь с понятиями вроде «честной торговли» (*fair trade*) и другими неопрудонистскими теориями, такими, как микрокредит и микрофинансы, всецело пропитанными духом капитализма, с которым Маркс сражался всю свою жизнь. А пропагандистское название крупнейшего левого общественного движения последних двух десятилетий — *антиглобализм* — вполне могло бы заставить Маркса перевернуться в своем гробу! Для меня очевидно, что после такого чудовищного смешения понятий и после всех поражений последнего времени мы должны начать все дело заново, с самых основ.

Вот почему главным приоритетом сегодня является необходимость переиздать труды Маркса и воспользоваться ими, критически и без вся-

кого консерватизма, для того чтобы лучше понять противоречия и проблемы нашего времени.

Традиция итальянского марксизма подчеркивает, следуя Грамши, значение Маркса как прежде всего историка, творца исторического материализма. Каковы, на ваш взгляд, главные открытия Маркса-историка?

Он был великим историком. В течение жизни в некоторых своих памфлетах или в статьях для «Neue Rheinische Zeitung» и «New-York Tribune» он описывал многие важнейшие политические события своего века, в том числе революции 1848 г., Крымскую войну и европейскую дипломатию, финансовый кризис 1857 г., Гражданскую войну в Соединенных Штатах, Парижскую коммуны и др.

Что до исторической теории, то Марксово материалистическое понимание истории — возможно, одно из величайших открытий в общественных науках. Эту теорию много критиковали, но, опять-таки, если мы взглянем на эту критику повнимательнее, обнаружится, что она обращена не столько к Марксу, сколько к «историческому материализму» (выражение, которым Маркс никогда не пользовался) его последователей, а то и к вульгарному сталинскому диамату (я имею в виду широко известную главу «О диалектическом и историческом материализме»), не имеющему абсолютно ничего общего с Марксом. Ему приписывалась вера в жесткую и неотвратимую последовательность перехода к социализму по ступеням общественных формаций. Возможно, в этом плане MEGA² могла бы принести пользу: в последнем издании первой части «Немецкой идеологии» (так называемая «Глава I. Фейербах») реконструирован фрагментарный характер этих неоконченных рукописей, благодаря чему рушится фальшивая «марксистско-ленинская» интерпретация, превратившая эти рукописи, написанные молодым ученым в самом начале его исследований в области политической экономии, в исчерпывающее изложение «исторического материализма».

Сам Маркс, как известно, выделял три своих новации в области истории⁸. Считаете ли вы эти идеи приемлемыми и сегодня, спустя полтора столетия?

Одна из причин ложного понимания Маркса кроется, на мой взгляд, в том, что написанные им строки слишком часто читались вне исто-

⁸ «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов». (Письмо к И. Вейдемейеру. 5 марта 1852 г. / Сочинения. Т. 28. С. 427).

рического контекста. Возьмем для примера его письмо к Вейдемейеру. Оно написано в 1852 г., когда Марксу было 33 года, т. е. он был молод и еще только разрабатывал свои теории. Мы должны также иметь в виду, что это было письмо к товарищу, а не изложение его позиции в книге. Следовательно, его не стоит воспринимать как тщательно сформулированное заявление. Само собой, оно не кажется мне окончательным суждением Маркса по данному вопросу. Тем не менее эти слова из письма широко цитировались. К примеру, в ГДР они печатались на бесчисленных политических плакатах, дабы подчеркнуть мнимую важность для Маркса понятия диктатуры пролетариата. А дело-то обстоит иначе. В своей книге, посвященной Марксовой теории революции⁹, Хэл Дрэйпер показал, что Маркс очень редко пользовался понятием «диктатура пролетариата» — всего лишь семь раз, включая не только публикации, но и переписку, в том числе письмо к Вейдемейеру. А вот марксисты, напротив, это выражение широко использовали: Ленин, согласно Дрэйперу, употребил его пять тысяч раз. Как видим, разница громадная! Это злоупотребление термином характерно как для самозванных марксистов, желающих найти оправдание своих теоретических взглядов или действий, так и для антимарксистов, критикующих вместо самого Маркса неадекватные приложения его теории.

Во всяком случае, я думаю, что после публикации первого тома «Капитала», в 1867 г., или в конце своей жизни Маркс отметил бы уже другие свои открытия, доведись ему снова отвечать на вопрос Вейдемейера. Безусловно, не существует жесткой связи между классовой борьбой и диктатурой пролетариата. А формулировка об отношении между диктатурой пролетариата и конечной целью — построением общества без классов — нуждается в более тщательном разъяснении и может быть истолкована как утопическое или гегельянское (я подразумеваю хорошо известные дебаты о конце истории и пр.) положение. Реальность гораздо сложнее: политическая революция вовсе не означает автоматического осуществления общественных изменений, как научил нас XX век; в ней следует видеть лишь начало непрерывного процесса снятия отчуждения и эмансипации. Это бесконечный процесс, в котором преодоление капиталистического классового неравенства или «хэппи-энд» социализма вовсе не гарантированы.

Вы сказали, что в конце жизни Маркс отметил бы другие свои открытия. Звучит интригующе. Не могли бы вы конкретнее высказаться на этот счет?

Вклад Маркса в общественные науки очень велик, я же выделю только две темы. Первая — его знаменитая теория прибавочной стоимости,

⁹ Draper H. The dictatorship of the proletariat: from Marx to Lenin. New York: Monthly Review Press, 1987.

особый вид эксплуатации в капиталистическом способе производства. Стоимость, создаваемая в производстве неоплаченным прибавочным трудом рабочих для капиталиста, представляет собой основу накопления капитала.

Второго пункта я немного уже коснулся — это идея исторического характера всех общественных формаций. Одна из красных нитей Марксовых работ, от ранних экономических сочинений до «Grundrisse» и «Капитала», есть доказательство исторической специфичности капиталистического способа производства. Он всякий раз резко критиковал стремление экономистов изображать эту историческую реальность как нечто естественное, проецируя типичные явления буржуазной эры на любое другое общество, существовавшее ранее, и видеть в изолированном, эгоистическом индивиде эпохи Просвещения архетип человеческой природы. В своей критике экономистов Маркс преследовал двоякую цель. Подчеркивая необходимость исторической характеристики для понимания реальности, он тем самым решал и конкретную политическую задачу — опровергал догму о постоянстве капиталистического способа производства. Демонстрация историчности капиталистического порядка служила бы также и доказательством его преходящего характера и возможности его ликвидации. Для Маркса капиталистическая экономика не следует из некоей вне- или аисторической «человеческой» природы, как то заявляли политэкономы, но есть результат долгого исторического развития, доказательство того факта, что капитализм не единственная ступень в истории человечества и не последняя ее ступень.

Перевод Андрея Майданского

Авторы

Musto, Marcello—PhD., Department of Political Science of York University, Toronto, Canada

Oittinen, Vesa—PhD., Professor, Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland

Баллаев, Андрей—канд. фил. наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии РАН

Кондрашов, Петр—докторант Института философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург.

Майданский, Андрей— д-р фил. наук, профессор, Институт управления и экономики, Таганрог

Мареев, Сергей—д-р фил. наук, профессор, Современная гуманитарная академия, Москва

Межуев, Вадим—д-р фил. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН